Богатый фабрикантъ Иванъ Андреевичъ Горѣловъ съ дочерью выѣзжалъ на дачномъ пароходѣ по Волгѣ въ городъ Сонохту, чтобы встрѣтить на станціи желѣзной дороги своего брата и племянницу. Теперь вмѣстѣ съ ними онъ возвращался къ себѣ на дачу возлѣ фарфороваго и кирпичнаго заводовъ. Ѣхали тоже на пароходѣ.

Павелъ Ивановичъ Башаровъ былъ братъ Горѣлова по матери. Въ братьяхъ было и много сходнаго, и много разнаго. Горѣловъ былъ полонъ и живъ, лѣтъ пятидесяти, Башаровъ сухъ и сдержанъ, лѣтъ на пять моложе. Горѣловъ охотно занимался и заводами своими, и своимъ великолѣпно поставленнымъ садомъ. Башаровъ предпочиталъ быть рантьеромъ, и держалъ деньги въ германскихъ банкахъ, — русскимъ не довѣрялъ: боялся, что въ Россіи опять вспыхнетъ революція, и что деньги изъ банковъ будутъ конфискованы.

Стоялъ жаркій лѣтній день. Братья сидѣли на палубѣ парохода, разговаривали и любовались живописными берегами Волги. Милочка, дочь Горѣлова, и Елизавета, дочь Башарова, разговорились очень оживленно съ худенькою, тоненькою дѣвицею въ элегантномъ костюмѣ

и въ широкополой соломенной шляпѣ съ бѣлыми перьями.

Башаровъ вдругъ забезпокоился.

— Что это за цаца? — спросилъ онъ брата, показывая на дѣвицу.

Горѣловъ всмотрѣлся и громко захохоталъ.

— Да это — Ленка, — отвѣчалъ онъ брату.

— Что за Ленка? — испуганно спросилъ Башаровъ.

— Изъ здѣшнихъ, сонохотскихъ, дочь мѣщанки какой-то голодраной. Четыре года тому назадъ она еще по улицамъ босикомъ шлендала, милостинку выпрашивала для прокормленія родительницы, а потомъ вдругъ съ циркомъ увязалась, наѣздницей задѣлалась, — вишь, какая красавица стала! И не узнаешь.

Башаровъ сердито забормоталъ:

— Ну, это, я просто не понимаю, что такое! Неужели Милочка не могла сказать Лизѣ! Что за компанія для молодыхъ барышенъ!

И онъ закричалъ тревожно:

— Лиза, Лиза!

Всѣ три дѣвушки быстро повернулись въ сторону двухъ солидныхъ господъ, изъ которыхъ одинъ сердито смотрѣлъ на нихъ, а другой хохоталъ весело и громко. Ленка сказала тихо:

— Лизавета Павловна, вашъ батюшка сердится, зачѣмъ вы со мною разговариваете. Ужъ вы лучше идите къ нимъ, — мы съ вами еще встрѣтимся въ другой разъ, безъ старшихъ.

Елизавета быстро подошла къ отцу, слегка кивнувши головою Ленкѣ, и по лицу ея не

видно было, что перерывъ разговора непріятенъ. Милочка осталась разговаривать съ Ленкою. Больше слушала, — Ленка разсказывала о своихъ приключеніяхъ, переѣздахъ, удачахъ и голодовкахъ. Обо всемъ, удачномъ и неудачномъ, говорила одинаково легко и весело. Но Милочкѣ казалось, что и теперь еще не совсѣмъ обсохли на худощавыхъ, смуглыхъ щекахъ нарядной наѣздницы росящіяся слезинки.

Кончая разсказъ, говорила Ленка:

— Вотъ урвалась на мѣсяцъ, мать провѣдать, на Сонохту посмотрѣть. Ѣхала сюда, все здѣшнее вспоминала. Я перемѣнилась, Сонохта все та же, лѣнивая да сонная. Пуховиками обложилась, пирогами объѣдается, распѣвы нищихъ слѣпцовъ слушаетъ, — рвани да голи по-прежнему много. По дорогѣ такъ думала, — поживу недѣльку, пойду къ Свѣтлому озеру. Дѣвчонкой была, ни разу тамъ не бывала, не собраться было. Ну вотъ, думала, нынче пойду. А какъ пріѣхала, — думаю, — что я туда пойду? Грѣшными глазами все одно святыхъ стѣнъ не увижу, грѣшными ушами святого благовѣста не услышу.

— Никто не видѣлъ Китежа, — отвѣчала Милочка, — никто не слышалъ благовѣста.

Ленка поглядѣла во всѣ стороны быстро и тревожно, нагнулась къ самому Милочкину уху, и зашептала:

— Есть одинъ человѣкъ, — его каждый годъ въ святой день незримая сила восхищаетъ, и посреди града Китежа ставитъ.

— Кто-же онъ? — спросила Милочка.

Шептала Ленка:

— Тайный царь земли русской, въ святой день Покрова вѣнчанный. Придетъ время, откроется.

* * *

Жена Горѣлова, Любовь Николаевна, и его сынъ Николай ждали его и гостей на пароходной пристани; а и вся-то пристань — ломаная барка, причаленная къ берегу.

— Хотѣла выѣхать вамъ навстрѣчу... — начала Любовь Николаевна.

Николай, студентъ четвертаго курса, и, по всѣмъ наружнымъ признакамъ, балбесъ, перебилъ ее, ломаясь и кривляясь:

— Да задержали наиважнѣйшія хозяйственныя заботы.

— А тебя что задержало? — спросила Милочка.

Какъ часто съ нимъ бывало, сбитый съ толку ея тономъ, Николай на минуту потерялъ свою самоувѣренность, и не сумѣлъ ничего отвѣтить. Горѣловъ, громко хохоча, сказалъ женѣ:

— А мы съ Павломъ, не успѣли встрѣтиться, какъ ужъ опять сцѣпились спорить, — все на ту же тему.

— На счетъ помѣщенія капиталовъ? — спросилъ Николай.

Онъ бывалъ очень догадливъ, когда шла рѣчь о деньгахъ.

— Въ самую точку попалъ, — отвѣчалъ отецъ.

Продолжая оживленно разговаривать, пересѣкли песчаный берегъ, оживленный въ часъ прибытія парохода, но уже готовый опять погрузиться въ лѣнивую и сонную тишину, поднялись по крутой дорожкѣ, и вошли въ Горѣловскій садъ. Садъ содержался отмѣнно хорошо. По тому, какъ хозяинъ поглядывалъ на гостей, видно было, что онъ гордится и садомъ, и всѣмъ, что здѣсь есть. Съ дорожекъ и съ террасъ сада открывался очень красивый видъ на Волгу и на недалекій городъ. Сквозь мглистую даль золотыя главы многочисленныхъ церквей радостно, переливно блистали на солнцѣ. Бѣлыя стѣны домовъ, раскинувшихся широко надъ Волгою, создавали впечатлѣніе успокоенной ясности, — свѣтлѣе и чище, казалось, не предсталъ бы взорамъ и самъ преславный градъ Китежъ.

Но на все это великолѣпіе Башаровъ посматривалъ скучающими глазами. Онъ только что возвратился съ Ривьеры, гдѣ насмотрѣлся всякихъ естественныхъ и искусственныхъ красотъ. А русскій человѣкъ не можетъ повѣрить, что русскіе пейзажи не хуже заграничныхъ. Башаровъ говорилъ обычнымъ своимъ холоднымъ и кислымъ тономъ:

— Что ты тамъ, Иванъ, ни говори, а я съ тобою согласиться никакъ не могу. Хоть мы съ тобой, какъ говорится, и братья, но видно, мы оба не въ мать, — ты въ своего отца уродился, я — въ своего, и на вещи мы съ тобою смотримъ совершенно различно.

— Чудакъ! — весело возражалъ Горѣловъ, — да вѣдь ариѳметика то одинаковая, что у

тебя, что у меня, — какъ ты на этотъ счетъ полагаешь?

— Кто ее знаетъ, эту твою ариѳметику! — съ кислою усмѣшкою отвѣчалъ Башаровъ. — Въ твоей ариѳметикѣ, кромѣ сложенія и умноженія, есть еще и вычитаніе и дѣленіе, а въ моей нѣтъ. Единица и шесть нулей.

— Однако, не рублей, а марокъ, — вставилъ Николай.

— Вѣрныхъ, честныхъ германскихъ марокъ, — отвѣчалъ Башаровъ съ тѣмъ упоеніемъ, съ которымъ русскіе люди хвалятъ чужое.

И по его лицу было видно, какъ пріятно ему думать, что его сокровище лежитъ въ Берлинѣ, и какъ поэтому спокойна его душа. Не надо бояться никакихъ случайностей русской жизни, неурядицъ, забастовокъ, волненій.

Не одинъ Башаровъ, многіе русскіе послѣ событій 1905 года помѣстили свои капиталы въ германскіе банки. Въ числѣ ихъ были не только типичные буржуа, но и очень интеллигентные люди. Они довольствовались небольшимъ процентомъ, который казался имъ зато вѣрнымъ. Германцы были еще болѣе довольны, — чужія деньги, въ изобиліи проливаемыя русскими во множествѣ видовъ на германскую почву, были очень полезны для благоустройства германскихъ городовъ и для процвѣтанія германской торговли и германской промышленности. Ахъ, глупость работаетъ не плоше измѣны!

* * *

Вечеромъ въ помѣщеніи фабричнаго клуба былъ любительскій спектакль и потомъ танцы. Актерами и актрисами выступали фабричные. Не искусно играли, но съ большимъ увлеченіемъ. Такъ же и танцовали они, безъ ловкости, но съ азартомъ. Были и почетные гости: Николай Горѣловъ съ сестрою, Елизавета Башарова, и ея женихъ, инженеръ Шубниковъ, служащій на фабрикахъ у Горѣлова. Всѣ они усердно участвовали въ танцахъ. Николай ухаживалъ за красивою работницею Вѣрою Карпуниною. Тоже усердно, но безъ малѣйшаго успѣха.

Конторщикъ Пучковъ, красивый молодой человѣкъ съ мечтательными глазами, которымъ странно и непріятно противорѣчилъ слишкомъ легкомысленный галстукъ, розовый съ лиловыми крапинками, говорилъ Милочкѣ въ перерывѣ между двумя танцами:

— Правда ли говорятъ, что вашъ дядюшка, господинъ Башаровъ, держитъ свои капиталы въ берлинскомъ государственномъ банкѣ?

Милочка посмотрѣла на Пучкова съ удивленіемъ. Спросила:

— Почему вы этимъ интересуетесь?

— Конечно, это не мое дѣло, — говорилъ Пучковъ, — но только очень печально. Господинъ Башаровъ не одинъ. А всѣ эти милліоны очень пригодились бы на русской скудной экономической почвѣ. Все у насъ такъ неустроено, такъ вездѣ много потребностей, много, извините за выраженіе, незаткнутыхъ дыръ, — каждая копейка пригодилась бы. А нѣмцы и безъ насъ богаты.

— Вы, конечно, правы, — сказала Милочка, — но что жъ дѣлать, если многіе не довѣряютъ русскимъ банкамъ?

— И напрасно не довѣряютъ, — возражалъ Пучковъ. — Если власть перейдетъ къ пролетаріату, ничьи деньги не пропадутъ. Рабочимъ чужихъ денегъ не надо. А что именно имъ надобно, это вы сами хорошо знаете, да и мы съ вами неоднократно на эту занятную тему бесѣдовали. Такъ часто, что боюсь, надоѣлъ я вамъ такими разговорами.

Милочка молча улыбнулась. Въ это время, шурша новенькими платьицами, подошли двѣ здѣшнія работницы, Иглуша и Улитайка. Иглуша, хихикая, сказала:

— Барышня, хотите, загадку загадаю? Николай Ивановичъ никакъ не могъ угадать, и господинъ Шубниковъ не могъ, а вы, можетъ быть, угадаете.

Улыбчиво простодушно было румяное Иглушино лицо. Милочка засмѣялась.

— Скажите, Иглуша.

Красивая Вѣра и нарядная Ленка остановились тутъ же. Вѣра пренебрежительно сказала:

— Глупости!

— А ты знаешь отгадку, такъ не говори, — поспѣшно сказала Улитайка.

Вѣра пожала плечьми. Стояла и слушала, усмѣхаясь, какъ взрослые слушаютъ маленькихъ. Иглуша говорила:

— Вотъ загадка: Когда мать у сына живетъ?

Милочка уже знала этотъ типъ загадокъ-каламбуровъ. Подумала немного, и сказала:

— Мать никогда усовъ не наживетъ.

Иглуша всплеснула руками.

— Скажите, пожалуйста, — угадали!

Улитайка поторопилась съ другою загадкою:

— Ну, слушайте, я вамъ другую загадаю, — у васъ на балконѣ ходятъ?

Поощренная первою удачею, Милочка эту загадку рѣшила еще быстрѣе:

— У насъ на балъ люди ходятъ, а не кони.

— Вы знали раньше, раньше знали разгадку! — закричали обѣ дѣвушки вразъ.

— Глупости! — повторила Вѣра. — Что это за загадки! Подумалъ немного, и разгадалъ. А вотъ, Людмила Ивановна, такія бываютъ загадки, — всю голову разломитъ, а все ничего не придумаешь. И надобно рѣшить, — хоть умри, да рѣши, — а рѣшить то и нельзя. А то и придумаешь рѣшеніе, да непремѣнно окажется, что разгадка то не одна, — нѣсколько ихъ, и одна другой хуже. Какъ въ сказкѣ говорится: направо пойдешь, дорогое себѣ потеряешь; налѣво пойдешь, головы не сносишь; прямо пойдешь, назадъ не вернешься; на мѣстѣ застоишься, въ соляной столбъ обратишься; а назадъ повернешь, въ болотѣ завязнешь.

Милочка, тихо улыбаясь, сказала:

— О, Вѣра, какъ вы подробно разработали сказочный мотивъ!

Вдругъ Милочкинъ голосъ дрогнулъ. Она порывисто ущипнула Вѣру подъ подбородкомъ, притянула ее къ себѣ, и поцѣловала. И, когда Милочкины глаза были близки къ Вѣринымъ,

Вѣрѣ показалось, что она глянула въ синее озеро слезъ. Милочка повернулась, и быстро пошла въ корридоръ. Вѣра догнала ее. Крѣпкою рабочею рукою придержала ее за обнаженный локоть, и золотозвенящимъ голосомъ спросила:

— Другъ мой, солнышко, или я тебя обидѣла больно? Что плачешь, Милочка? О себѣ не плачь, обо мнѣ тоже не надобно, не хочу.

Милочка, вытирая слезы, отвѣчала:

— Да ужъ я и не плачу. Такъ, вдругъ въ сердце укололо. Знаешь, Вѣра, если кожа сорвана съ тѣла, пылинка ранитъ.

* * *

Такъ какъ у Башарова никакого практическаго дѣла не было, то онъ проводилъ жизнь, занимаясь наблюденіями и заботясь о чужихъ дѣлахъ. Съ отношеніями и съ обстоятельствами жизни въ семьѣ Горѣловыхъ онъ былъ хорошо ознакомленъ, — по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, — и въ этотъ пріѣздъ очень быстро разобрался въ томъ, что здѣсь случилось новаго. И все новое здѣсь ему не нравилось. Да и старое не пользовалось его симпатіями. Если онъ каждое лѣто пріѣзжалъ къ брату погостить нѣсколько недѣль, то дѣлалъ это просто по привычкѣ издавна усвоенной, по той странной привычкѣ къ туризму во что бы то ни стало, которая заставляетъ многихъ людей хорошаго достатка вести кочевой образъ жизни,

и большую часть года проводить внѣ того города, гдѣ находится ихъ постоянное жилище.

Не нравилось теперь Башарову то, что здѣсь гостилъ профессоръ Абакумовъ, старый другъ дома. Положимъ, Башаровъ и раньше очень часто встрѣчался съ профессоромъ въ этомъ домѣ. Но тогда постоянно съ профессоромъ бывала его жена, бойкая дама изъ здѣшнихъ купчихъ. Теперь же Абакумовъ овдовѣлъ, и было что-то непріятное для Башарова въ его гощеніи. Вставали въ памяти старыя сплетни, чудилась какая-то опасность семейному благополучію. Въ чемъ дѣло, Башаровъ догадывался, но сказать о своихъ догадкахъ брату пока не рѣшался, — не было доказательствъ.

Не нравилось то, что Ленка зачастила къ Милочкѣ. Не компанія, — это одно. А второе, — Горѣловъ началъ засматриваться на Ленку, и дѣло могло принять обычный, при влюбчивости Горѣлова, оборотъ. Любовныя приключенія Горѣлова были безчисленны. Они не мѣшали тому, что онъ нѣжно и почти благоговѣйно былъ влюбленъ до сихъ поръ въ свою жену. Жена была для него святынею въ домѣ, а любовныя приключенія — веселыми уступками всесильному бѣсу плотской похоти.

Не нравилось Башарову то, что Николай часто ходилъ на фабрику. Повидимому, онъ увлекался какою-нибудь изъ фабричныхъ работницъ. И уже Башаровъ досадовалъ на себя, зачѣмъ не пошелъ на фабричный балъ, — увидѣлъ бы своими глазами, въ чемъ дѣло. Елизавета же ничего не замѣтила. По крайней мѣрѣ, ничего не разсказывала. А разспрашивать

Башаровъ не хотѣлъ. Онъ предпочиталъ ставить себя въ такое положеніе, чтобы свѣдѣнія сами собою текли къ нему.

Не нравилось и то, что Шубниковъ еще служилъ у Горѣлова, и, очевидно, сидѣлъ очень прочно и пользовался большимъ довѣріемъ. Башаровъ надѣялся, что нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ его дочь не видѣлась съ Шубниковымъ, а такъ же и многія новыя интересныя встрѣчи и знакомства изгладятъ изъ Елизаветиной памяти образъ красиваго, самоувѣреннаго молодого инженера. Но оказалось, что надежды его были тщетны, — Елизавета и Шубниковъ встрѣтились такъ, какъ будто между ними уже все было рѣшено и они только ждутъ удобнаго момента, чтобы притти къ нему съ непріятнымъ разговоромъ. Положимъ, передъ Шубниковымъ могла быть очень хорошая инженерская карьера, — малый способный, работающій и знающій, — но для Елизаветы Башаровъ хотѣлъ бы болѣе блестящей партіи, человѣка съ уже готовымъ положеніемъ въ свѣтѣ, а не пробивающагося еще только въ свѣтъ выскочку Богъ вѣсть какого происхожденія.

Не нравилось и то, что въ саду ему часто встрѣчался вмѣстѣ съ Милочкою молодой конторщикъ Пучковъ. Какъ только вечеръ, онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Иногда и днемъ въ свободное время забѣжитъ. Милочкѣ его бесѣды, повидимому, пріятны. А Башарова все раздражало въ немъ, — и томный, мечтательный взглядъ, и аккуратный костюмчикъ, и пестрый галстукъ, и тоненькая тросточка, и независимая манера,

съ которою Пучковъ помахивалъ этою тросточкою. Заговаривалъ съ нимъ кое-когда Башаровъ, — вѣдь онъ же любилъ все знать вѣрно, изъ перваго источника, — и разговоры молодого человѣка ему не нравились независимостью сужденій и чуть-чуть замѣтною ироничностью, съ которою Пучковъ относился къ его распросамъ.

Однажды Башаровъ сказалъ Горѣлову:

— Зачѣмъ тутъ этотъ хамъ лиловый ходитъ? Похаживаетъ, тросточкой помахиваетъ, съ Милочкой о рабочемъ вопросѣ разговариваетъ, — подумаешь, ровня!

Говорилъ тихо, протому что недалеко въ саду, гдѣ всѣ тогда были, стояла Милочка. Тихій голосъ Башарова былъ похожъ па потрескиваніе сухихъ хворостинокъ.

— Странное знакомство! — ворчалъ онъ. — Я бы на твоемъ мѣстѣ не позволилъ.

Горѣловъ отвѣчалъ ему такъ же тихо:

— Пустое! Все это пройдетъ, какъ вѣтромъ сдуетъ. Запрещать хуже. Запретный плодъ слаже.

Милочка улыбаясь глянула въ его сторону, и онъ заговорилъ еще тише, и слышалось, какъ будто по саду проносится съ низкимъ гудѣніемъ большой, мохнатый шмель. Не слыша словъ, Милочка слышала только эти гудящіе звуки, догадывалась, что отецъ говоритъ о ней, знала, что онъ говоритъ о ней хорошее, и ласково улыбалась, глядя на озаренныя солнцемъ счастливыя дали.

Ахъ, счастливыя, счастливыя воды, чайки, шири, дали, и небеса, голубѣющія бездонно,

и теплыя вѣянія, напоенныя ароматами луговъ за рѣкою!

А Башаровъ потрескивалъ злобно:

— Вотъ неизбѣжное послѣдствіе этихъ слишкомъ близкихъ занятій фабрикою. Моя Елизавета, по крайней мѣрѣ, съ конторщиками не знается. А эти господа, — въ шестнадцать лѣтъ ужъ онъ революціонеръ.

* * *

Вечеромъ были красивы огоньки пароходовъ и маяковъ на Волгѣ. Горѣловъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ-миловидѣ надъ крутымъ откосомъ берега. Видно было далеко, звуки доносились отовсюду ясные и проникнутые какою-то особенною свѣжестью и чистотою. Наверхъ по откосу, по дорожкѣ къ саду, шли Милочка и Пучковъ, и разговаривали. Они говорили тихо, но Горѣловъ слышалъ ихъ послѣднія слова. О томъ, что Марксъ все-таки правъ, а Зомбартъ ошибается. Это говорилъ Пучковъ. Милочка что-то возражала.

У калитки они простились. Пучковъ пошелъ внизъ, Милочка стояла и смотрѣла вслѣдъ ему. Горѣловъ всмотрѣлся въ нее внимательно. Подумалъ:

«Ужъ не влюбилась-ли?»

И тотчасъ же эта мысль отпала. Нѣтъ, такъ влюбленная не глядѣла-бы, — такимъ, хотя и сочувствующимъ, но все-же критикующимъ взглядомъ. Горѣловъ окликнулъ Милочку. Она глянула вверхъ, улыбнулась и вошла въ миловиду. Горѣловъ весело спросилъ ее:

— Просвѣщаетъ?

И засмѣялся. Хохоталъ долго и громко, такъ, что эхо откликалось ему. Казалось, что далеко за Волгою кто-то озорной передразниваетъ его веселый хохотъ. Милочка улыбалась, молчала и краснѣла.

— Ты въ него не влюбись, Милочка, — говорилъ Горѣловъ. — Лучше въ Шубникова. Дѣльный малый. Да нѣтъ, и въ него нельзя.

— Почему нельзя? -- спросила Милочка.

— Въ него Лизочка влюблена. Вотъ-то потѣха будетъ, если вы въ него сразу обѣ влюбитесь! Смотри, Милочка, ты изъ-за моего инженера не подерись съ Лизочкой!

Милочка тихо отвѣчала:

— Папа, если мы и подеремся съ Лизою, то не изъ-за инженера.

Горѣловъ пересталъ хохотать, и внимательно посмотрѣлъ на Милочку. Въ его глазахъ мелькнуло даже нѣкоторое опасеніе, — какъ бы не напророчить! Хотя Милочка держалась очень скромно и тихо, но отецъ то хорошо зналъ, что она вся въ него, и если разсердится, то себя не помнитъ.

— Знаю, — сказалъ онъ, — развоюешься, такъ только держись. Только за что тебѣ съ Лизою ссориться?

— Я не собираюсь ссориться ни съ кѣмъ, — отвѣчала Милочка, — но меня ужасно возмущаетъ, какъ обращаются съ Думкою.

Думка была молоденькая дѣвушка, дочь сторожа при Горѣловской конторѣ. Училась на фельдшерскихъ курсахъ въ Петербургѣ. Башаровы давали Думкѣ у себя пріютъ, и за это

она должна была исполнять обязанности горничной при Елизаветѣ. Башаровъ придерживался того правила, что даромъ ничто не дается, и что благотворительность развращаетъ людей.

— Шалунья — твоя Думка, — сказалъ Горѣловъ. — Ей тоже воли давать нельзя.

— Она очень усердная, — возразила Милочка. — Сегодня утромъ я зашла къ Лизѣ. Слышу, крикъ ужасный. Смотрю, — Думка окоченѣла отъ страха, а Лиза надъ нею коршуномъ вьется, и такими словами ее ругаетъ, что у меня въ глазахъ потемнѣло, такъ я разозлилась. Лиза уже собралась за Думкинымъ отцомъ посылать, но я рѣшительно потребовала, чтобы она не смѣла этого дѣлать.

— Надо быть, за дѣло? — спросилъ Горѣловъ.

— Да просто ея башмаки забыла вычистить, вотъ и весь криминалъ. Обвинила въ лѣности, въ нежеланіи работать, въ неблагодарности.

* * *

Каждый день на столъ подавались ананасы и дыни. Ананасы у Горѣлова были свои, изъ собственной теплицы. Горѣловъ очень ими гордился, и любилъ угощать ими гостей. Башаровъ ананасы любилъ, кажется, не столько за вкусъ, сколько за то, что они дороги. Но затѣи оранжерейныя своего брата всегда порицалъ. Говорилъ ему:

— Волжскіе ананасы, это, — ты меня прости, пожалуйста, — просто самодурство купеческое.

Но Горѣлову льстило, что ананасы у него превосходные, виноградъ великолѣпный, дыни первоклассныя. На выставкахъ онъ всегда получалъ медали за произведенія своей теплицы. Правда, это стоило ему дорого. Тратилъ онъ на парники и оранжереи тысячъ до пятнадцати въ годъ. Но зато кое-что и продавалось, — нѣсколько сотенъ ананасовъ, нѣсколько пудовъ винограда, земляника, клубника, дыни, арбузы, яблоки, груши, малина, барбарисъ, еще нѣсколько сортовъ изъ ягоднаго и плодового сада и изъ огородовъ. Въ удачный годъ все это давало тысячъ до пяти.

Когда Милочка первый разъ познакомилась съ этими цифрами, она была очень удивлена. Вѣдь въ домѣ съѣдалось фруктовъ не на десять же тысячъ въ годъ! Значитъ, былъ большой убытокъ. Чѣмъ же онъ покрывается? Отецъ, объяснилъ ей, что убытокъ покрываютъ его заводы. Изъ этого Милочка сдѣлала тотъ выводъ, что всѣ эти превосходные ананасы, дыни, яблоки и виноградъ принадлежатъ рабочимъ. Горѣловъ много смѣялся, когда Милочка познакомила его съ этимъ своимъ выводомъ.

— Признайся, Милочка, — говорилъ онъ, — это ты отъ Пучкова такой премудрости набралась?

Смѣхъ отца смутилъ Милочку. Она пыталась разобраться въ этомъ вопросѣ при помощи книгъ и разговоровъ. Ничего утѣши-

тельнаго не выходило, и только сердце щемило отъ грустной мысли, — отчего же однимъ такъ много, а другимъ такъ мало? Отецъ былъ слишкомъ увѣренъ въ несомнѣнности своего права, и отъ его увѣренности все то, что онъ ей говорилъ объ этомъ, было совсѣмъ не убѣдительно для нея. Вѣдь во всемъ этомъ для него не было никакого вопроса, не было потребности оправдать себя, а потому и не было никакихъ аргументовъ.

Аргументировать любилъ Башаровъ, потому что онъ вообще любилъ поучать и наставлять. Вѣдь у него же въ Берлинѣ прочно былъ помѣщенъ милліонъ марокъ, и отъ этой прочности помѣщенія капитала и отъ несомнѣнности вѣчнаго полученія солидной ренты онъ казался самому себѣ необычайно умнымъ и почтеннымъ человѣкомъ; ему казалось, что онъ все знаетъ и понимаетъ лучше всякаго другого. Онъ говорилъ:

— Тебя, Милочка, удивляетъ, что одни богаты, а другіе бѣдны и голодны? Но это же такъ просто! Одни изъ рода въ родъ работаютъ, учатся, накопляютъ культурныя богатства, приносятъ пользу отечеству, оживляютъ мѣстный край, а другіе противъ всего этого могутъ выставить только свою физическую силу. Ты говоришь, что они тоже работаютъ? Да, работаютъ. Но ты учти таланты, наслѣдственную культуру, приносимую странѣ пользу, и многое другое.

Милочка чувствовала, что это все — только слова, и что настоящая правда только въ томъ, что все это такъ сложилось по какимъ-то неизбѣжнымъ причинамъ, и что люди ничего еще

не научились ставить противъ безмѣрной всемірной власти золота.

* * *

Велѣли запрячь лошадей, и поѣхали за версту отъ усадьбы, въ дубовый лѣсокъ на берегу, съ котораго открывался очень красивый видъ на Волгу. Назвали это пикникомъ, и было это предлогомъ для того, чтобы на вольномъ воздухѣ, въ теплѣ и свѣтѣ утренняго лѣтняго солнца, выпить вина. — Горѣлову еще и потому пріятна была эта прогулка, что лѣсъ принадлежалъ ему.

На лужайкѣ Думка и Горѣловская горничная хлопотали надъ угощеніями. Николай дребезжащимъ баритономъ пѣлъ:

— Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили!

Шубниковъ подхватывалъ:

— Рюмку водки, бочку хересу!

Башаровъ брюзгливо моршился и ворчалъ:

— Старо, старо, и вовсе не интересно.

Милочка заботливо раскрывала какія-то коробки. Елизавета скоро ушла куда-то съ Шубниковымъ. Вслѣдъ за ними ушелъ и Николай. Горѣлова съ профессоромъ Абакумовымъ сидѣли на краю обрыва, и тихо разговаривали. Братья, какъ пріѣхали, такъ усѣлись на коврѣ, и принялись за вино. Горѣловъ сказалъ:

— Милочка, отрѣжь-ка ты намъ по ломтику ананаса.

— Папочка, — съ удивленіемъ сказала Милочка, — развѣ ты не будешь завтракать? Сейчасъ разведутъ костеръ, сваримъ...

— Это для молодежи, — перебилъ ее Горѣловъ, — а я ѣсть ничего не стану, не хочется.

— Тебѣ, папочка, нездоровится, — тревожно сказала Милочка, и посмотрѣла на отца вдругъ испуганными глазами.

— Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ, ты что-то блѣденъ, — сказалъ Башаровъ.

Лицо его пыталось выразить участіе, но выражало только досаду, — что за удовольствіе жить въ домѣ, гдѣ есть больной! Горѣловъ весело разсмѣялся.

— Пустяки! Немного усталъ за послѣднее время. Надобно бы съѣздить куда-нибудь. Да ужъ вотъ осенью поѣду. Я вѣдь домосѣдъ, не то, что ты. Да и дѣла держатъ. Но все таки осенью урвусь.

Милочка принесла ему на блюдечкѣ три ломтика ананаса, посыпанные сахаромъ. Башаровъ сказалъ:

— Дай ужъ и мнѣ. Знаю, что испорчу себѣ аппетитъ. Да ужъ очень они у тебя вкусны.

Горѣловъ радостно и гордо захохоталъ.

— А вотъ Милочка моя увѣряетъ, что ананасы то эти моимъ фабричнымъ принадлежатъ. Милочка, вонъ тамъ, — легки на поминѣ, — три дѣвицы. Кажись, изъ моихъ фабричныхъ. Да больше-то и некому, городскіе сюда рѣдко захаживаютъ. Милочка, не угостить ли ихъ ананасами? Что скажешь?

— Кого, папочка? — сдержанно и смущенно улыбаясь, спросила Милочка.

— Да вотъ этихъ босоногихъ дѣвчонокъ, — видишь, въ моемъ лѣсу грибы собираютъ.

— Почему же нѣтъ, папочка? — отвѣтила Милочка. — Чѣмъ онѣ хуже насъ? И ананасы имъ понравятся.

— Ну что жъ, Милочка, позови ихъ, угости ананасами, — смѣющимся голосомъ говорилъ Горѣловъ.

Но не сталъ ждать, пока Милочка дойдетъ до показавшихся вдали дѣвушекъ, и закричалъ:

— Эй, вы, красавицы, подойдите-ка сюда!

Издалека донесся звонкій, веселый дѣвичій голосъ:

— А зачѣмъ?

И голосъ этотъ былъ такой звучный, сочный и радующій, какъ будто человѣчьимъ голосомъ пропѣла обрадованная птица райская Сиринъ.

— А вотъ подойдете, такъ узнаете, — кричалъ Горѣловъ.

И онъ самъ весь оживился и загорѣлся, и лицо его дышало одушевленіемъ, точно этотъ звонкій дѣвичій голосъ напоилъ его силою и молодостью.

— Придутъ, — сказалъ онъ увѣренно и радостно.

Его одушевленіе заражало и Милочку, — она улыбалась ласково и свѣтло. Башаровъ хмурился и ворчалъ:

— Не понимаю, къ чему это. Что за балаганъ!

* * *

Скоро изъ-за деревьевъ показались три дѣвушки. Впереди шла Вѣра Карпунина, за нею Иглуша и Улитайка. На всѣхъ троихъ были надѣты свѣтленькія, чистыя юбки и блузки. Ихъ загорѣлыя лица были оченъ веселы. Голыя до локтя красивыя руки казались сильными, какъ руки олимпійскихъ богинь или русскихъ фабричныхъ работницъ не изъ голодающихъ. Ихъ босыя ноги ступали легко и свободно; загорѣлыя и запыленныя, — и этотъ дышащій здоровьемъ загаръ рѣзко, но все-таки очень мило оттѣнялся свѣтлыми тонами юбокъ и блузокъ. Въ рукахъ у каждой было по корзинѣ, изъ тѣхъ, съ которыми въ деревняхъ ходятъ за грибами, а въ городахъ — за хлѣбомъ, если онъ есть въ лавкахъ, а, впрочемъ, и тогда, когда его въ лавкахъ не бываетъ. Вѣра шла увѣренно и спокойно; она держалась очень прямо, какъ царица сказочной страны, или какъ прирожденная русская крестьянка, одна изъ тѣхъ полевыхъ Альдонсъ, въ которыхъ была влюблена суровая муза Некрасова. Ея сіяющіе безсмертною радостью глаза смотрѣли прямо на Горѣлова и на Милочку. Иглуша и Улитайка шептались, пугливо и любопытно озирались, иногда фыркали отъ сдержаннаго смѣха, отвертывались, закрывались руками или прятались одна за другую. Видно было сразу, что онѣ пришли сюда только потому, что ихъ привела Вѣра. Не будь съ ними Вѣры, онѣ давно убѣжали бы, заслышавъ голосъ Горѣлова.

Пока дѣвушки подходили, Николай и Шубниковъ вернулись. Горѣловъ знакомъ руки подозвалъ къ себѣ Николая, и тихо разсказы-

валъ ему что-то. Потомъ оба они залились хохотомъ, и громовые раскаты отцовскаго хохота сливались съ рѣзкимъ ржаніемъ Николая.

Дѣвушки подошли совсѣмъ близко. Смѣхъ смутилъ ихъ. Иглуша и Улитайка попятились. Вѣра нахмурилась, строго глянула на подругъ, и сказала тихимъ, густымъ золотомъ звенящимъ голосомъ, строгая, какъ раскольничья начетчица, или какъ весталка на форумѣ:

— Ничего, ничего, не бойтесь, дѣвушки, не надъ нами хозяева смѣются. Чего жметесь? Вѣдь мы не сами пришли, насъ позвали.

Это было сказано такъ строго и внушительно, какъ лучше не могла бы сказать и сама гордая Марфа Посадница Новгородская. Милочка опустила глаза, какъ будто къ лицу ея коснулось торжественное вѣяніе кадильно пылающаго огня. Но сейчасъ же, какъ бы обрадованная чѣмъ-то, подняла на Вѣру влюбленные глаза, и первое, что она увидала, — синіе васильки въ загорѣлой Вѣриной рукѣ, на сгибѣ которой висѣла тяжелая, полная грибовъ корзина.

Смѣхъ затихъ. Пронеслось краткое мгновеніе молчанія. Вѣра стояла, прямая и гордая. Потомъ она степенно поклонилась всѣмъ, низко склоняя голову, но сохраняя при этомъ все тотъ же гордый и свободный видъ. И сказала:

— Здравствуйте, господа! Ну, вотъ, вы звали, мы пришли.

Иглуша и Улитайка вслѣдъ за нею торопливо поклонились, сдержанно смѣясь, и видно было,

что Вѣрины слова сразу пріободрили ихъ. До того осмѣлѣли, что Иглуша даже сказала:

— Кликали зачѣмъ-то, вотъ мы и пришли.

* * *

Милочка быстро подошла къ Вѣрѣ, поцѣловалась съ нею, потомъ пожала руки Иглушѣ и Улитайкѣ. Горѣловъ во всѣ глаза смотрѣлъ на Вѣру. Тяжелое вожделѣніе уже начинало томить его. Слегка задыхающимся голосомъ онъ сказалъ:

— Ты, королева, подвинься-ка поближе. Какъ зовутъ-то тебя?

Вѣра подошла увѣренными, быстрыми шагами, и остановилась передъ Горѣловымъ. Горѣловъ опустилъ глаза къ ея ногамъ. Ему казалось, что лѣсной мохъ теплѣлъ подъ ея голыми ногами. Стало такъ тихо, что слышенъ былъ гудящій звукъ пролетающей пчелы. Иглуша и Улитайка, робѣя остаться однѣ, сдѣлали вслѣдъ за Вѣрою нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ. Вѣра сказала:

— Я — Вѣра Карпунина, съ вашей фабрики работница.

— Знаю, знаю, — оживленно говорилъ Горѣловъ. — Это какъ въ пѣснѣ поется: «Вашей милости крестьянка, отвѣчала ему я.» — Твою мать знаю, тебя ни разу не видѣлъ. Постой, постой, вспомнилъ, — въ школѣ, на выпускномъ экзаменѣ ты отличилась. Красавица, красавица выросла. Поди, красивѣе тебя на фабрикѣ не много сыщется.

Улитайка высунулась изъ-за ея плеча, и крикнула:

— Ни одной не найдется!

Но сейчасъ же сконфузилась и спряталась. Горѣловъ не сводилъ глазъ съ Вѣры, и спрашивалъ:

— Ты что жъ тамъ, надо быть, писариха? На чашкахъ розы малюешь?

— Что придется, цвѣты, фрукты, пестрыхъ бабочекъ и пчелокъ, божьихъ работницъ, — говорила Вѣра.

Видно было, что ея работа ей нравилась, она вспоминала ее съ удовольствіемъ, и самый звукъ ея голоса сталъ пѣвучимъ и ласковымъ. Николай подошелъ къ ней, и, пожимая ея руку, сказалъ отцу:

— А ты бы посмотрѣлъ, папа, какъ она танцуетъ! Прелесть, какъ хорошо! Не хуже любой сонохотской барышни.

— Что жъ не танцовать! Не старухи, — спокойно отвѣчала Вѣра.

Горѣловъ, безпокойно и суетливо двигаясь, ужаленный тайнымъ желаніемъ, говорилъ все тѣмъ же тревожнымъ голосомъ:

— Ну, что жъ, пришли, такъ будьте гостьями. Милочка, угощай ихъ ананасами.

И, вспомнивъ Милочкины разговоры объ его теплицахъ и парникахъ, захохоталъ такъ громко, что эхо откликалось ему, словно кто-то озорной и веселый, не то въ лѣсу, не то за Волгою, передразнивалъ фабриканта. Дѣвушки пугливо озирались. Милочка улыбаясь принялась рѣзать ананасъ. Межъ тѣмъ Горѣловъ распрашивалъ дѣвушекъ, какъ ихъ зовутъ.

Мудреныя имена двухъ дѣвушекъ позабавили его. Онъ спрашивалъ:

— Да какъ же васъ попъ-то крестилъ?

Оказалось, что крещеное имя Иглуши — Глафира, а Улитайка окрещена Іуліаною.

* * *

Замѣтивъ, что Милочка нарѣзала ломти ананаса и посыпала ихъ сахаромъ, Горѣловъ сказалъ дѣвушкамъ:

— Ну, милыя дѣвушки, подходите, кушайте ананасы.

Башаровъ сердито ворчалъ. Это «кормленье звѣрей» его прямо таки возмущало и раздражало. Онъ согласенъ былъ сливаться съ народомъ на національномъ праздникѣ въ Парижѣ, или плясать съ дебелою баварскою крестьянкою на Терезиномъ лугу во время октоберфеста въ Мюнхенѣ, или цѣловать одѣтую въ лохмотья и пахнущую морскою солью и рыбою дѣвушку въ Таорминѣ, или пить кислое и терпкое вино въ трактирчикѣ на пыльной площади Эрнани, испанскаго городишка подъ Санъ-Себастіаномъ, — все это было въ культурной Европѣ, и потому для него было покрыто лакомъ почтенія. Но эти босыя дѣвчонки казались ему слишкомъ первобытнымъ звѣрьемъ. А если бы онъ зналъ, какія книги читаетъ Вѣра и о чемъ и съ кѣмъ она разговариваетъ, то его пренебреженіе только осложнилось бы злобою ограниченнаго и реакціонно настроеннаго рантьера.

А Николай находилъ все очень забавнымъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, какъ дѣвушки набросятся на дорогое лакомство. Онъ былъ

увѣренъ, что будетъ непомѣрно смѣшно. И такъ какъ онъ самъ уже нѣсколько недѣль ухаживалъ за Вѣрою и не терялъ надежды поссорить ее съ ея женихомъ, то ему, по грубости его натуры, особенно пріятно было думать, что Вѣра не сумѣетъ по-благовоспитанному скушать ломтикъ ананаса, захватитъ его прямо въ лапы и сжуетъ вмѣстѣ съ чешуйками кожицы. Глаза его смѣшливо горѣли, когда Милочка, окончивъ свою работу съ ананасами, позвала Вѣру и ея подругъ. Вѣра замѣтила его смѣшливое настроеніе. Она багряно покраснѣла, и досадливо сказала:

— Затѣмъ-то вы насъ сюда и позвали! Я думала, за дѣломъ какимъ-нибудь.

А простодушныя Иглуша и Улитайка обрадовались угощенію. Смущенно подталкивая одна другую, онѣ подошли къ Милочкѣ, и неловко принялись ѣсть ананасы. Даже не ждали на этотъ разъ, что скажетъ или сдѣлаетъ Вѣра, — ужъ такъ заманили красивые на видъ, сочные, золотистые ломтики. Но Николаю пришлось разочароваться, — при всей неловкости и при всемъ смущеніи дѣвушекъ ничего смѣшного не было, и дѣвушки не жевали звѣринымъ обычаемъ, а ѣли, какъ полагается. Только ужъ очень торопились, отъ неловкости и отъ застѣнчивости. По ихъ лицамъ было видно, что имъ нравится не столько вкусъ, сколько необычайность угощенія. Какъ будто онѣ все ждали, что вотъ, вотъ будетъ вкусно, и не могли дождаться.

Горѣловъ смотрѣлъ на нихъ и хохоталъ. Онъ былъ увѣренъ, что дѣвушки не могутъ

оцѣнить вкуса ананасовъ, который казался ему необычайно изысканнымъ, и что имъ гораздо больше понравились бы морковь или рѣпа. Потомъ вдругъ онъ обратилъ вниманіе на то, что Вѣра отошла въ сторону и стояла, опершись на тонкій стволъ бѣлой березы. Оттого-ли, что Вѣра сумрачно глядѣла, стоя вдали, оттого-ли, что гдѣ-то недалеко пронеслась каркая ворона, Горѣлову стало скучно. Онъ сказалъ Вѣрѣ:

— Ну, а ты, королева, что же не подходишь? Кушай, не стѣсняйся.

И ему стало еще скучнѣе, когда Вѣра спокойно поблагодарила и отвѣчала, что не любитъ ананасовъ. Онъ вдругъ подумалъ, что эта величавая, гордая красавица одѣвается бѣдно и ѣстъ грубую пищу, что, можетъ быть, и теперь отъ нея пахнетъ лукомъ. Онъ зналъ, что всѣ его рабочіе питаются не такъ, какъ онъ, и одѣваются не такъ, и что жилища ихъ не роскошны, и все это казалось ему совершенно естественнымъ, — грубые и простые люди, грубая и простая жизнь, одно другому соотвѣтствуетъ, казалось ему. Онъ раньше не догадывался, что эти люди совсѣмъ не такъ грубы и просты, какъ ему казалось, и теперь, глядя на Вѣру, онъ только смутно чувствовалъ, что въ надменной строгости этой босоногой красавицы есть какая-то великая правда. Захотѣлось доказать, что этой правды нѣтъ, захотѣлось сбить эту спѣсь. Онъ сурово сказалъ:

— Подойди-ка сюда, краля босоногая.

* * *

Вѣра спокойно и неторопливо подошла къ Горѣлову. Когда она стала совсѣмъ близко передъ нимъ, ему показалось, что прежняя надменность какъ бы покинула ее. Она улыбалась довѣрчиво и ласково, и отъ этого Горѣлову казалось, что его сердце теплѣетъ. Его голова слегка закружилась.

«Эхъ, хороша! — подумалъ онъ. — То-то хороша она бываетъ, когда чему-нибудь радуется!»

Ему захотѣлось увидѣть ея обрадованное лицо.

— Что это у тебя въ корзинѣ? — спросилъ онъ.

Вѣра протянула ему корзину. Тамъ лежали крупные, бѣлые грибы. Одинъ къ одному, какъ на подборъ. Видно было, что Вѣра — мастерица сбирать грибы.

— Продай, — сказалъ Горѣловъ. — Сколько хочешь?

— Не продаю, — отвѣчала Вѣра, — для себя сбирала, не на продажу.

Горѣловъ досадливо нахмурилъ брови. Впился въ Вѣру неотступнымъ взглядомъ. Захохоталъ такъ неожиданно, что даже Вѣра, не смотря на все свое самообладаніе, вздрогнула. Ощущеніе вскипающей крови, столь знакомое Горѣлову, опять охватило его. Такъ досадно стало, что есть вокругъ какіе-то люди, и что надобно говорить спокойно съ этою дѣвушкою, нельзя сказать ей настоящія слова, — ахъ, настоящія слова всегда покоряютъ дѣвичье сердце! — сказать, и цѣловать, и овладѣть этимъ стройнымъ и очаровательнымъ тѣломъ. А потомъ, — да что объ этомъ думать!

— Богата очень? — спросилъ онъ.

Вѣра, раскраснѣвшись отъ того, что ей стало досадно на свой мгновенный испугъ, сказала:

— Богата была бы, на фабрику къ вамъ не ходила бы. Сладость не великая. А грибовъ не продаю, — себѣ хочу оставить.

Сквозь вѣтки деревьевъ на Вѣру упали вдругъ лучи солнца. Словно кровавое наважденіе озарило ее волосы, золотисто загорѣвшіеся на солнцѣ. И казалось Горѣлову, что свѣтло только здѣсь, гдѣ она стоитъ, а лѣсъ закутанъ лиловою тѣнью и безмолвіемъ. Голоса около костра доносились словно откуда-то очень издалека. И все внѣ круга, очерченнаго близостью Вѣры, казалось незнаемымъ и чуждымъ. Горѣловъ сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Въ моемъ лѣсу грибы насбирала. Мой лѣсъ, мои и грибы.

Вѣра презрительно усмѣхнулась. Повела круглымъ, упругимъ плечомъ. Сказала негромко и спокойно:

— Ваши грибы, такъ и возьмите ихъ себѣ.

Она нагнулась, и поставила корзину у ногъ Горѣлова. Горѣловъ бормоталъ смущенно:

— За трудъ, что собирала, заплачу. Вотъ, получи.

И онъ протянулъ ей серебряный рубль. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Вѣра будетъ очень обрадована такою необычайною щедростью. Но Вѣра не взяла рубля. Она презрительно усмѣхнулась, покачала головою, и сказала:

— Мало. Я свой трудъ дороже цѣню.

— Сколько же тебѣ надобно? — съ удивленіемъ спросилъ Горѣловъ.

Вѣра смотрѣла на него пристально, и неторопливо отвѣчала:

— Говорятъ, золото — хорошія деньги.

Горѣловъ захохоталъ. Крикнулъ:

— Дорого хочешь!

— Берите даромъ, — чего дешевле! — спокойно отвѣчала Вѣра.

Горѣловъ кричалъ въ дикомъ восторгѣ:

— Королева, а не работница! Вотъ такъ дѣвица! Золота захотѣла! Это я понимаю! Что жъ ты на мое золото купишь?

Вѣра пожала плечьми.

— Что мнѣ на ваше золото покупать? Что мнѣ надобно, на то я сама заработаю.

— Ты башмаки себѣ купи, вотъ что тебѣ надобно, — говорилъ Горѣловъ. — Зачѣмъ безъ башмаковъ по лѣсу ходишь? Еще тебя, пожалуй, змѣя ужалитъ прямо въ голую пятку, — умрешь въ одночасье.

Вѣра говорила дразнящимъ голосомъ:

— Меня змѣя не ужалитъ, я слово такое знаю.

И она улыбалась такъ, что не понять было, шутитъ ли она, или сама вѣритъ тому, что говоритъ. Горѣловъ смотрѣлъ на нее, все болѣе приходя въ восторгъ и влюбляясь. Онъ спросилъ:

— Что жъ ты — заклинательница змѣй, что-ли? Ну, ну, говори, не стѣсняйся.

— Такъ оно и есть, — спокойно отвѣчала Вѣра, — заклинательница змѣй. И никакая змѣя меня не тронетъ.

Горѣловъ хохоталъ и кричалъ:

— Ай да дѣвка! Нѣтъ, вы послушайте, что она говоритъ!

* * *

Башаровъ злобно вслушивался въ этотъ разговоръ. Наконецъ онъ не могъ терпѣть долѣе. Съ перекосившимся отъ бѣшенства лицомъ онъ закричалъ:

— Она надъ тобою издѣвается, а ты ее слушаешь. Гони ее вонъ!

— Зачѣмъ гнать, мы и сами уйдемъ! — съ пренебрежительною улыбкою отвѣчала Вѣра.

Милочка наклонилась къ Башарову, и что-то оживленно шептала ему. Башаровъ выслушалъ угрюмо. Потомъ поднялся и сказалъ:

— Ну, я пройдусь немного. Николай, пойдемъ къ Волгѣ.

Николай замялся. Ему не хотѣлось уходить. Но онъ не рѣшался прямо сказать объ этомъ при отцѣ. Надобно было придумать какой-нибудь предлогъ, чтобы остаться. Въ это время Горѣловъ обратился къ брату:

— Погоди, Павелъ, — одолжи мнѣ золотую монету. Ты знаешь, я денегъ дома не держу и съ собою не ношу. Дай до завтра, — завтра я возьму изъ конторы.

Башарову не хотѣлось давать деньги, — да еще цѣлый золотой! — для этой наглой, по его мнѣнію, работницы. Но и отказать было неловко, особенно послѣ того, что ему наговорила на ухо про Вѣру Милочка. Онъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ. И вдругъ придумалъ предлогъ отказать въ вѣжливой формѣ, —

сказалъ, что у него нѣтъ пятирублевокъ, а есть только монеты по десяти рублей.

Горѣловъ, конечно, предполагалъ дать Вѣрѣ только пять рублей. Его купеческая расчетливость не мирилась съ чрезмѣрными тратами. Но Вѣра такъ очаровала его, что онъ рѣшился на этотъ разъ не скупиться, и потребовалъ у брата десятирублевую золотую монету. Башаровъ ворчалъ:

— По-моему, это ужъ слишкомъ по-купечески. Широкая волжская натура, — или сарынь на кичку, или самъ все готовъ отдать. На, на, возьми, только не забудь, пожалуйста, отдать. Я — не фабрикантъ, у меня бѣшеныхъ денегъ нѣтъ.

Больше всего Башарову было досадно на то, что не удалась его хитрость. Ударъ по самолюбію. Если бы знать, ужъ лучше бы сразу далъ пятирублевый. А теперь неудобно сказать, что есть и маленькій золотой. Онъ сунулъ монету Горѣлову, и поспѣшно пошелъ къ берегу. Николай тѣмъ временемъ придумалъ предлогъ остаться. Онъ закричалъ вслѣдъ Башарову:

— Сейчасъ, дядя, я васъ догоню. Мнѣ надо узнать у этихъ дѣвушекъ насчетъ кружевницы вологодской.

Николай могъ бы и не трудить головы, — Башаровъ былъ такъ раздосадованъ, что и не думалъ о немъ, а отецъ еще меньше теперь могъ думать о комъ бы то ни было, кромѣ Вѣры. Горѣловъ отдалъ Вѣрѣ монету, и, громко хохоча, говорилъ:

— На, возьми, Вѣра, получи условленную плату за собираніе грибовъ въ моемъ лѣсу. Каждый день можешь приносить мнѣ въ домъ грибы, будешь получать столько же.

Сказалъ, и самъ себѣ ужаснулся, — да вѣдь это же триста рублей въ мѣсяцъ! Ну, да грибы скоро кончатся.

Вѣра опустила монету за воротъ сорочки, испещренной солнечными личиками, оглянулась на Иглушу и Улитайку, и спросила:

— А онѣ тоже получатъ?

— Ну, нѣтъ! — весело говорилъ Горѣловъ. — Мнѣ одной собирательницы грибовъ достаточно. Съ ними я не сговаривался. Да и тебя беру только потому, что ты — заклинательница змѣй. Смотри, чтобы у меня здѣсь ни одной змѣи не осталось.

— Папа, — сказала Милочка, — у насъ въ лѣсу нѣтъ никакихъ змѣй.

Вѣра быстро глянула на нее, покраснѣла, опустила глаза, и сказала очень тихо:

— Змѣи вездѣ есть. Около каждаго рабочаго жилья, около каждой фабрики — змѣиное гнѣздо.

Милочка, замѣтно волнуясь, спросила:

— Какъ же вы ихъ заклинаете, Вѣра? Вѣдь онѣ все равно жалятъ. Не пришлось бы вамъ съ этими змѣиными гнѣздами начать войну?

Вѣра еще больше потупилась, и еще тише сказала:

— Война дворцамъ, миръ хижинамъ.

Горѣловъ вдругъ нахмурился, и сурово сказалъ:

— Ну, будетъ зубы скалить. Дѣвки, поѣли, да и айда! Прощайте, будьте здоровы!

И схватился за стаканъ съ виномъ.

* * *

Когда дѣвушки отошли, Николай сказалъ отцу:

— Да, чуть не забылъ! Надо спросить Улитайку, гдѣ остановилась эта вологодская кружевница. У нея есть шарфъ кружевной, — одна прелесть!

И онъ поспѣшно пошелъ за дѣвушками. Отецъ хмуро смотрѣлъ за нимъ. Потомъ сказалъ подошедшему въ это время Шубникову:

— На Улитайку это онъ такъ, зря. Это онъ за Вѣрою увязался. Ну, да она его отошьетъ. А онъ у меня безъ этого не можетъ. Хлѣбомъ не корми, а дѣвку дай. Скучно ему здѣсь на Волгѣ.

Межъ тѣмъ Николай догналъ дѣвушекъ. Онъ пошелъ рядомъ съ Вѣрою, и тихо сказалъ ей:

— Вѣра, мнѣ надо поговорить съ вами кое-о-чемъ.

Вѣра молча глянула на него. Въ ея слишкомъ спокойныхъ въ ту минуту глазахъ не видно было даже удивленія. Николай торопливо шепталъ:

— Только здѣсь неудобно. Знаете что, Вѣра, — приходите сегодня въ рощу къ мостику на ручьѣ.

— Что я тамъ забыла? — спокойно и презрительно сказала Вѣра.

Голосъ ея прозвучалъ болѣе звонко, чѣмъ бы хотѣлось теперь Николаю. Онъ торопливо оглянулся назадъ. И въ ту же минуту послышался голосъ отца:

— Николай!

Вѣра остановилась, повернулась къ Николаю, и все тѣмъ же спокойнымъ и звонкимъ голосомъ, словно продолжая разговоръ, сказала:

— И передайте, пожалуйста, Людмилѣ Ивановнѣ, что вологодская кружевница остановилась у насъ на поселкѣ, въ домѣ у Любимовыхъ. Дня три еще проживетъ здѣсь, а тамъ поѣдетъ дальше, куда ей надобно. Ну, прощайте.

И такъ увѣренно пошла прочь отъ Николая, что ему и въ голову не пришло итти за нею. Онъ смущенно повернулъ назадъ. Громкій отцовъ хохотъ встрѣтилъ его.

— Что, братъ, отшила тебя краля-то наша?

Николай пожалъ плечьми.

— Я объ ней и не думалъ, — говорилъ онъ, не совсѣмъ успѣшно стараясь скрыть смущеніе. — Узналъ адресъ кружевницы, только и всего.

Милочка подошла къ нему съ тарелочкою, на которой лежали его любимыя налимьи печенки изъ только-что открытой сибирской плотниковской жестянки консервовъ. Милочкина ласковость была Николаю досаднѣе, чѣмъ отцовъ хохотъ, потому что она была, очевидно, утѣшеніемъ за неудачу съ Вѣрою. Притомъ же на эту ласковость нельзя было отвѣтить иначе, какъ такою же ласковою благодарностью, и выходило, что приходится благодарить не

столько за обычную любезность хозяйки, сколько за особую ласку утѣшительницы. Значитъ, приходилось смиренно, хотя и безъ словъ, признать свое пораженіе.

* * *

Дѣвушки, отойдя немного, опять запѣли. Начинала Вѣра:

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные
Атамановы челны.

Когда вышли изъ рощи и высокимъ берегомъ приближались къ фабричному поселку, Вѣра вынула золотую монету, положила ее на раскрытую ладонь, и смотрѣла на нее смѣющимися глазами. Иглуша и Улитайка смѣялись, и въ глазахъ у нихъ таилась простодушная зависть. Иглуша спросила:

— Ну, что, опять ему грибы понесешь? Ужъ больно щедро онъ тебѣ платитъ.

Вѣра вздохнула, улыбнулась. Подкидывая золотой на ладони, она сказала:

— Что носить! Все равно, этихъ денегъ домой не понесешь.

— А почему не понесешь? — спросила Иглуша.

— Мой Глѣбъ узнаетъ, голову мнѣ оторветъ, — отвѣчала Вѣра.

— Что жъ, въ землю зароешь? — спросила Улитайка.

Вѣра ничего не отвѣтила. Иглуша и Улитайка смѣялись. Вѣра закрыла глаза. Милый ея, какъ живой, сталъ передъ нею въ темномъ мірѣ замкнутыхъ глазъ, озаренный свѣтомъ любовнаго вниманія и влюбленной памяти, — тонкій, высокій, съ острымъ блескомъ пронзительныхъ глазъ, съ насмѣшливою улыбкою на упрямыхъ губахъ, чернобровый, худощавый, смуглолицый, съ торчащими во всѣ стороны вихрами непослушныхъ волосъ.

«Шершавенькій мой!» — тихонько шепнула она, улыбаясь, и на лицѣ ея было умиленное выраженіе, похожее на молитвенное.

Постояла съ минутку, всматриваясь въ милый образъ. Голова слегка закружилась. Вѣрѣ показалось, что она начинаетъ падать на спину. Она вдругъ встрепенулась, точно ожила, даже вздрогнула слегка, лицо ея приняло стремительное выраженіе, глаза стали внѣшнезоркими и обратились на синѣющую недалеко внизу за узкою полосою песка Волгу. Вѣра порывисто схватила золотой маленькій дискъ тремя пальцами правой руки, словно хотѣла перекреститься золотою иконкою, широко размахнулась, и швырнула монету въ рѣку.

Иглуша и Улитайка громко завизжали отъ ужаса, жалости, зависти, и отъ пламенно опалившаго ихъ восторга.

* * *

Горѣловъ говорилъ Шубникову:

— Слышали, Андрей Ѳедоровичъ, какъ эта краля, заклинательница-то змѣй, тутъ объ-

ясняться изволила? Змѣиное гнѣздо, — ловко пущено? а? Про кого это она, какъ вы думаете? Война, — какъ это она говорила-то?

— Война дворцамъ, миръ хижинамъ, — со сдержанною улыбкою подсказалъ Шубниковъ.

— Что же это обозначать должно? — спросилъ Горѣловъ.

— Должно быть, — отвѣчалъ Шубниковъ, — сознательные товарищи пролетаріи научили дѣвочку, а она повторяетъ, уже не столь сознательно. Вѣдь не отъ писарихъ все это идетъ, что у насъ назрѣваетъ.

И, понизивъ голосъ, Шубниковъ сталъ разсказывать Горѣлову,—уже не въ первый разъ,— что на фабрикѣ неспокойно. Шубникову казалось, что теперь Горѣловъ, послѣ того, какъ услышалъ дерзкія слова фабричной работницы, отнесется къ его сообщенію съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде. Но Горѣловъ выслушалъ его, какъ и всегда, со снисходительною и самоувѣренною улыбкою.

Горѣловъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ умѣніи обращаться съ людьми, и въ особенности со своими рабочими, и въ то же время очень невысокаго мнѣнія о людяхъ, и въ особенности о своихъ рабочихъ. Онъ думалъ, что рабочіе никогда и ничѣмъ не будутъ довольны, но что съ ними, при умѣньи, всегда можно поладить, — кое-кому немного прибавить (причемъ надобно знать, какъ увеличить расцѣнки, чтобы съ наименьшими затратами заткнуть наиболѣе крикливыя глотки), кое-кого подкупить, выдвинувши на хорошій окладъ и давши особое положеніе. Поэтому

въ контору онъ не бралъ постороннихъ, а выбиралъ изъ рабочихъ. Теперешній управляющій, почтенный грузный человѣкъ съ почтенною сиво-боярскою окладистою бородою, служилъ у него съ мальчиковъ, когда-то сапоги ему чистилъ, подвигался понемногу по службѣ, достигъ высокаго и уважаемаго положенія, — теперь уже и самъ Горѣловъ называлъ его Василій Ермилычемъ, — поворовывалъ осторожно, — и Горѣловъ это зналъ, — но хозяину и фабрикѣ былъ преданъ по-собачьи.

И многихъ такихъ зналъ Горѣловъ, взятыхъ имъ изъ фабричной среды. Всѣ они, какъ только выбьются изъ черной работы, такъ сейчасъ усваиваютъ всѣ мелко-буржуазные городскіе признаки, — воротничекъ крахмальный, тросточка, — и на бывшаго своего товарища рабочаго начинаютъ смотрѣть свысока. Такихъ было не мало, и Горѣловъ думалъ, что всѣ такіе. Онъ не замѣчалъ, да и не хотѣлъ замѣчать, что такіе только и выдвигались вверхъ, подбираясь своеобразно одинъ къ одному, — а что типичные рабочіе черезъ этотъ подловатый грохотъ не просѣивались.

Теперь Горѣловъ даже невнимательнѣе обычнаго выслушалъ Шубникова. И всегда-то онъ принималъ инженера не совсѣмъ въ серьезъ, — держалъ его больше для шика, чѣмъ по необходимости, и о дѣлахъ предпочиталъ совѣщаться съ Василій Ермилычемъ. Только чтобы оправдать передъ самимъ собою расходы на крупное жалованье инженера, онъ придумалъ строить кирпичный заводъ съ дорогими машинами, выписанными изъ Англіи вмѣстѣ съ

англичаниномъ-инструкторомъ. Притомъ же теперь совсѣмъ другое занимало Горѣлова, и на всѣ жалобы и тревожные разсказы Шубникова онъ отвѣтилъ небрежно:

— Пустое. Не впервой. Обойдется. Прибавлю писарихамъ по копейкѣ, и будетъ.

— Дѣло не въ писарихахъ, — началъ было Шубниковъ.

Но Горѣловъ перебилъ его, и заговорилъ объ одномъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ онъ съ Шубниковымъ разговаривалъ гораздо охотнѣе, чѣмъ о дѣлахъ фабричныхъ. Онъ зашепталъ:

— Погодите, Андрей Ѳедоровичъ, объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь вы должны помочь мнѣ въ другомъ.

* * *

Горѣловъ отвелъ Шубникова въ сторону, подальше отъ остальныхъ. Шубниковъ сразу догадался, въ чемъ дѣло. И точно, — Горѣловъ заговорилъ съ нимъ о Вѣрѣ Карпуниной. Онъ говорилъ довѣрчиво:

— Какъ увидѣлъ я эту красавицу босоногую, — сердце захолонуло. Повѣрите ли, — взяла она меня сразу. Взглядъ то у нея какой! Какъ королева смотритъ. Къ такой и подступиться страшно. Вотъ вѣдь и въ бѣдности какія крали выростаютъ!

Шубникову было досадно, что Горѣловъ такъ мало вниманія удѣлилъ его сообщеніямъ. Съ досады онъ не могъ удержаться отъ искушенія хоть чѣмъ-нибудь омрачить въ умѣ Горѣлова

впечатлѣніе, произведенное Вѣрою, и онъ сказалъ язвительно:

— Золотой, однако, взяла!

И сразу же спохватился, что это не въ его интересахъ. Но Горѣловъ только рукою махнулъ.

— Что золотой!

И, сторожко озираясь по сторонамъ, принялся упрашивать Шубникова, чтобы онъ убѣдилъ Вѣру притти въ маленькій домикъ надъ устьемъ ручья, впадающаго въ Волгу. Этотъ домикъ стоялъ въ самомъ дальнемъ и уединенномъ мѣстѣ Горѣловскаго парка, за особою оградою, среди такихъ разросшихся кустовъ, и къ нему вели такія запутанныя дорожки, что мало кто и зналъ о существованіи этого пріюта любви. Если кто изъ гостей и забредетъ туда случайно, то высокій заборъ заставитъ думать, что здѣсь уже конецъ сада. Калитка въ этотъ пріютъ была совсѣмъ закрыта кустами.

Шубниковъ уже не разъ исполнялъ порученія Горѣлова, служа ему посредникомъ въ дѣлахъ любви. Скромность и дѣловитость Шубникова при этихъ приключеніяхъ въ глазахъ Горѣлова были самыми цѣнными свойствами молодого инженера. Самое знакомство Горѣлова съ Шубниковымъ состоялось въ гостиной одной полудоступной дамы; благосклонностью этой дамы пользовался Шубниковъ какъ разъ въ то время, когда въ нее влюбился Горѣловъ. Скромный молодой человѣкъ оказалъ Горѣлову очень цѣнную услугу, — во время и весьма тактично не только устранился, но и сдѣлалъ это совершенно безвозмездно,

однако, такъ, что Горѣлову стала извѣстна его уступчивость. Словъ между уступившимъ и воспользовавшимся потрачено было не много, и наградою молодому человѣку было мѣсто съ крупнымъ окладомъ и съ небольшимъ кругомъ обязанностей.

* * *

Шубниковъ видѣлъ, что Вѣра очень яро зажгла сердце Горѣлова. Не могъ даже фабрикантъ потерпѣть до дому, и уже въ лѣсу заговорилъ съ Шубниковымъ на эту щекотливую тему, не заботясь о томъ, что его можетъ подслушать не въ мѣру любопытный Николай. Горѣловъ говорилъ:

— Обѣщайте ей все, чего она захочетъ, ничего не пожалѣю, все отдамъ, только не томите, не тяните времени, приведите ее ко мнѣ въ домикъ сегодня же ночью. Вся она золотая, глаза, какъ угли горящіе, — вспомнить не могу безъ дрожи, забыть не умѣю.

Онъ шепталъ эти слова бормочущимъ, захлебывающимся голосомъ, словно въ бреду. Грузно наваливался на плечо Шубникову, и инженеръ чувствовалъ жаръ и трепетъ тучнаго тѣла и обжигающее его ухо горячее, прерывистое дыханіе. Шубниковъ понималъ, что привести Вѣру въ домикъ — очень трудное, можетъ быть, и совсѣмъ невозможное дѣло. Да и настроеніе среди рабочихъ въ эти дни было совсѣмъ не таково, чтобы съ легкимъ сердцемъ пускаться въ такія опасныя и невѣрныя приключенія. Проще всего было бы отка-

заться. Но Шубниковъ имѣлъ свои причины дорожить хорошими отношеніями со всѣми въ этомъ домѣ. Надобно было хоть выиграть время, а пока, если съ Вѣрою, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не выйдетъ, можно подыскать для Горѣлова болѣе податливую красавицу. Одна уже на примѣтѣ, — Ленка. И потому Шубниковъ говорилъ неопредѣленнымъ тономъ:

— Такъ скоро не ручаюсь, Иванъ Андреевичъ. Сами видѣли, дѣвица съ норовомъ. Не сразу придумаешь, чѣмъ ее взять. Конечно, я для васъ постараюсь.

Горѣловъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— Да ты ужъ самъ въ нее не втюрился ли?

Но тотчасъ же вдругъ вспомнилъ, что Шубниковъ усердно ухаживаетъ за Елизаветою, и что испытанная осторожность молодого инженера не позволитъ ему завести любовныя похожденія въ тѣ дни, когда здѣсь гоститъ его будущая невѣста. Вспомнилъ и то, что Шубниковъ въ такихъ дѣлахъ уже доказалъ свою готовность не становиться поперекъ дороги. Правда, Вѣра ни въ какое сравненіе ни съ кѣмъ не могла итти. Но все же Горѣловъ на счетъ Шубникова успокоился.

Однако, Вѣра такъ его взволновала, что онъ почувствовалъ себя ослабѣвшимъ. Вернулся къ остальнымъ, потребовалъ себѣ пледъ, подушку, выпилъ подрядъ два стакана кіанти, которое показалось ему кислымъ, но пріятнымъ чрезвычайно, легъ и задремалъ. Въ полудремотѣ пролежалъ онъ часа два, пока другіе завтракали и потомъ веселились, какъ умѣли,

— и сквозь дремоту, какъ сквозь густыя, плотныя занавѣси опочивальни, слышалъ смѣхъ, шумъ споровъ, возню и бѣготню молодежи, звонъ гитары и пѣніе, — слышалъ иногда сквозь эту дрему гудѣніе пчелы, и во все это время чувствовалъ въ себѣ ласковую теплоту и мужественную силу, которая возникаетъ въ темныхъ глубинахъ, и восходитъ внезапная и нежданная, и торжествуетъ надъ слабостью и надъ временемъ.

* * *

Пѣніемъ забавлялъ общество Шубниковъ, а гитара звенѣла въ проворныхъ Думкиныхъ рукахъ. Думка бренчала, сидя на мху, Шубниковъ принималъ оперныя позы, и пѣлъ во весь голосъ:

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный.
Это — идолъ золотой.
Онъ царитъ надъ всей вселенной.

Шубниковъ пѣлъ, конечно, главнымъ образомъ для того, чтобы очаровать Елизавету. Но по его лицу было видно, что его пѣніе очень нравится ему самому. Онъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своемъ голосѣ и о своемъ умѣніи пѣть, да и вообще о себѣ. Онъ былъ увѣренъ, что безъ него всѣмъ было бы скучно. Когда Милочка не безъ скрытой насмѣшки называла его «душа общества», онъ принималъ это, какъ вполнѣ заслуженное наименованіе. Ему казалось, что онъ поетъ, какъ Шаля-

пинъ. На сцену же онъ не поступалъ потому, что въ душѣ презиралъ всякое искусство, — что роднило его съ большинствомъ людей, получившихъ спеціальное техническое образованіе, — и онъ былъ увѣренъ, что сдѣлаетъ себѣ хорошую карьеру своими познаніями.

Елизавета слушала внимательно, и любовалась пѣвцомъ. Шубниковъ это видѣлъ и чувствовалъ. Онъ пѣлъ все громче, все увѣреннѣе дѣлалъ жесты, и все патетичнѣе потрясалъ черною бородкою, козлообразною. И, въ самомъ дѣлѣ, голосъ у него былъ довольно пріятный и сильный. Однако, отъ Шаляпина онъ отличался, между прочимъ и тѣмъ, что часто фальшивилъ. Притомъ же, — странное дѣло, — голосъ его почему-то звучалъ, какъ голосъ совсѣмъ некультурнаго человѣка, такъ что самый звукъ голоса выдавалъ, что ни словесный смыслъ, ни музыкальный не доходили до его сознанія.

Во время его пѣнія Николай полулежалъ на коврѣ, погруженный въ непріятныя размышленія. Больше всего ему было досадно, что отецъ увидѣлъ сегодня Вѣру, и что она произвела на него такое, очевидно, сильное впечатлѣніе. Надобно было рѣшительно подѣйствовать на Вѣру, чтобы помѣшать ея сближенію съ отцомъ.

Николай наслѣдовалъ отъ отца его отношеніе къ женщинамъ. Онѣ, по мнѣнію отца и сына, дѣлились на два разряда: однѣ, женщины приличнаго круга, въ общемъ порядочныя; соблазнять дѣвушекъ этого круга не слѣдуетъ, чтобы не навлечь на себя весьма крупныхъ

непріятностей; за замужними ухаживать стоило, хотя по большей части было трудно и рискованно; во всякомъ случаѣ, необходимо устраивать такъ, чтобы это ухаживаніе, принося наибольшую сумму пріятностей, никогда не принимало слишкомъ серьезныхъ и обязывающихъ формъ. Всѣ остальныя женщины казались отцу и сыну болѣе или менѣе доступными; только не каждая стоила того, чтобы на нее тратить такое количество денегъ и такія старанія, которыя могли бы сломить ея упорство. Поэтому ни отецъ, ни его сынъ не сомнѣвались въ томъ, что и Вѣру можно покорить. Горѣловъ готовъ былъ отдать на это много денегъ. Николай денегъ могъ дать гораздо меньше, но онъ зато былъ молодъ и считалъ себя красавцемъ.

Непріятно было то, что у Николая въ это время денегъ не было. Не считать же деньгами случайно завалявшуюся въ кошелькѣ мелочь, какіе-нибудь рублей пятнадцать-двадцать. Ждать до двадцатаго числа, когда въ конторѣ выдадутъ Николаю положенные ему въ мѣсяцъ пятьсотъ рублей, оказывалось теперь опасно, — отецъ ждать не станетъ, и начнетъ походъ на Вѣру теперь же. Притомъ же этихъ пятисотъ рублей Николаю никогда не хватало, — онъ скучалъ, если приходилось сидѣть дома, и умѣлъ находить своимъ деньгамъ многіе пріюты. Надобно было дѣйствовать рѣшительно. Да и сознаніе новой и сильной преграды между нимъ и Вѣрою, — ея фабричный милый не казался ему опаснымъ соперникомъ, — разожгло вдругъ его страсть. Уже ему казалось,

что онъ и дня не можетъ прожить безъ обладанія Вѣрою. Чисто животная сторона этой его страсти рисовала ему чудовищныя картины счастія съ побѣжденною гордячкою, съ этою темнорыжею, большеглазою красавицею.

Но гдѣ-же взять денегъ? Просить въ конторѣ впередъ нечего и думать; контора могла затянуть платежъ, но никогда ни копейки не давала раньше срока. Отецъ ни за что не дастъ. Обратиться къ матери? Но она недавно дала довольно крупную сумму, дала послѣ длиннаго и весьма непріятнаго разговора. Правда, эти предупрежденія о послѣднемъ разѣ уже не впервые слушалъ Николай отъ матери. Но все же теперь прошло времени такъ мало, что опять просить у нея денегъ безполезно.

Николай рѣшилъ посовѣтоваться съ Шубниковымъ. Правда, онъ зналъ, что у Шубникова лишнихъ денегъ нѣтъ. А если и есть, не дастъ. Но онъ — малый изворотливый и догадливый. Поможетъ, если не дѣломъ, такъ совѣтомъ, какъ не разъ помогалъ раньше, выручая въ разныхъ непріятныхъ обстоятельствахъ.

* * *

Но какъ ни торопился Николай, все же разговоръ съ Шубниковымъ онъ отложилъ до возвращенія домой. Пріятели усѣлись въ комнатѣ Николая у открытаго широкаго окна съ дивнымъ видомъ на Волгу. Стало немного пасмурно; небо ожемчужилось сплошнымъ облачнымъ налетомъ; воздухъ былъ тихъ, чистъ

и влаженъ; Волга и весь просторъ за нею и передъ нею удивительно тлѣли прозрачнымъ паромъ; вѣтеръ налеталъ на серебристую листву двухъ старыхъ бальзамическихъ тополей, и они показывали то блѣдную, то темнозеленую сторону своихъ широкихъ яйцевидно ланцетныхъ листьевъ. И все было, какъ игра и музыка стихій въ саду блаженныхъ тѣней, и вся эта дивная гармонія была устроена бѣлокрылыми сѣроглазыми ангелами сѣвернаго лѣта словно нарочно для того, чтобы въ это сладостное очарованіе вливались гнусныя слова двухъ тупоглазыхъ и тупоголовыхъ мерзавцевъ.

Николай жаловался на отца, не стѣсняясь выраженіями; какъ бѣдные студенты, ищущіе уроковъ, не стѣсняются разстояніемъ, такъ и для Николая не было достаточно далекихъ словъ. Онъ говорилъ:

— Жидоморъ противуестественный! Прямо извергомъ становится, когда о деньгахъ заговоритъ. Даже въ лицѣ мѣняется. Угораздило же меня имѣть отцомъ такого чорта! Воображаетъ, что пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ — колоссальный капиталище! Идіотство!

Почти такъ же нестѣснительно онъ жаловался и на мать.

— И откуда у этихъ бабъ такія дурацкія мысли? Она, изволите-ли видѣть, охраняетъ мою нравственность, и потому не даетъ денегъ. Чертъ знаетъ, что за ерунда! Съ отцомъ, по крайней мѣрѣ, дѣло ясно: впередъ знаешь, что не дастъ. Хоть времени на разговоры не теряешь. А мамахенъ иногда и разскочится на какую-нибудь паршивую сотняжку, — но если

бы вы видѣли, съ какими это дѣлается причитаніями и гримасами! Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Охраняетъ мою нравственность! — Мою! Да что, я — маленькій, что-ли? Не знаю самъ, что мнѣ вредно, и что мнѣ полезно?

И наконецъ Николай прямо сказалъ:

— Голубчикъ, Андрей Ѳедоровичъ, посовѣтуйте, какъ мнѣ быть. Гдѣ достать денегъ?

— Если бы я имѣлъ столько же, сколько вы получаете изъ конторы — началъ было Шубниковъ.

Но Николай нетерпѣливо перебилъ его:

— Знаю, знаю, — вы полстолька предоставили-бы мнѣ. Все это я знаю и весьма цѣню, какъ и прочія ваши качества и безцѣнныя услуги. Но теперь, теперь въ настоящихъ обстоятельствахъ, что дѣлать?

* * *

По самоувѣренному лицу и по самодовольной улыбкѣ Шубникова Николай видѣлъ, что у молодого инженера есть совершенно вѣрный планъ полученія денегъ. Но Шубниковъ не торопился излагать свои настоящія соображенія. И даже какъ-будто потерялъ часть своей самоувѣренности, когда Николай, истощившись въ упрекахъ, замолчалъ и съ ожиданіемъ сталъ смотрѣть на Шубникова.

Не оказать услуги человѣку, который можетъ пригодиться, не входило въ правила Шубникова. Онъ началъ перебирать разныя возможности, но послѣ краткаго обсужденія

каждая изъ нихъ превращалась въ очевидную невозможность.

Просить у Башарова — значило давать пищу его чрезмѣрному любопытству и развязывать его языкъ гораздо въ большей степени, чѣмъ откроется его кошелекъ. Да и дастъ онъ развѣ только какую-нибудь малость, рублей тридцать-сорокъ.

У Милочки деньги бывали только послѣ двадцатаго, дня два-три, не больше, и затѣмъ испарялись. Когда самой Милочкѣ нужна была какая-нибудь небольшая сумма, она брала до двадцатаго у стараго, почтеннаго лакея Якова Степановича. Тратить свои деньги Милочка уходила въ фабричный поселокъ или ѣхала въ городъ Сонохту; въ обоихъ этихъ мѣстахъ она участвовала въ очень различныхъ учрежденіяхъ, воспитательныхъ и вспомогательныхъ.

Елизавета щедро тратила деньги на свои наряды. На все остальное она была чудовищно скупа. Иногда Николай дразнилъ ее:

— Лиза, дай мнѣ въ долгъ пятьдесятъ рублей до двадцатаго.

И каждый разъ Елизавета вздрагивала, лицо ея принимало вдругъ испуганное и жадное выраженіе, она вся сторожко подбиралась, и говорила трясущимися губами:

— Николай, что ты выдумалъ! Откуда у меня могутъ быть деньги? Я же вѣдь у отца живу. Я — не курсистка, не телефонистка, чтобы давать деньги. И наконецъ это даже неделикатно съ твоей стороны требовать отъ меня денегъ. Когда же и гдѣ же ты видѣлъ,

чтобы барышни давали деньги въ долгъ. Ты съ ума сошелъ!

Потомъ она шла къ отцу, и съ выраженіемъ крайняго ужаса въ глазахъ, становившихся стеклянно-блестящими, жаловалась, чуть не плача:

— Можешь себѣ представить, папа. Николай просилъ у меня денегъ въ долгъ. Присталъ съ ножомъ къ горлу, — подай ему пятьдесятъ рублей! Такъ настаивалъ, что я прямо таки начала бояться.

Башаровъ объяснялъ ей многословно, что это происходитъ отъ плохого воспитанія, и при первой же встрѣчѣ съ братомъ передавалъ ему эту непріятную новость. Говорилъ со скрипучею злостью въ голосѣ:

— Хотя ваша Сонохта на Парижъ ни съ какой стороны не похожа, но Николай таки ухитрился просвистаться. У моей Лизаветы денегъ просилъ. Да такъ настойчиво, что она даже испугалась. Это мнѣ нравится! Скоро онъ будетъ возить твои ананасы потихоньку въ Москву на продажу. Да, можетъ быть, ужъ и возитъ.

Горѣловъ весело хохоталъ. Говорилъ:

— Да, Лиза и мнѣ пожаловалась. Я спрашивалъ Николая, онъ говоритъ, что это — просто шутка, что онъ только хотѣлъ подразнить Лизу.

— Чисто-волжская шутка, — ворчалъ Башаровъ. — Моя дочь къ такимъ страннымъ шуткамъ не пріучена.

А Лиза жаловалась и Любови Николаевнѣ, и Милочкѣ, и Шубникову, и степенному Якову Степановичу, и легкомысленной Думкѣ, за-

бывая на этотъ разъ всѣ ея прегрѣшенія, и говоря съ нею, какъ съ наперсницею или субреткою изъ французской комедіи. Вечеромъ она старательно прятала всѣ свои деньги, колечки, броши, браслеты въ самыя неожиданныя мѣста, обходила свои и отцовы комнаты, по нѣсколько разъ пробовала, задвинуты ли задвижки оконъ, на мѣстахъ ли шпингалеты у дверей. На ночь она замыкалась на ключъ. Долго не ложилась спать. Спала тревожно. Легкомысленная Думка пугала ее ходьбою, шопотомъ и стуками. Елизавета вскакивала и поднимала шумъ на весь домъ.

Очевидно, что замыселъ занять деньги у Елизаветы никуда не годился.

Шубниковъ предложилъ подставить Горѣлову Ленку, — можетъ быть, ею Горѣловъ увлечется, и забудетъ Вѣру. Горѣловъ уже не разъ видѣлъ Ленку, она ему понравилась, но явилась Вѣра, и память о Ленкѣ погасла. Если Ленка захочетъ, то можетъ быть, она и сможетъ опять такъ очаровать Горѣлова, что онъ забудетъ Вѣру. Но на этомъ пути два сомнѣнія, два риска: захочетъ-ли Ленка? и если захочетъ, удастся-ли ей? И потомъ, какъ это устроить? Сюда привезти ее неудобно. Устроить такъ, чтобы Горѣловъ поѣхалъ въ городъ сегодня или завтра, трудно. Все-таки Шубниковъ обѣщалъ устроить встрѣчу Горѣлова съ Ленкою.

Но какъ же быть съ Вѣрою? Гдѣ же теперь достать денегъ, чтобы не упустить моментъ?

* * *

Наконецъ Шубниковъ рѣшился приступить къ главному. Опустивши глаза и слегка какъ будто бы смутившись, онъ сказалъ:

— За неимѣніемъ денегъ могу дать только еще одинъ совѣтъ. Приналягте на вашу нѣжную родительницу.

Николай досадливо крякнулъ и махнулъ рукою. Шубниковъ продолжалъ:

— Одна только минута терпѣнія, и вы увидите, что это совсѣмъ не такой ненадежный путь, какъ это намъ съ вами сначала показалось. Въ данный моментъ, — вы понимаете?

Шубниковъ подмигнулъ Николаю, и состроилъ такое мефистофельское лицо, что на губахъ Николая сама собою выдавилась необыкновенно поганая улыбка. Шубниковъ говорилъ:

— Настроенія, сердце смягчено, старый другъ близко, ну, словомъ, перспективочки есть. Стоитъ только не стѣсняться кое-какими предразсудками, и разсматривать людей и событія не съ точки зрѣнія родственныхъ отношеній, а брать людей, какъ они есть въ природѣ.

И онъ запѣлъ щекочущимъ фальцетомъ:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Не боюсь я тебя.

Николай смотрѣлъ на него внимательно и задумчиво, и подсвистывалъ. Шубниковъ продолжалъ мефистофелевскимъ тономъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ легкомысленная супруга профессора Абакумова почила, выражаясь поэтически, послѣднимъ сномъ, профессоръ почувствовалъ необычайный приливъ жизненной энергіи. Вы, конечно, замѣтили, какъ

ему нравится теперь эта живописная дача на Волгѣ. Профессоръ — тонкій цѣнитель красоты.

Николай задумчиво спросилъ:

— Вы думаете, мой отецъ ревнивъ? Онъ самъ такъ часто измѣнялъ матери, что не имѣетъ никакого права ревновать ее.

— Ну, знаете ли, — отвѣчалъ Шубниковъ, — это — резонъ несостоятельный. Мало ли что измѣнялъ! Чѣмъ чаще измѣнялъ, тѣмъ она для него дороже, — вѣрная жена, любящая, кротко все прощающая. Тѣмъ болѣе, знаете, какъ объ этихъ обстоятельствахъ народная мудрость выражается? Мужъ блудитъ изъ дому, жена блудитъ въ домъ. Если появится на свѣтъ лишній наслѣдничекъ Горѣловскихъ капиталовъ, такъ вѣдь доли-то поменьше будутъ? не правда-ли?

Шубниковъ, осмѣлѣвши окончательно, цинично захохоталъ. Николай нахмурился.

* * *

— Это, дѣйствительно, непріятно, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Вы мнѣ даете перспективочки. Слѣдуетъ приналечь, выжать, что можно, а потомъ принять мѣры предупрежденія и пресѣчь.

— Вотъ именно, — одобрилъ Шубниковъ.

Тусклые обыкновенно глаза Николая разгорались. Почти видно было, какъ прыгаютъ въ нихъ пепельно-красные чертенята злобы и алчности. По лицу его пробѣгали судороги

низкихъ страстей, и казалось, что челюсти его вытягиваются, и, что изо рта, вдругъ опѣненнаго яростью, того и гляди высунутся волчьи клыки.

Радуясь быстрому успѣху своихъ внушеній, Шубниковъ посмѣиваясь метался по комнатѣ. Недавняя неловкость еще не совсѣмъ оставила его, и была въ его манерахъ, въ нервныхъ смѣшкахъ, въ безсмысленныхъ гримасахъ, въ нелѣпыхъ ужимкахъ и подергиваніяхъ, какая-то отвратительная смѣсь смущенія и радости, неловкости и механической развязности. Когда онъ отошелъ въ уголъ комнаты, между окномъ въ садъ и стѣною, и, вахляясь омерзительно, принялся подпрыгивать и приплясывать, остро, быстро, но все-же неловко подкидывая колѣни, онъ вдругъ сталъ похожъ на одѣтую обезьяну.

Онъ смотрѣлъ на что-то въ саду, и жестами звалъ Николая. Николай подошелъ и захохоталъ. И теперь они оба стали похожи другъ на друга, и оба они были, какъ пара кривляющихся гориллъ. Люди, — настоящіе люди, — которые шли по дорожкѣ сада мимо этой боковой стороны дома, не видѣли ихъ, — не догадались посмотрѣть вверхъ, да, пожалуй, и не разглядѣли бы со свѣту того, что копошилось въ паутинносѣромъ, мглистомъ полусвѣтѣ высокаго мезонина.

— А! Моментъ насталъ! Моментъ насталъ! — зашепталъ Николай, и побѣжалъ радостно, но все же трусливою, шакальскою трусцою изъ комнаты.

Шубниковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, но на площадкѣ лѣстницы остановился, поглядѣлъ

недолго за сбѣгающимъ проворно съ лѣстницы Николаемъ, усмѣхнулся злорадно, и потомъ отправился въ свою комнату, здѣсь-же въ мезонинѣ, недалеко отъ помѣщенія Николая.

* * *

Любовь Николаевна любила быть въ своемъ саду, когда въ немъ не было шумно и людно. Тогда такъ мечтательны становились его тѣнистые уюты, такъ просвѣтленъ и разнѣженъ являлся ея глазамъ весь садъ, и порядокъ его, при людяхъ казавшійся слишкомъ преднамѣреннымъ и рѣзкимъ, безъ буйнаго веселья радостенъ былъ, какъ совершенное воплощеніе предустановленной гармоніи. Казалось тогда ей, что она прошла длинную, длинную дорогу, и стоитъ передъ незримою дверью. И какъ-будто бы иногда пріоткрывается эта дверь, и является иной міръ, чудесно сливающійся съ этимъ зримымъ міромъ дневного скучнаго быванія. Шире становятся тогда широкіе просторы, и яснѣе ясныя дали, и зеленѣе зеленыя долины, и милая, родная Волга жемчужно-мглистою дымкою навлекаетъ на себя очарованіе вѣчно-текущей рѣки блаженнаго рая, рѣки, гдѣ вода живая струится въ счастливой долинѣ, упоенной вольнымъ и легкимъ воздухомъ безмѣрнаго пространства.

Подойдетъ къ крутому обрыву, смотритъ въ сторону города. Золотыми звѣздами въ голубой мглѣ воздуха мерцаютъ святыя главы далекихъ церквей, и за зеленью милыхъ садовъ

серебромъ свѣтятся бѣлыя стѣны, — не градъ-ли Китежъ передъ нею? Тихій звонъ по водѣ донесется, — и забьется, забьется сердце, сладко томясь и тоскуя. Взять бы котомку, итти бы дорогой безъ конца и безъ края, бездомною странницею. Жалко мужа, такого сильнаго, но и такого слабаго, жалко бабьею жалостью, не любовью. Не о немъ, не о немъ болитъ сердце. Домъ, дѣти, — ахъ, что это все? Дѣти выросли. Николай отошелъ отъ нея далеко, и пугаетъ ее своею чуждою, слишкомъ чуждою ей натурою. Милочка ей милѣе, да Милочка и сама бы охотно оставила домъ, промѣняла бы душныя стѣны на вольные просторы.

Но внимательна душа ищущая и окрыленная. Помнитъ первый мигъ сладкой влюбленности, и друга милаго не забыла. Давно простила ему его неожиданную измѣну. Вышла замужъ, дѣтей выростила, а всѣ эти годы одна была милая дума, одинъ для души пріютъ — думы о миломъ.

И вотъ ея старый другъ опять съ нею. Онъ овдовѣлъ, онъ свободенъ, — она все въ томъ же, душномъ, но привычномъ плѣну. И быть ей вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ-нибудь въ саду благоуханномъ, тихомъ и мирномъ, въ уютномъ домѣ, гдѣ покой и счастье, невозможно. Она въ плѣну.

И что же ей дѣлать? Молиться, какъ молилась. Но что же ей дѣлать? Любить, какъ любила. Не гасить огня любви, огонь любви передъ иконою поставить свѣчею, затепленною утѣшно, передъ иконою Скоропослушницы.

Чистая Богородице, успокой меня! Милый

Богъ, маленькій Христосикъ на рукахъ у Матери, утѣшь меня! Дѣва-Голубица, у ногъ Твоихъ пролью слезы мои! Очисти мою душу, восхити меня въ горній міръ!

* * *

Станетъ иногда Любовь Николаевна передъ зеркаломъ, смотритъ на свое отраженіе. Ни одного сѣдого волоска, ни одной морщинки. Правда, она вышла замужъ очень молодою, — но все же вѣдь у нея взрослыя дѣти!

Прислушается къ своему голосу, — онъ еще молодо звученъ. Подниметъ глаза на своего друга, — и былое оживаетъ въ памяти.

Профессоръ Абакумовъ немного старше ея. Но, когда они вмѣстѣ, кажется иногда, что онъ такъ же молодъ, какъ и она, и что время не имѣетъ и надъ нимъ власти.

Онъ носитъ на рукавѣ крепъ, потому-что недавно умерла его жена. Его густые волнистые волосы слегка тронуты просѣдью. Голосъ его, ясный и отчетливый, съ очень увѣренными интонаціями, звучитъ совсѣмъ молодо. Во всемъ его обращеніи сказывается привычка къ безспорному вліянію на людей. Недаромъ онъ такъ долго пробылъ профессоромъ, и всегда былъ любимъ и уважаемъ и слушателями, и товарищами.

Но вотъ цѣлая полоса жизни легла между ними. И теперь Любовь Николаевна такъ часто вспоминала его покойную жену. Она была изъ богатаго купеческаго рода, изъ Сохнохты. Любовь Николаевна была съ нею

хорошо знакома, почти дружна, и отношенія ихъ никогда не прерывались и не портились.

Такъ странно было, вспоминая Тамару Дмитріевну Абакумову, думать о ней, какъ о покойницѣ. Она была такая живая, такая веселая, такъ радовалась земной легкой жизни! Въ памяти вставало лицо покойницы въ гробу, — все то же веселое, легкомысленное лицо, и только черныя, крутыя брови были слегка приподняты, и словно отблескъ удивленія лежалъ на ея застывшей улыбкѣ.

Четверть вѣка тому назадъ молодой приватъ-доцентъ Абакумовъ встрѣтился зимою въ Москвѣ съ Любовью Николаевною. Они полюбили другъ друга. Лѣтомъ онъ пріѣхалъ въ Сонохту. Увидѣлъ Тамару, и внезапно влюбился въ нее. Такъ же внезапно повѣнчался съ нею. И почти тотчасъ же, такъ же внезапно, понялъ, что не любитъ ея. Угаръ внезапнаго очарованія разсѣялся быстро, онъ понялъ, что въ его сердцѣ одна только любовь, его первая, милая. Но Любовь его, успѣвшая поплакать не мало, вышла за богатаго фабриканта Горѣлова.

Тамара не замѣчала перемѣны въ своемъ мужѣ, въ его отношеніяхъ къ ней. Она такъ поспѣшно и жадно жила, что ей некогда было всматриваться въ тонкости душевныхъ переходовъ. Она была увѣрена въ томъ, что мужъ любитъ ее, и сама ему никогда не измѣняла. Она любила его такъ довѣрчиво и страстно, что у него никогда не хватило бы рѣшимости сказать ей:

— Тамара, я тебя не люблю. Я люблю не тебя.

Что бы она тогда сказала? Что бы сдѣлала? Абакумовъ даже не могъ понять была ли она ревнива. Можетъ быть, да. И даже не то, что ревнива, а ужъ очень неожиданна во всѣхъ своихъ поступкахъ, ни добрая, ни злая, взбалмошная, непослѣдовательная, избалованная своимъ богатствомъ, женщина съ душою ребенка. Можетъ быть, она способна была-бы облить соперницу сѣрною кислотою. Можетъ быть, себя убила-бы. А можетъ быть, утѣшилась бы въ потокахъ слезъ и горькихъ жалобъ.

Но она не знала, что мужъ, лаская ее, любилъ другую. Она была слишкомъ простая натура, очень жизненная и веселая, и не умѣла анализировать. Правда, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ она была очень умна и тонка и даже хитра. Она отлично вела свою фабрику, хотя занималась этимъ урывками, кое-когда. Ее нельзя было обмануть въ этихъ ея денежныхъ дѣлахъ. Но Абакумовъ не считалъ ее поэтому особенно умною. Онъ думалъ, что вѣдь это все такія примитивныя, почти зоологическія отношенія, — звѣриное хищничество и звѣриная осторожность.

* * *

Можетъ быть, въ послѣдній годъ своей жизни она стала о чемъ-то догадываться. Она стала временами очень раздражительна. Говорила иногда Абакумову:

— Ты — ученый, а я — дура. Я тебѣ не пара, сама теперь вижу.

Раньше никогда этого не бывало. А въ этотъ годъ довольно часто срывались у нея такія словечки. Говорила не разъ:

— Какъ я молода была, такъ для тебя хорошѣе меня на свѣтѣ не было, а теперь ты меня на любую смазливую курсисточку промѣнять готовъ.

Можетъ быть, это было отъ того, что уже начиналась болѣзнь, которая свела Тамару Дмитріевну въ могилу. Какъ бы то ни было, Абакумовъ чувствовалъ къ ней большую жалость. Приходилось успокаивать жену. Тяжелое притворство было ему самому ненавистно. Тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ, любитъ-ли она его по-настоящему, такъ, какъ, чувствовалъ онъ, любила его Любовь. Иногда казалось ему, что въ любви Тамары было очень много чувства собственницы, и сказывалось, что въ этой любви много душевной пустоты, которую Тамарѣ надобно было чѣмъ-нибудь наполнить. Чувствовалось какъ бы одержаніе демономъ, жаждущимъ плотской страсти и вошедшимъ въ тѣло Тамары, чтобы насладиться утѣхами земной страстной жизни, такой тѣлесной и завидной поэтому для безплоднаго и унылаго злого духа.

Теперь нерѣдко, когда Любовь Николаевна разговаривала съ Абакумовымъ о послѣднихъ мѣсяцахъ его семейной съ Тамарою жизни, ей жутко вспоминалось одно ея тогдашнее впечатлѣніе. Незадолго до того, какъ Тамарѣ захворать, — можетъ быть, даже наканунѣ, — она была у Горѣловыхъ, здѣсь на дачѣ, — это было прошлымъ лѣтомъ. Случилось, что двѣ

женщины остались наединѣ въ саду, на площадкѣ надъ крутымъ обрывомъ. Любовь Николаевна сидѣла на скамейкѣ, а Тамара Дмитріевна подошла къ баллюстрадѣ, и смотрѣла на рѣку. Она притихла на минуту, и казалась вдругъ непривычно блѣдною и грустною. Любовь Николаевна смотрѣла на нее съ необычайнымъ волненіемъ, и подумала вдругъ, Богъ вѣсть почему:

«Она скоро умретъ.»

Ей стало страшно. Она поспѣшно встала, подошла къ Тамарѣ, хотѣла спросить:

— Вамъ нехорошо?

Но Тамара вдругъ встрепенулась, словно сбросила съ себя какую-то тяжесть, и опять весело болтала и смѣялась, и щеки ея опять зарумянились.

* * *

Такъ вотъ странно жили эти четыре человѣка, соединившіеся по ошибкѣ, прожили почти четверть вѣка, и только двое изъ нихъ ошибку эту знали. Не такъ бы имъ слѣдовало соединиться, и тогда все было-бы счастливо иначе въ ихъ жизни. Горѣловъ и Тамара были-бы во всемъ созвучны другъ другу, и въ ихъ тѣловыхъ наклонностяхъ, и въ ихъ неугасающей жаждѣ чувственныхъ наслажденій, веселой, шумной жизни. У обоихъ — элементарныя натуры и вульгарные вкусы, удобно и полно удовлетворяемые большими деньгами, и вездѣ встрѣчающіе себѣ отвѣтъ. Ахъ, шампанское

вездѣ и всегда опьяняетъ одинаково, и наряды радуютъ и роскоши завидуетъ простодушная толпа, и кабаки вездѣ все тѣ-же, и вездѣ много людей для всяческихъ услугъ!

Абакумовъ и Любовь Николаевна, конечно, были созданы другъ для друга. Она была бы ему вѣрною, терпѣливою спутницею его, не всегда легкаго, пути. Его занятія не были бы ей такъ чужды, и всѣ тонкія движенія ея души нашли бы въ немъ сочувственный откликъ.

Но жили они все это время всѣ четверо странно раздробленною жизнью. У Горѣлова — фабрика, кутежи, любовницы. У Любови Николаевны — дѣти, хозяйство, книги, музыка, театръ, бесѣды съ художниками и поэтами, благотворительность. У Абакумова — каѳедра, наука, общественная дѣятельность. У Тамары Дмитріевны — свѣтская жизнь, болтовня, въ своей и въ чужихъ гостинныхъ, неопасный флиртъ съ неопасными кавалерами, заграничныя поѣздки. У каждаго свое. Случалось, что встрѣчались супруги, — одна чета, какъ и другая, — только за обѣдомъ. Были очень нѣжны другъ съ другомъ, — одна чета, какъ и другая, — и не замѣчали, какъ живутъ вмѣстѣ по ошибкѣ.

Можетъ быть, и дѣти у нихъ были бы иными, если бы злой врагъ рода человѣческаго не перепуталъ нарочно кольца ихъ судьбы, похищенныя имъ у задремавшихъ ангеловъ, которые въ небесахъ обручали ихъ души. Смущенные ангелы пытались потомъ поправить дѣло, и только одному Николаю врагъ успѣлъ вконецъ испакостить душу. Милочка и дѣти

Абакумовыхъ, — сынъ и двѣ дочери, — были очень хорошіе, искренніе люди. Вліяніе врага сказалось, однако, въ томъ, что на Милочку находили иногда припадки бѣшеной вспыльчивости, послѣ которыхъ у нея тяжело болѣла голова; дѣти же Абакумовыхъ были очень нервные и неустойчивые. Мать обращалась съ ними, какъ съ красивыми и милыми куклами, отцу же они доставляли много тяжелой заботы, и ему зачастую страшно было думать о томъ, что сдѣлаетъ съ ними взбалмошная русская жизнь.

* * *

Какъ часто въ эти дни, и сегодня Абакумовъ и Любовь Николаевна ходили въ саду вдвоемъ, и бесѣдовали. Былъ шестой часъ въ началѣ, солнце было высоко. Стоялъ теплый, почти жаркій день. Но аллеи сада, тихія и тѣнистыя, давали отдыхъ отъ знойныхъ лучей, и было въ нихъ свѣжо, душисто, зелено и молодо, когда Абакумовъ и Любовь Николаевна были тамъ вдвоемъ. Абакумовъ говорилъ, — Богъ вѣсть въ который разъ:

— Вы знаете, всѣ эти годы, долгіе годы, я любилъ только васъ.

Любовь Николаевна смотрѣла прямо передъ собою, какъ бы ничего не видя. Глаза ея были наполнены слезами. Тихо-тихо, точно боясь, что отъ быстраго движенія и отъ громкаго слова прольются эти слезы, непрошенныя, ненужныя, она сказала:

— Однако, женою вашею была она, а не я.

Пожаловалась и этими легкими и прозрачно-прозвучавшими словами точно кому-то на безпощадность злой судьбы! Показалась такою жалкою, слабою и несчастною, что Абакумову невольно захотѣлось оправдать себя или, можетъ быть, утѣшить ее нѣжнымъ упрекомъ. Ласково сжимая ея руку, тихо, какъ и она, онъ сказалъ:

— Другъ мой, не хочу васъ упрекать, но и вы не замедлили отвѣтить мнѣ тѣмъ-же.

— Да, и я не осталась ждать, — съ горькою улыбкою отвѣчала Любовь Николаевна. — Да и чего ждать? Кого? Того, кто обо мнѣ такъ скоро позабылъ? Какая у меня могла быть надежда? Я была тогда такъ одинока, такъ несчастна! А онъ, Иванъ Андреевичъ, онъ былъ тогда такъ влюбленъ въ меня, такъ ласковъ со мною, смотрѣлъ на меня такъ, точно не могъ жить безъ меня, и такъ вездѣ, всегда настигалъ меня своею преданностью и любовью! У меня не было силъ отказать ему. Что жъ! Онъ — простой, милый, искренній человѣкъ. Онъ и до сихъ поръ меня любитъ, какъ въ первые годы.

Голубые, по молодому блестящіе глаза Абакумова ревниво зажглись. Онъ сказалъ досадливо:

— Однако, онъ измѣняетъ вамъ на каждомъ шагу!

Какъ всякая женщина, Любовь Николаевна сразу почувствовала ядъ ревности въ звукѣ голоса ея милаго, и какъ всякую женщину, ревность любимаго обрадовала и утѣшила ее. Она сказала спокойно:

— Ахъ, Боже мой, я это знаю. Это — порывы страстной натуры, и только. Ничего серьезнаго въ этихъ его увлеченіяхъ не бываетъ. Чѣмъ больше онъ измѣняетъ мнѣ, тѣмъ я для него милѣе и чище. Я для него — святыня въ домѣ.

И, поддаваясь женскому неглубокому, но неодолимому желанію усилить еще немного ядъ зажегшейся въ сердцѣ милаго ревности, она говорила, ласково хваля Горѣлова:

— Онъ со мною такъ нѣженъ, такъ ласковъ, такъ кротокъ!

Сумрачно хмуря брови, Абакумовъ спросилъ:

— Но вѣдь вы его не любите?

— Онъ любитъ меня, — отвѣчала Любовь Николаевна.

И опять слезы послышались въ ея голосѣ. Абакумовъ заглянулъ въ ея опять наполнившіеся слезами глаза, и страстно воскликнулъ:

— Милая моя! Любовь моя! вѣдь вы любите меня!

* * *

И уже не могла больше, заплакала. И, словно обрадованная и освобожденная, омывшая все свое горе въ слезныхъ потокахъ, она говорила плача:

— Люблю, всю жизнь любила. Вы это знаете.

Абакумовъ говорилъ настойчиво:

— Вы должны уйти со мною! Теперь, когда я сталъ свободенъ, уйдите со мною, умоляю васъ, Люба моя милая!

И, плача, говорила Любовь Николаевна:

— Другъ мой, вы знаете, я несвободна. У меня взрослыя дѣти. Какъ я погляжу имъ въ глаза? Подумайте, другъ мой! Сердце мое разрывается. Отчего вы не позвали меня раньше?

— Я знаю, — говорилъ Абакумовъ, — моя вина передъ вами такъ велика! Я боялся позвать васъ. Это было малодушіе съ моей стороны, недостатокъ практической воли, свойственный такому книжному и кабинетному человѣку, какъ я. И я не рѣшался подвергнуть васъ мщенію ревнивой взбалмошной женщины. Она была такая экспансивная! Она была бы на все способна!

Любовь Николаевна улыбнулась сквозь слезы.

— Что бы она могла мнѣ сдѣлать? — спросила она. — Что жъ, она бы выжгла мнѣ глаза сѣрною кислотою? Но я и слѣпая любила бы васъ такъ же.

— Милая моя, — говорилъ Абакумовъ, — любовь моя, зачѣмъ ненужныя страданія?

По его лицу пробѣжало краткое содроганіе боли и ужаса. Его воображеніе, всегда слишкомъ живое и потому чрезмѣрно пугливое, поставило передъ нимъ образъ обезображенной красоты. Онъ почувствовалъ, что это испытаніе для него было бы чрезмѣрно-тягостнымъ. Трагическая маска въ квартирѣ профессора — это было-бы сочетаніе слишкомъ нелѣпое и потрясающее. Эстетика обычной жизни не мирилась бы съ этимъ вѣчнымъ присутствіемъ воплощеннаго ужаса и созданнаго изъ красоты злобою безобразія.

— Другъ мой, — отвѣчала Любовь Николаевна — всѣ наши страданія не безцѣльны. Одно только намъ надо въ жизни, — знать, чего мы хотимъ, поставить себѣ неизмѣнную цѣль, и только къ ней итти. Всѣмъ остальнымъ можно пренебречь, — тогда и самыя страданія оправданы.

— Вы еще такъ молоды! — говорилъ Абакумовъ. — Зачѣмъ отказываться отъ счастія? Позднее счастіе, но тѣмъ болѣе сладкое. Любовь моя, Любовь моя милая!

Любовь Николаевна плакала, коротко и сладостно вздыхая и тихонько вскрикивая при каждомъ вздохѣ, — тихо и протяжно.

— Ахъ! Ахъ! Ахъ!

И казалось, что ея вздохи и нѣжные ея вопли нескончаемы. Абакумовъ обнялъ и цѣловалъ ее, повторяя настойчиво, тихо и нѣжно:

— Любовь моя! Милая! Любовь моя! Милая!

* * *

Вдругъ сверху, изъ-за кустовъ, послышался нарочно громкій голосъ стараго лакея Якова Степановича:

— Николай Ивановичъ, осторожнѣе, — тамъ на лѣстницѣ одна ступенька сломана, еще не успѣли починить, и у перилъ балясины повывалились.

Потомъ послышалось досадливое восклицаніе Николая, — словъ было не разобрать, — и потомъ донеслось его гнусное пѣніе:

Любви всѣ возрасты покорны,
Ея порывы благотворны!

Голосъ поющаго Николая былъ фальшивъ, рѣзокъ, оскорбителенъ. Въ немъ слышалась насмѣшка, звучало подлое торжество. Казалось, что этимъ пѣніемъ онъ говорилъ матери:

— Я видѣлъ, я слышалъ.

Любовь Николаевна быстро освободилась изъ объятій Абакумова. На ея лицѣ отражались страданіе, испугъ, гнѣвъ, презрѣніе. Она вдругъ поняла: ея сынъ пробирался подсматривать за нею, а почтенный старикъ Яковъ Степановичъ оберегалъ ее и громкимъ крикомъ далъ ей знать о приближающейся опасности. И такое ощущеніе охватило ее, какъ будто изъ-за всѣхъ кустовъ жалятъ ее острые, издѣвающіеся взоры и насмѣшливыя, гнусныя улыбки. Она сказала Абакумову очень тихо и настойчиво:

— Другъ мой, прошу васъ, уйдите отсюда.

Абакумовъ отвѣчалъ съ презрительнымъ спокойствіемъ:

— Зачѣмъ? Это — вашъ сынъ.

И по его лицу, вдругъ принявшему строгое и презрительное выраженіе, она видѣла, что и онъ, какъ она, понялъ, въ чемъ дѣло. Ей стало стыдно за себя, за сына, и отъ этого чувства, тяжелаго, какъ низкій, грузный сводъ надъ головою въ сыромъ подземельи, внезапный гнѣвъ охватилъ ее.

— Мой сынъ! — сказала она гнѣвно.

И глаза ея засверкали зло и остро. Но опять смятеніе противоположныхъ чувствъ овладѣло ею. Она представила себѣ, что могутъ сказать одинъ другому Николай и Абакумовъ при этой встрѣчѣ. И она торопливо зашептала:

— Ради Бога, другъ мой! Я очень взволнована! Я не хочу, чтобы насъ теперь, въ эту минуту, видѣли здѣсь вмѣстѣ. И особенно онъ, мой сынъ!

Абакумовъ посмотрѣлъ на нее внимательно, поцѣловалъ ея руку, и по узкой тропинкѣ, едва видной между густо разросшимися кустами, сталъ спускаться внизъ, къ забору, гдѣ была калитка на берегъ Волги.

Любовь Николаевна торопливо вытерла слезы, легкія на нѣжно зарумянившихся щекахъ, тонкимъ маленькимъ платкомъ, отъ котораго слабо и сладко пахло фіалкою. Она остановилась въ нерѣшительности, не зная, куда итти. Сначала она хотѣла избѣгнуть встрѣчи съ Николаемъ. Потомъ она вдругъ вспомнила, что Николай могъ видѣть ее съ Абакумовымъ изъ окна своей комнаты, когда они шли мимо цвѣточныхъ куртинъ. Притомъ же голосъ Николая слышался все ближе и ближе. Каждый звукъ этого наглаго голоса оскорблялъ ее, и заставлялъ дрожать.

Николай забылъ продолженіе аріи, которую онъ началъ пѣть. Рѣзкимъ фальцетомъ онъ запѣлъ дурачливо, невѣрно и фальшиво изъ оперетки:

Я — вѣчно твоя Перикола,
Но больше страдать не могу.

Потомъ, опять перейдя на свой рѣжущій ухо баритонъ, онъ заревѣлъ изъ Вампуки, все громче и громче:

— Бѣжимъ, спѣшимъ! Спѣшимъ, бѣжимъ! Спѣшимъ, спѣшимъ! Бѣжимъ, бѣжимъ! Людей смѣшимъ!

Любовь Николаевна безпокойно смотрѣла вслѣдъ спускающемуся внизъ Абакумову. Уже начала жалѣть, что заставила Абакумова уйти. Если Николай увидитъ его на этой тропинкѣ, какіе это вызоветъ комментаріи, какое глумленіе! Наконецъ она рѣшилась итти навстрѣчу Николаю, задержать его, не дать ему возможности увидѣть Абакумова. Она постаралась придать своему лицу спокойное выраженіе, но ея шаги все же были слишкомъ торопливы, когда она шла, неся въ сердцѣ горькое презрѣніе къ сыну, по тѣнистой извилистой аллейкѣ туда, гдѣ за кустами звучалъ его наглый голосъ. И уже завидѣвъ его неожиданно близко, она замѣтила, что почти бѣжитъ, и замедлила походку.

* * *

Глядя прямо на мать и нагло ухмыляясь. Николай прямо пѣлъ:

— Я все видѣлъ, я все слышалъ!

Любовь Николаевна, проходя мимо него, спросила:

— Что ты видѣлъ, Николай, что ты слышалъ?

Она сама удивилась тому, что ея голосъ звучитъ совершенно спокойно и даже насмѣшливо. Николай круто остановился, и сдѣлалъ видъ, что только сейчасъ увидѣлъ передъ собою мать. Ея спокойствіе обмануло его, и онъ не догадался пройти еще нѣсколько шаговъ по дорожкѣ. Даже и теперь, если бы онъ наконецъ замолчалъ, пересталъ оглушать самого

себя звуками своего голоса и прислушался бы, то онъ бы могъ услышать шелестъ въ кустахъ, успѣлъ бы добѣжать до тропинки и увидѣть Абакумова. Но, опьяненный своею собственною наглостью, онъ продолжалъ звучать, какъ струна разбитаго рояля, слишкомъ усердно надавленная педалью. Онъ говорилъ глумливымъ голосомъ:

— А, это ты, мамахенъ! Нѣтъ, это я такъ изъ одной веселенькой опереточки. А видѣть и слышать здѣсь, кажется, некого и нечего. А, неправда-ли?

Любовь Николаевна молча пожала плечами, и шла, не останавливаясь. Николай шелъ за нею. Но вдругъ, словно вспомнивши что-то, рѣзко засвисталъ, засунулъ руки въ карманы, круто повернулся, и пошелъ по аллеѣ въ ту сторону, откуда вышла Любовь Николаевна.

— Николай! — закричала Любовь Николаевна, остановившись.

— Ась? — дурашливо откликнулся Николай, оборачиваясь къ ней, и тоже остановился.

Любовь Николаевна говорила съ раздраженіемъ:

— Очень прошу тебя, — не свищи при мнѣ. Твой свистъ положительно невозможно слушать.

Николай рѣзко захохоталъ. Закричалъ все тѣмъ-же глумливымъ голосомъ:

— Нервочки! Ну, хорошо, не буду. Крайней необходимости свистать не ощущаю. Свищу, просто, отъ скуки, — отъ нечего дѣлать, — отъ веселости, наконецъ свойственной моему воз-

расту. Это тебѣ трудно понять, мамахенъ. Но что дѣлать! Нельзя всегда имѣть двадцать лѣтъ отъ роду, это я понимаю. Всякому овощу свое время.

Любовь Николаевна вышла на круглую песочную дорожку передъ открытою полянкою съ большою круглою куртиною посрединѣ и съ бордюромъ изъ мелкихъ, голубенькихъ, лиловыхъ, розовыхъ лѣтниковъ. Она сѣла на скамью, прислонилась къ ея изогнутой спинкѣ, и затуманившимися глазами смотрѣла на легкія, по небу бѣгущія, тучки, на ясную синеву неба, и казалось ей, что безмѣрно грустенъ этотъ день, еще такой ясный, но уже охваченный боязливымъ предчувствіемъ заката. Ахъ, дни, умирающіе навсегда! Печальная неудержимость времени!

Николай нелѣпо маячилъ передъ матерью и напѣвалъ безсмысленныя слова:

— Сердце съ перцемъ, эрцумъ, цумъ, цумъ, цумъ!

Любовь Николаевна смотрѣла на него внимательно и печально. Вотъ сынъ, котораго она родила и воспитала! Тотъ, надъ которымъ почила святая любовь матери и ея неустанныя заботы!

* *
*

Николай вдругъ придалъ лицу притворно-ласковое выраженіе, отъ чего сталъ еще противнѣе и страшнѣе, — жаба, вымазанная вареньемъ, — подошелъ къ матери, и умильно глядя на нее, заговорилъ отвратительно-сладкимъ голосомъ:

— Мамочка, когда у любящаго сына чего-нибудь необходимаго не хватаетъ, къ кому-же ему итти, какъ не къ любящей матери?

Фальшиво и оскорбительно звучали эти слова. Можетъ быть, самъ того не замѣчая, онъ на словѣ «любящей» (матери) сдѣлалъ какое-то неуловимо наглое удареніе, такъ что въ этомъ словъ слышался гнусный намекъ.

Любовь Николаевна слегка покраснѣла. Почувствовала непріятное замираніе въ сердцѣ. Спросила:

— Что тебѣ надобно? Ты хочешь опять просить денегъ?

Николай утвердительно кивнулъ головою. Любовь Николаевна говорила:

— Я не понимаю, Николай, — ты отъ отца получаешь такъ много!

— Большія деньги, подумаешь! — насмѣшливо воскликнулъ Николай. — Видишь-ли, мама, ты этого не можешь понять, — дамы никогда не платятъ.

Любовь Николаевна глядѣла на него съ удивленіемъ. Николай принялся объяснять:

— Ну, въ ресторанахъ, за экипажи, цвѣты, на чай, ну, тамъ разныя мелочи, — вообще, множество расходовъ, которыхъ дамы не могутъ подсчитать, — вѣдь онѣ же никогда ни за что не платятъ, — все мелочи, но въ общемъ это составляетъ нѣчто. И весьма, скажу тебѣ, замѣтное въ суммѣ. Притомъ-же, странно мнѣ было-бы сквалыжничать! Я не кто-нибудь. Я — Горѣловъ. Такъ всѣ на меня и смотрятъ. Того всѣ отъ меня и ждутъ. И не могу же я... Имя, какъ ты хочешь, обязываетъ, что, если

носишь такое имя, то несешь и соотвѣтственныя обязанности. По крайней мѣрѣ въ порядочномъ обществѣ. Надѣюсь, что это и тебѣ понятно!

Презрительное молчаніе матери раздражало его, и онъ продолжалъ на разные лады растолковывать все одно и то же. Какъ рѣчь на чужомъ варварскомъ языкѣ, звучало все это для Любови Николаевны. Какъ это грустно! Вотъ онъ, рожденный и воспитанный ею, провелъ съ нею болѣе двадцати лѣтъ, лучшую пору своей жизни, и они словно говорятъ на разныхъ языкахъ. Наконецъ она тихо и сдержанно сказала:

— Вотъ именно потому, что ты не кто-нибудь, какъ ты выражаешься, а Горѣловъ, тебѣ и нѣтъ надобности швырять деньги направо и налѣво. Кому и что ты этимъ можешь доказать? Солидность фирмы извѣстна всѣмъ. А если станутъ говорить про твою расточительность...

Николай перебивая ее, закричалъ нахально:

— Ну, поѣхала! Всѣ эти турусы на колесахъ я наизусть знаю.

Любовь Николаевна вздрогнула отъ этой неожиданной грубости. Сказала съ упрекомъ:

— Николай, ты очень странно выражаешься!

Николай спохватился, — въ самомъ дѣлѣ, надобно сначала попробовать, не приведетъ ли къ цѣли ласковость. Онъ сказалъ, не слишкомъ, впрочемъ, любезно:

— Извини, мама, но если бы ты знала мои дѣла, ты бы не удивлялась тому, что я нѣсколько взволнованъ.

— Ты проигрался? — спросила Любовь Николаевна, безцѣльно и тоскливо глядя передъ собою.

За куртинами, жасминными кустами и песочною площадкою видна была боковая стѣна кирпичнаго краснаго, большого дома. Красивая, но немного вычурная архитектура дома была сегодня непріятна Любови Николаевнѣ. Съ Волги доносилось торопливое постукиваніе моторной лодки, и это было единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ теперь тишину здѣсь, въ саду. Направо отъ цвѣтника, вверхъ отъ Волги, тянулась липовая аллея. Любовь Николаевна вспомнила, что липы цвѣтутъ, и ей показалось, что ихъ пряный, нѣжный и волнующій ароматъ набѣгаетъ на нее томными струями. Недалеко отъ нея на кустѣ сирени пестрая, верткая птица съ краснымъ брюшкомъ и голубою шейкою закачала упрямую вѣтку, осмотрѣлась, и полетѣла, воровато и низко, за липы, въ густой вишенникъ. Всѣ эти разрозненно метнувшіяся въ сознаніе черты развлекли Любовь Николаевну, и она очень невнимательно выслушала отвѣтъ Николая.

* * *

— Проигрался? Нѣтъ. То есть, да, — говорилъ Николай. — А, чортъ! Однимъ словомъ, мнѣ не до выраженій. Кажется, можно это понять, и хоть иногда войти въ мое положеніе. Однимъ словомъ, мама, мнѣ очень нужны деньги, и я убѣдительно прошу тебя дать мнѣ хоть рублей восемьсотъ, что-ли. Безъ крайней необ-

ходимости я бы не сталъ безпокоить тебя. Собственно говоря, мнѣ бы надо тысячу. Но я прошу только восемьсотъ.

Любовь Николаевна молчала. Николай говорилъ все громче, почти кричалъ:

— Мама, да ты, кажется, не слушаешь? На это ухо мы глухи? Проснись, пожалуйста! Пойми, я прошу у тебя всего только восемьсотъ рублей. Ну, въ крайнемъ случаѣ, семьсотъ. Надѣюсь, эта сумма тебя не разоритъ. А мнѣ положительно до зарѣзу. Что называется, — вынь да положь.

Мечта поставила передъ матерью иной домъ, иную семью. Веселые глаза ласковаго сына глянули въ ея глаза такъ ясно, такъ живо, какъ на яву. Она тряхнула головою, отгоняя сладкое очарованіе мечты. Суровые подняла глаза на Николая, и рѣшительно сказала:

— Николай, я не дамъ тебѣ никакихъ денегъ. Изъ заботы о тебѣ я не дамъ тебѣ денегъ.

— Напрасно, — злобно сказалъ Николай. — Повторяю, мнѣ деньги до зарѣзу нужны, и я на все готовъ, чтобы ихъ достать. Для тебя деньги — меньги, какъ говорятъ армяшки, а для меня это — жизненный вопросъ. Какъ порядочный человѣкъ, предупреждаю тебя, мама, что я ни передъ чѣмъ не остановлюсь. Я говорю совершенно серьезно.

Любовь Николаевна внимательно посмотрѣла на него, и сказала:

— Попроси у отца, если тебѣ такъ необходимы деньги.

Николай засмѣялся злобно и нагло. Сказалъ:

— Ты напрасно посылаешь меня къ отцу, мама. Предупреждаю тебя, это не въ твоихъ интересахъ.

— Проси у отца, — повторила Любовь Николаевна. — А я тебѣ не дамъ.

Она встала со скамьи, и пошла къ липамъ. Николай злобно кричалъ:

— Да, и пойду, и буду просить у отца. Но ты, мама, лучше бы не доводила меня до этого.

Любовь Николаевна остановилась, и смотрѣла на Николая съ удивленіемъ, слегка презрительнымъ и грустнымъ. Николай нѣсколько понизилъ тонъ, словно вдругъ загипнотизированный ея пристальнымъ взглядомъ. Но тонъ его словъ оставался все такимъ же злобнымъ, когда онъ говорилъ:

— Ты знаешь, у отца на все свои правила, самыя самодурскія. То ему не жалко на свои прихоти тысячами швырять, а для сына, — да онъ скорѣе удавится, чѣмъ для меня лишній рубль дастъ. Поневолѣ влѣзешь въ долги, имѣя отцомъ такого аспида и жидомора.

Любовь Николаевна отвела глаза отъ искаженнаго злобою лица Николая, и тихо, но рѣшительно сказала:

— Николай, объ отцѣ нельзя такъ говорить. Неужели ты самъ этого не понимаешь?

Николай грубо отвѣчалъ:

— Говорю правду. Имѣю на это достаточно основаній. Иногда, знаешь-ли, сказать правду бываетъ очень пользительно. Знаю, отецъ не расположенъ давать мнѣ деньги. Даромъ, знаю, не дастъ. Но я ему продамъ кое-что. Дѣло, такъ сказать, коммерческое.

Онъ смѣялся нагло и трусливо, и смотрѣлъ на мать, стараясь придать лицу многозначительное выраженіе, но отъ этихъ стараній его лицо становилось напряженно-тупымъ и болѣе обыкновеннаго глупымъ. Наступило, по его соображеніямъ, время пустить въ ходъ послѣдній, рѣшительный аргументъ, — и онъ волновался. Послѣднія сдержки привитой воспитаніемъ порядочности еще мѣшали ему бросить въ мать приготовленныя тяжелыя слова. Онъ еще надѣялся, что, если намекнуть ей похитрѣе, въ чемъ дѣло, и дать понять, что онъ не остановится передъ разоблаченіемъ ея сердечной тайны, то она догадается, испугается, сдѣлаетъ видъ, что уступила его просьбамъ, что вошла въ его положеніе, и дастъ денегъ.

* * *

На лицѣ Любови Николаевны была печаль и скука. Она давно уже поняла, къ чему клонилъ Николай. Ей хотѣлось уйти, но уйти она почему-то не рѣшалась. Странное ей самой любопытство удерживало ее, — посмотрѣть, какъ Николай подойдетъ къ своей щекотливой задачѣ. Она спросила:

— Что жъ ты хочешь ему продать?

Николай говорилъ озорнымъ голосомъ:

— Что? Это тебя интересуетъ? Такъ, коекакія свѣдѣнія. Нѣчто крайне любопытное.

Любовь Николаевна перенебрежительно усмѣхнулась, и сказала:

— Этимъ товаромъ Горѣловы не торгуютъ. Тебѣ надо итти съ нимъ въ другое мѣсто.

— Нѣтъ, — запальчиво кричалъ Николай, — я знаю, куда мнѣ надо итти. Именно къ отцу. Эти свѣдѣнія его заинтересуютъ. Именно его.

Любовь Николаевна очень внимательно смотрѣла на сына, и молчала. Николай заговорилъ убѣждающимъ голосомъ, предчувствуя близкое торжество и потому становясь спокойнѣе:

— Я, право, не понимаю, мама. Ей Богу, не понимаю. Ты могла бы по себѣ судить. Любить — это не фунтъ изюму, ты сама это понимаешь.

Увидѣвъ, что лицо матери начинаетъ блѣднѣть, Николай подумалъ злорадно:

«Догадалась! Наконецъ-то! Ну, теперь, я живо ее обломаю.»

Опустивъ глаза, Любовь Николаевна спросила тихо:

— Кого же ты любишь, Николай?

— Сейчас я этого не могу сказать, — отвѣчалъ Николай, самодовольно усмѣхаясь.

И уже онъ былъ увѣренъ, что мать начинаетъ сдаваться. Иначе зачѣмъ же было спрашивать о предметѣ его любви! А Любовь Николаевна продолжала спрашивать все тѣмъ же сдержаннымъ тономъ:

— И твоя любовь требуетъ отъ тебя денегъ?

Исподтишка бросая на сына короткіе, быстрые взгляды, какъ на опаснаго и дерзкаго противника, она словно вела съ нимъ роковой поединокъ. Дразнила его своею сдержанностью, своимъ спокойствіемъ, притворнымъ непониманіемъ. И уже опять начиная злиться, и больше всего досадуя на свою внутреннюю,

непонятную ему и связывающую его неувѣренность, онъ говорилъ:

— Ну, требуетъ! Что это значитъ — требуетъ? Это, какъ одинъ побитый еврейчикъ говорилъ: «Товарищи, что это значитъ, — онъ побилъ меня по лѣвой мордѣ?» Впрочемъ, это изъ другой оперы. Требуетъ, не требуетъ, но безъ денегъ нигдѣ нельзя и шагу ступить. И я не понимаю, какъ ты можешь не сочувствовать мнѣ, мама!

Любовь Николаевна спросила усталымъ голосомъ:

— Почему я должна сочувствовать тебѣ въ этой твоей любви?

И едва начала этотъ вопросъ, какъ вдругъ почувствовала, что помогаетъ Николаю, давая ему возможность дерзкаго отвѣта. Но уже утомилась настороженно ждать.

«Пусть говоритъ, что хочетъ!» — успокоенно подумала она, и даже слегка улыбнулась.

* * *

Николай говорилъ, нагло улыбаясь:

— Но разъ, что ты сама переживаешь это... Когда переживаешь такое блаженное состояніе, то какъ же не сочувствовать другимъ!

Какъ ни была Любовь Николаевна подготовлена къ такому обороту разговора, все же слова Николая и его наглая улыбка ударили ее по нервамъ, какъ хлесткіе удары бича. Съ невольнымъ страхомъ въ голосѣ она сказала:

— Николай, я не понимаю, что ты говоришь.

И въ душѣ ея еще поднималась робкая на-

дежда, что онъ смутится, покраснѣетъ, скажетъ ласковыя, нѣжныя слова. Но Николай отвѣчалъ злобно и развязно:

— Вотъ! Я тоже не понимаю! Прогулки съ другомъ сердца «у ручейка, гдѣ незабудочки», — и такое безсердечіе къ своему собственному сыну, какъ ты хочешь, одно съ другимъ не вяжется.

Любовь Николаевна съ ужасомъ смотрѣла на злое лицо Николая, и повторяла:

— Николай, замолчи, замолчи!

Николай говорилъ съ возрастающею злобою:

— И наконецъ твои собственные интересы могли бы тебѣ подсказать... Я молчать не обязанъ наконецъ! Я все скажу отцу. Если ты не хочешь мнѣ помочь, такъ и я не стану тебя щадить.

Дрожа отъ негодованія, Любовь Николаевна гнѣвно говорила:

— Николай, ты меня шантажируешь! Какая гнусность! Какъ ты низко упалъ!

Она быстро пошла по направленію къ узкой дорожкѣ, которая, извиваясь среди кустовъ шиповника, вела къ дому. Николай бѣжалъ за нею, съ перекосившимся отъ злости лицомъ, и визгливо кричалъ:

— Я, какъ сынъ, такъ же имѣю право возмущаться! Честь моего отца задѣта! Я не позволю!

Любовь Николаевна остановилась въ началѣ дорожки, у одной изъ двухъ тоненькихъ моloденькихъ, чинно-пряменькихъ березокъ. Сказала:

— Оставь меня! Я не хочу слушать тебя.

— А, что? — злорадно усмѣхаясь бѣшено трясущимися губами, говорилъ Николай. — Видно, правда глаза колетъ!

— Правда, которою ты торгуешь! — гнѣвно крикнула Любовь Николаевна. — Не смѣй итти за мною!

Николай дерзко и яростно закричалъ:

— Ты не можешь мнѣ запретить! Я здѣсь дома, на землѣ моего отца. Никто не запретитъ мнѣ говорить, что я хочу сказать.

Любовь Николаевна оглядѣлась тревожно во всѣ стороны. Никого не было видно въ саду, ни въ окнахъ дома, ни на террасѣ, ни на балконахъ. Было тихо вездѣ, только легкій вѣтеръ порою колебалъ вѣтки, да, скатившаяся съ верхушекъ деревьевъ, по лужайкѣ быстро проносилась отъ Волги къ дому легкая, почти сквозная тѣнь маленькой тучки. А Николай наступалъ на мать, и готовъ былъ схватить ее за платье, если она вздумаетъ бѣжать отъ него. Она растерянно говорила:

— Я буду кричать! Я позову людей!

Но Николай рѣшилъ, что скандала не ему слѣдуетъ бояться, и отвѣчалъ язвительно:

— Вы хотите, чтобы я при свидѣтеляхъ? Какъ вамъ будетъ угодно. Сдѣлайте ваше одолженіе, зовите кого вамъ угодно. Вы не заткнете мнѣ рта. Дудки-съ!

Опять загораясь гнѣвомъ, Любовь Николаевна кричала:

— Ты — подлый, подлый! Шантажировать свою мать! Подлый! Люди, люди, дайте мнѣ уйти отъ этого человѣка!

* * *

Любовь Николаевна быстро побѣжала по узкой дорожкѣ. Николай устремился было за нею, но вдругъ наткнулся на Думку. Какъ разъ въ это время Думка вышла въ садъ. Услышавши крики, она побѣжала, увидѣла, что Николай гонится за матерью, сообразила, что происходитъ какая-то необычайная сцена, вродѣ читанныхъ ею въ романахъ, и рѣшилась задержать Николая. Она подумала, что въ его рукѣ можетъ быть ножъ, и сердце ея шибко забилось отъ героической готовности пожертвовать собою, отъ восторга, толкающаго на подвигъ, и отъ жуткаго страха. Неожиданно для Николая выбѣжала она изъ-за кустовъ, стремительно бросилась между нимъ и матерью, и съ разбѣгу такъ толкнула его плечемъ и грудью, что онъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, опять къ цвѣтнику. Едва удержался на ногахъ, и злобно закричалъ:

— А, чортъ! Что ты тутъ подъ ноги суешься! Пошла прочь!

Испуганно, задыхаясь отъ волненія и отъ стремительнаго, вдругъ задержаннаго бѣга, Думка спрашивала:

— Николай Ивановичъ, что же это? Вы гонитесь за вашею маменькою, Любовь Николаевна кричитъ, чтобы дали имъ отъ васъ уйти. Такъ нельзя, Николай Ивановичъ!

Ея продолговатое лицо красивой ярославки раскраснѣлось, и въ душѣ ликовала жуткая ей самой гордость, что вотъ она за кого-то могла заступиться.

Николай грубо кричалъ:

— Не задерживай! Дурища, ослица, не твое дѣло!

И толкнулъ Думку кулакомъ въ плечо, чтобы пройти; Думка тонко и негромко вскрикнула отъ ушиба, но не растерялась, — быстро, упруго изогнулась, забѣжала впередъ Николая, схватилась обѣими руками за березки по краямъ дорожки, и загородила проходъ.

— Пусти! — неистовымъ голосомъ кричалъ Николай, напирая сильнымъ костлявымъ плечомъ на ея тоненькое дѣвичье плечо. — Сейчасъ же отойди!

Думка держалась цѣпко за березку, изо всей силы упиралась ногами въ мелкій песокъ тропинки, и кричала:

— Не пущу! Ни за что не пущу! Что это, въ самомъ дѣлѣ, какой скандалъ вы устраиваете!

Николай визжалъ высокимъ фальцетомъ:

— Да какъ ты смѣешь! Ахъ ты, дрянь ты этакая!

— За своей маменькой гонитесь, — кричала Думка, — это только у самыхъ грубыхъ мужиковъ бываютъ такіе скандалы, да и то если въ пьяномъ видѣ.

— Пусти, дрянная дѣвчонка! — вопилъ Николай. — Я тебѣ оплеухъ надаю!

— Не пущу! — упрямо повторяла Думка. — Какъ вамъ не стыдно, Николай Ивановичъ! Ай! ай! Руки сломаете!

Николай нѣсколько разъ грубо дернулъ Думку за плечи, потомъ съ ожесточеніемъ принялся бить ее по рукамъ, крича:

— Пусти! Пусти! Пусти!

— Ой, ой! — кричала Думка. — Больно! Больно!

Она пронзительно завизжала, опустила лѣвую руку и упала на землю около стволика березки, за который все еще держалась правою рукою. Николай бросился бѣжать мимо нея. Думка вскочила и захохотала. Закричала торжествующимъ голосомъ:

— Поздно, Николай Ивановичъ! Любовь Николаевна успѣла уйти, куда, вы не знаете. Теперь куда хотите, идите.

Николай остановился. Въ самомъ дѣлѣ, матери уже не было видно. За вознею онъ даже не успѣлъ посмотрѣть, куда она скрылась. Онъ со свирѣпымъ лицомъ повернулся къ Думкѣ, и кричалъ:

— А, чортъ проклятый! Я вамъ этого не забуду, Думка! Вы совершенно напрасно вмѣшиваетесь въ чужія дѣла.

Думка, смѣясь и поддразнивая его, повторяла:

— Теперь куда хотите идите, мѣшать не стану.

Но, увидѣвъ его по-звѣриному оскаленные зубы и злобно-горящіе глаза совсѣмъ близко къ своимъ глазамъ, она испугалась, и сказала жалобно:

— Всѣ мнѣ руки обломали.

— Вамъ бы не однѣ только руки! — кричалъ Николай, надвигаясь на нее съ угрожающимъ видомъ. — Уши оборвать!

Такъ какъ Думка была дочь сторожа, а не барышня, то Николай не считалъ нужнымъ стѣсняться съ нею. Ея уши были въ большой

опасности, но въ это время послышались недалеко голоса Елизаветы и Шубникова. Николай сообразилъ, что драка съ дѣвушкою, довольно сильною и настроенною неизвѣстно какъ, могла бы принять не особенно лестныя для него самого формы. Поэтому онъ отошелъ отъ Думки, бросая на нее, однако, яростные взгляды. Думка прислонилась спиною къ стволу березки, и смѣющимися глазами смотрѣла на Николая и на вновь появившихся. Ей было любопытно послушать, что будетъ говорить Николай, — поспѣшная походка, почти переходящая въ бѣгъ, Елизаветы и Шубникова показывала, что они появились здѣсь не случайно, а привлеченные крикомъ.

* * *

Елизавета, запыхавшаяся и потому злая, остановилась передъ Николаемъ, и спрашивала:

— Что это здѣсь какой крикъ? Я такъ испугалась, думала, что съ дядей что случилось, или нападеніе экспропріаторовъ.

Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ испугалась, но такъ какъ ни дяди, ни экспропріаторовъ не было видно, то ея страхъ переходилъ въ любопытство, вульгарно-жадное, — не скандалъ-ли какой? — и къ этому примѣшивалась еще затаившаяся, но уже готовая шипѣть и жалить, злость на то, что ей, барышнѣ, пришлось обезпокоиться и бѣжать въ то самое время, какъ ея собственная горничная Думка уже здѣсь, уже знаетъ, и стоитъ, и ничуть не

безпокоится, и даже осмѣливается улыбаться съ самымъ непринужденнымъ видомъ.

На пескѣ круглой дорожки вокругъ куртины, вслѣдъ за отшуршавшимъ бѣгомъ Елизаветы слышно было грузное шуршаніе подъ ногами Шубникова и еще какой-то четкій, быстрый, но все-же явно-неторопливый хрустъ. Думка поглядѣла въ ту сторону, — отставши отъ людей, важно двигался широкогрудый, черналицый, строгій бульдогъ, — онъ зналъ, что ничего страшнаго нѣтъ, что никакіе враждебные запахи отсюда не доносятся, и что торопиться некуда. И если люди этого не чуютъ, тѣмъ хуже для нихъ. Вѣдь и наоборотъ, они часто бываютъ совершенно спокойны, когда къ нимъ приближается грозная опасность, подходитъ врагъ или слѣпо надвигается безстрастная и незримая, отъ близости которой не можетъ не завыть чуткій.

Шубниковъ, озабоченно и внимательно всматриваясь въ Николая и боясь догадаться о неудачѣ его плана, говорилъ:

— На Волгу было слышно. Мы бѣгомъ сюда мчались. Въ чемъ дѣло?

Николай язвительно сказалъ, тыкая на Думку большимъ пальцемъ черезъ плечо:

— Плоды твоей филантропіи, Лиза!

Онъ, какъ и Башаровы, совершенно искренно считалъ, что держать дѣвушку за горничную даромъ только потому, что зимою ей не препятствуютъ ходить на курсы, это и есть самая настоящая филантропія.

Уже совсѣмъ было готовая броситься на Думку, но еще не нашедшая для этого подходя-

щаго повода, Елизаветина злость обрадовалась случаю пока куснуть хоть Николая. Кислымъ голосомъ запѣла, зашипѣла она на устахъ Елизаветы:

— Вотъ новости! Я же и виновата! Это мнѣ нравится. И необыкновенно любезно съ твоей стороны, Николай. Впрочемъ, мнѣ пора привыкнуть къ твоей любезности.

Николай досадливо отмахнулся, и, нисколько не тронутый призывомъ къ его любезности, говорилъ, жестикулируя развязно, но все-таки нелѣпо.

— Ну, да, конечно. Эта дѣвица съ поэтическимъ именемъ Думка, которую по-просту слѣдовало-бы звать Дунькой, не довольствуется своею скромною ролью горничной.

Шубниковъ пронзительно свистнулъ, подмигнулъ Думкѣ, и сказалъ ей:

— Такъ-то, Евдокія Степановна!

Думка, не теряя ничуть своей веселости, возразила:

— Мнѣ все равно, хоть чортомъ дьяволомъ назовите. Меня отъ этого не убудетъ. А я все дѣлаю, что велятъ.

* * *

Елизаветина злость обрадовалась, предчувствуя хорошую поживу отъ Думки, и начала зеленѣть и шершавиться, охорашиваясь подъ цвѣтъ крапивы. Выкидывая лиловато-желтые крапивные цвѣточки цѣлыми пучками на зазмѣившіеся Елизаветины глаза, она зашипѣла:

— Думка, не перебивай!

Николай межъ тѣмъ продолжалъ жаловаться, жалиться ядомъ змѣинымъ, очень окрѣпшимъ отъ внятной близости Елизаветиной радостной злости:

— Она не желаетъ помнить своего соціальнаго положенія дочери нашего сторожа.

Думка, ужаленная, вскрикнула:

— Что выдумали! Отца не забыла, да и не забуду никогда, вотъ то ужъ никогда.

Она была ужалена злобою, скрытою въ благоухающихъ розахъ Николаевыхъ рѣчей, но совсѣмъ не такъ ужалена, какъ расчитывалъ Николай.

— Думка! — грозно зашипѣла Елизавета.

Думка нахмурилась, повернулась бокомъ къ Николаю, и сказала:

— Да мнѣ что! Я молчу.

Шубниковъ слушалъ съ восторгомъ, — разыгрывающаяся передъ нимъ сцена обѣщала быть интересною.

А Николай неустанно жалился, жаловался:

— Она не желаетъ забыть, что она — зубоврачебная курсистка.

Думка живо повернулась къ Николаю, чтобы крикнуть:

— Какъ же мнѣ забыть-то? Зачѣмъ? Что ни училась, такъ все и позабыть?

И опять зашипѣла Елизавета:

— Думка!

Думка проворчала:

— Да я же молчу!

И отвернулась опять. Николай продолжалъ:

— Но не желаетъ помнить, что ты ей даешь возможность учиться.

Шубниковъ засвисталъ, и дурашливо перенимая манеры Николая, крикнулъ:

— Черная неблагодарность! Какъ же это вы такъ, Евдокія Степановна?

Думка досадливо тряхнула головою, и проворчала:

— Васъ только не хватало.

Елизаветина злость, корчась отъ нетерпѣнія, закричала сухимъ, крапивно шуршащимъ голосомъ:

— Въ чемъ дѣло, однако?

— Въ томъ дѣло, — отвѣчалъ Николай, — что эта ужасная растрепа вцѣпилась въ меня руками, ногами и зубами.

— Еще чѣмъ? — сердито спросила Думка.

И на всякій случай наскоро поправила прическу, передничекъ, блузу, платье, — въ самомъ дѣлѣ, возясь съ Николаемъ, стала ужасною. Елизавета зашипѣла:

— Вотъ я тебя!

Испугалась бы Думка въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь Милочка заступится, добрая, какъ заступалась, — а все таки Думкино сердце екнуло боязливо. Николай продолжалъ:

— Когда я хотѣлъ итти за мамою. Мнѣ, видишь ли, до зарѣзу необходимо было кончить разговоръ съ мамою, но мама показала мнѣ спину.

Шубниковъ, улыбкою и шутливымъ тономъ стараясь прикрыть охватившее его неловкое чувство, спросилъ:

— Вашъ разговоръ принялъ слишкомъ бурное теченіе?

Елизавета на минуту забыла о Думкѣ, и съ нескрываемо-насмѣшливымъ выраженіемъ смотрѣла на Николая. Онъ смутился, и отъ этого еще болѣе обозлился. Смущенно и злобно онъ говорилъ:

— У меня были свои причины. Наконецъ, мнѣ совершенно необходимо было. Я иду за мамою, продолжаю мои объясненія. Вдругъ вылетаетъ откуда-то изъ-за кустовъ эта полоротая запятая, кричитъ, визжитъ:

— Не пущу! — и начинаетъ меня всячески теребить и дергатъ.

Думка пыталась принять серьезный видъ, но не выдержала и засмѣялась. Елизавета строго посмотрѣла на нее, и сказала внушительно:

— Я съ нею поговорю.

Николай злорадно улыбнулся, воображая, что будетъ за разговоръ. Его озлобленіе почти смягчилось, и почти только по инерціи онъ сказалъ заключительную сентенцію:

— Вообще, такихъ истеричныхъ субъектовъ не слѣдуетъ держать въ домѣ.

— Не безпокойся, я ее уйму, — сказала Елизавета, нагружая свои слова всею тяжестью внушительной угрозы, — для Думки, — и завертывая ихъ въ тонкую бумагу благовоспитаннаго спокойствія для Шубникова.

И она подошла къ Думкѣ, измѣряя ее съ головы до ногъ уничтожающимъ взглядомъ.

* * *

Шубниковъ, воспользовавшись тѣмъ, что Елизавета занялась Думкою и отъ нихъ отвернулась, подошелъ къ Николаю, и осторожнымъ шопотомъ спросилъ его:

— Ну, что, какъ?

Николай безнадежно махнулъ рукою, и тоже шопотомъ отвѣчалъ:

— Да что, дѣло — дрянь. Пойдемте куданибудь, я вамъ разскажу все по порядку.

И, озабоченно шепчась, они потихоньку, чтобы Елизавета не замѣтила ихъ ухода, пошли къ липовой аллеѣ. Межъ тѣмъ Елизавета, наслаждаясь возможностью пробрать Думку, говорила:

— Думка, ты слишкомъ распустилась.

Думка заговорила смѣясь:

— Да какъ же, — Николай Ивановичъ...

Елизавету Думкинъ смѣхъ совсѣмъ вывелъ изъ равновѣсія. Уже не думая о томъ, что Шубниковъ можетъ услышать ее, и не заботясь ничуть о мелодичности своего голоса, она закричала:

— Какъ ты смѣешь смѣяться, когда съ тобою разговариваютъ!

Фраза, которую въ этомъ самомъ составѣ словъ уже успѣли повторить цѣлыя полчища большихъ и маленькихъ, домашнихъ, школьныхъ, казарменныхъ, канцелярскихъ и всякихъ иныхъ деспотиковъ. И какъ много разъ раньше, формула произвела свое дѣйствіе, — стукнула какъ разъ по тѣмъ нервамъ, которые заставили вздрогнуть Думку, какъ заставляли подъ бичами тѣхъ же глупыхъ словъ вздрагивать неисчислимыя множества другихъ окрикнутыхъ.

Думка робко сказала:

— Извините, Елизавета Павловна, но Николай Ивановичъ...

Елизавета опять оборвала ее крикомъ, весьма далекимъ отъ музыкальности:

— Что это за фамильярности! Какая я тебѣ Елизавета Павловна? Помни свое мѣсто, дура этакая!

— Простите, барышня, — сказала Думка улыбаясь.

Въ ея сознаніи все еще преобладала смѣшная сторона всего этого происшествія, и ей никакъ не удавалось испугаться гнѣвныхъ окриковъ и злыхъ глазъ разъяренной своей госпожи. И некстати вспоминались очень подходящія къ обстоятельствамъ и совсѣмъ не соотвѣтствующія серьезному настроенію слова старой кухарки про Елизавету:

— Такъ разгорячилась барышня, такъ разгорячилась, — ну, вотъ, полей водой, зашипитъ, какъ плита горячая.

Къ визгливымъ крикамъ Елизаветы она прислушивалась съ такимъ-же жуткимъ и остро-притягательнымъ чувствомъ, съ какимъ отважный сорванецъ прислушивается на приморскомъ утесѣ къ завываніямъ начинающейся бури. А Елизавета визжала, все ближе наступая на Думку:

— Да какъ ты смѣешь улыбаться, когда я съ тобою говорю! Что въ моихъ словахъ ты нашла забавнаго? Этакая дерзкая, дрянная дѣвчонка!

— Простите, барышня, но только баринъ разсказали вамъ не совсѣмъ правильно, какъ было дѣло.

— Что такое? — съ негодованіемъ закричала Елизавета.

Думкины слова показались ей непомѣрно-дерзкими. А Думка, вдругъ начиная волноваться, заговорила:

— Вовсе я на него не набрасывалась...

Но Елизавета не дала ей договорить. Кричала:

— Ты смѣешь говорить, что баринъ вретъ! Да что онъ, уличный мальчишка, что-ли, чтобы онъ сталъ врать?

— Барышня, да позвольте разсказать, — попыталась было опять заговорить Думка.

Но Елизавета кричала:

— Мнѣ не надо твоего дурацкаго разсказа. Я не хочу слушать, что ты мнѣ будешь врать.

— Я правду... — начала было Думка, боязливо отодвигаясь отъ Елизаветы, и искоса глядя на нее, не то испуганно, не то сердито, широкими зрачками голубенькихъ простодушныхъ глазъ.

Она покрѣпче прижалась къ тоненькой березкѣ, точно около нея было безопаснѣе. Елизавета кричала:

— Я барину одному слову больше вѣрю, чѣмъ всей твоей мерзкой, поганой болтовнѣ!

* * *

Милочка передъ обѣдомъ пошла на фабричную слободку, — тамъ у нея было какое-то дѣло. Теперь она торопилась домой къ обѣду. Войдя въ садъ отъ Волги, она услышала крикъ. Подумала:

«Ужъ не опять-ли Елизавета на Думку напала?»

Милочкѣ стало тоскливо, пріятныя и значительныя впечатлѣнія отъ встрѣчъ и разговоровъ тамъ внизу вдругъ въ ней померкли. Но она все же пошла еще скорѣе, почти вбѣжала, и ужъ не пологою извилистою въ три оборота дорожкою, а прямикомъ, по крутой лѣсенкѣ, при чемъ ушибла ногу на сломанной ступенькѣ, оцарапала руку о какой-то колючій кустъ, да заодно и крапивою обожглась. Наконецъ выбѣжала къ цвѣтнику, и остановилась перевести духъ. Спиною къ ней, недалеко стояла Елизавета, кричала и махала руками, и передъ нею, прижимаясь къ березкѣ, смущенная, раскраснѣвшаяся Думка, тоненькая, чуть пошире березки. Милочка невольно улыбнулась, такъ забавна была Елизаветина запальчивость, да и вся ситуація. Но уже скоро она перестала быть только забавною.

Затѣненная густо разросшимися деревьями, Милочка была не видна не только повернувшейся къ ней спиною Елизаветѣ, но и Думкѣ, и Николаю съ Шубниковымъ, еще не успѣвшимъ отойти далеко. Думкѣ противъ солнца, а тѣ двое шли бокомъ къ ней, погруженные въ свои разговоры.

— Да позвольте, барышня, — пыталась сказать что-то Думка.

Елизавета кричала рѣзкимъ голосомъ:

— Молчать! Я уже давно замѣчала, что ты — дерзкая!

— Да когда же я, барышня? — уже начиная тоже раздражаться, заговорила Думка

погромче, словно стараясь перекричать Елизавету.

Но это уже окончательно обозлило Елизавету.

— Молчать! — неистово закричала она. — Ты забываешься! Я тебя проучу!

Такъ громокъ и рѣзокъ былъ этотъ визгливый крикъ, что Николай и Шубниковъ остановились и оглянулись, а Милочка побѣжала впередъ, прямо по травѣ мимо круглой большой куртины. А Елизавета уже наскочила на Думку, одною рукою схватила ее за плечо, другою со всего размаха дала ей такую сильную пощечину, что Думка покачнулась.

— Ай, барышня, что вы! — закричала Думка, — Да за что же? Богъ съ вами!

Елизавета, съ радостною злостью глядя на быстро наливавшуюся кровавымъ румянцемъ Думкину щеку и чувствуя теплоту въ ударившей рукѣ, визжала:

— А, тебѣ одной мало! Ты еще прощенья не просишь! Дрянная дѣвчонка!

Она неистово тряхнула Думку за плечи, плотнѣе прижала ее спиною къ березкѣ, и намѣтила глазами другую Думкину щеку, которая казалась, хотя и румяная, нѣжно бѣлою сравнительно съ тою, на которой горѣла пощечина. Потомъ замахнулась другою рукою. Думка въ ужасѣ закрыла глаза, и пронзительно закричала:

— Барышня, миленькая, простите!... Простите!

* * *

Милочка подбѣжала какъ разъ въ это время. Она схватила Елизавету за руку, и крикнула:

— Лиза!

Думка открыла глаза, отбѣжала въ сторону, сѣла, почти повалилась на траву, плакала и смѣялась. Елизавета сердито вырвала руку изъ Милочкиныхъ рукъ. Грубо сказала:

— Милочка, что ты суешься не въ свое дѣло!

Но была крайне смущена. А тутъ, какъ на зло, подошли Шубниковъ и Николай. Стояли и хохотали. Особенно веселился Николай. Шубниковъ смѣялся принужденно, смутно надѣясь смѣхомъ повернуть все въ шутку. Милочка гнѣвно говорила:

— Что за безобразіе! Зачѣмъ ты ее бьешь?

Елизавета оправдывалась смущенно и злобно:

— Ты вѣдь еще не знаешь, въ чемъ дѣло, и не можешь судить. Эту дѣвчонку еще не такъ надо проучить.

— Ей Богу, я не виновата! — говорила Думка.

Николай злорадно хохоталъ и покрикивалъ:

— Потѣха!

Крѣпкіе бѣлые зубы его отвратительно сверкали, и казались зубами мертвеца, вставленными человѣку хитрымъ и жаднымъ дантистомъ. А Шубникову, чѣмъ больше онъ вникалъ въ случившееся, тѣмъ болѣе это не нравилось. Ему хотѣлось бы, чтобы затѣя, внушенная имъ Николаю, прошла гораздо глаже и тише. Чрезмѣрность скандала начинала страшить его. Онъ пытался успокоить Елизавету, и уговаривалъ ее:

— Елизавета Павловна, бросьте! Охота вамъ связываться съ какою-то Думкою! Только себя разстраиваете.

Но мысль о томъ, что какая-то ничтожная Думка заставила ее, барышню, разстроиться, только еще болѣе ярила Елизаветину расходившуюся злость. Тѣмъ болѣе, что Милочка глядѣла сурово, и говорила гнѣвныя слова, и вся дрожала, точно ея тѣло было сплетено изъ туго-натянутыхъ струнъ, по которымъ кто-то незримый и неистовый бѣшено водилъ невидимымъ смычкомъ. Милочка говорила:

— Какъ это низко! Какъ это гнусно! Какъ это мерзко! Все твое воспитаніе вотъ на эту подлость тебя только и могло толкнуть! Барышня благовоспитанная! Или и въ самомъ дѣлѣ правда сказана о васъ, что около каждаго рабочаго поселка заводится змѣиное гнѣздо?

Елизавета, задыхаясь отъ злости, сказала:

— Выбирай свои выраженія, Милочка. Тебѣ не мѣшало бы помнить, что это гнѣздо не наше, — не мы его построили, твой отецъ.

— Умора! — злорадно дурашливо кричалъ Николай.

Милочка обратилась къ Думкѣ:

— Что случилось?

Думка начала разсказывать:

— Николай Ивановичъ погнался за Любовью Николавною, она отъ него убѣгала, я Николая Ивановича остановила, вотъ изъ-за этого все и вышло, потому-что Николай Ивановичъ пожаловался на меня Елизаветѣ Павловнѣ.

Шубниковъ досадливо морщился. Дѣло въ Думкиномъ освѣщеніи принимало совсѣмъ скверный характеръ. Почувствовала это и Елизавета. Она яростно бросилась на Думку, вопя:

— Слышали, что она мелетъ! Нѣтъ, я тебя еще мало проучила, дрянь несчастная, лгунья мерзкая!

Милочка опять схватила Елизавету за руку, и остановила ее.

* * *

— Не смѣй бить ее! — кричала Милочка, — не смѣй!

Елизавета, сверкая на Милочку глазами и отъ ярости не находя словъ, пыталась вырваться. Лицо ея пошло кирпично-красными пятнами, вся миловидность ея слиняла вдругъ, и она казалась безобразною бабою. Неистово вырывалась, но Милочка была сильнѣе, и не пускала ее къ Думкѣ.

Встревоженный Шубниковъ уговаривалъ:

— Елизавета Павловна, ради Бога, уйдемте!

Онъ попытался было подойти поближе къ сцѣпившимся дѣвицамъ, но Николай удержалъ его. Зрѣлище его забавляло, о послѣдствіяхъ онъ не догадался подумать. Наконецъ Елизавета нашла слово:

— Это — не твое дѣло, — сказала она Милочкѣ. — Думка у меня служитъ, а не у тебя. Я не могу позволить ей устраивать скандалы.

Милочка продолжала кричать:

— Не смѣй ее бить!

— Мы учимъ ее на наши деньги, — говорила Елизавета, — она должна это помнить и не забываться.

Наконецъ, убѣдившись въ томъ, что ей не вырваться изъ Милочкиныхъ рукъ, и вся вдругъ усталая отъ злости и отъ жары, она приняла притворно-равнодушный видъ, и сказала:

— Хорошо, Думка, иди, я съ тобою послѣ поговорю.

Думка вскочила, и проворно убѣжала. Елизавета язвительно говорила Милочкѣ:

— Милочка, отпусти мою руку. Ты дѣлаешь мнѣ больно.

Милочка разжала руки. Елизавета помахала въ воздухѣ рукою съ преувеличенною гримасою боли. Она говорила все съ тою же язвительностью:

— Твое заступничество, Милочка, все равно ни къ чему не приведетъ. Не все дѣлается такъ, какъ ты хочешь. Я сегодня же надаю ей такихъ пощечинъ, что она долго этого не забудетъ. А потомъ я позову ее отца, чтобы онъ...

Но ей не удалось кончить. Милочка вдругъ поблѣднѣла, сказала задыхающимся голосомъ:

— Такъ попробуй сначала на себѣ!

Бросилась на Елизавету, и принялась бить ее по щекамъ, по спинѣ, по чемъ попало. Елизавета отбивалась, и вмигъ, не успѣли тѣ двое опомниться, между дѣвицами разгорѣлась отчаянная драка, — волосы у обѣихъ растрепались, платья трещали. Елизавета не только защищалась, но и сама била Милочку. Больше доставалось Елизаветѣ, потому-что Милочка была сильнѣе и ловче, и нападала съ ожесто-

ченіемъ. Шубниковъ бросился къ дѣвицамъ, чтобы разнять ихъ, но Николай ухватилъ его за рукавъ пиджака, и хохоталъ, повторяя:

— Вотъ такъ спектакль! Въ театръ ходить не надо!

Бульдогъ стоялъ поодаль, и смотрѣлъ на людей равнодушно и презрительно. Существа, въ столь значительный и отвѣтственный моментъ жизни пускающія въ ходъ только лапы и забывающія о зубахъ, казались ему весьма нелѣпыми. Вдругъ заревѣлъ пронзительный гонгъ, — сигналъ къ обѣду. Милочка словно очнулась, оттолкнула Елизавету, оглянулась вокругъ дикими глазами, коротко вскрикнула, закрыла лицо руками, и убѣжала. Елизавета стояла растрепанная, избитая, разъяренная. Набросилась съ упреками на брата, на Шубникова, — зачѣмъ они не удержали Милочку, не заступились за нее. Николай глупо хохоталъ, Шубниковъ молча, серьезно и почтительно взялъ Елизавету подъ руку, и повелъ ее къ боковому крыльцу дома.

* * *

Вѣра вернулась изъ рощи домой одна, немного задумчивая. Мать стояла на порогѣ своего небольшого, но ладно построеннаго дома, и смотрѣла на подходившую дочь увѣренно любующимися глазами. Гордое выраженіе ложилось на лицо пожилой красивой женщины, точно она думала:

«Я хороша была въ свое время, да и моя-то дочка — поискать другой такой не сыщешь».

Но, скрывая любованіе суровостью, отчасти притворною, отчасти привычною, она спросила:

— Что долго гуляла, дочка? Аль дома дѣлать нечего?

Вѣра, поднимаясь по ступенькамъ крылечка, спокойно отвѣчала:

— Грибы собирала, мама. А домашнихъ всѣхъ дѣлъ все одно въ три года не передѣлаешь.

Въ домѣ было по-праздничному чисто, и видна была во всемъ порядливая привычка къ постоянной чистотѣ. На окнахъ — кисейныя занавѣски и горшки герани и фуксій. На полахъ, вчера чисто вымытые Вѣрою, гладко натянутые веревочные половики. Надъ окномъ виситъ въ клѣткѣ канарейка, посвистываетъ, — люди заговорятъ, и она запоетъ. Мать спросила:

— Гдѣ же грибы твои, дочка? Куда ты ихъ дѣла-то? Что-то и корзинки не видно.

— Продала, — отвѣчала Вѣра, и засмѣялась.

Пошла въ спальню, сѣла у окна, изъ котораго виденъ огородъ, и занялась какою-то починкою. Не хотѣлось ей разсказывать, не могла и скрыть. Начать разговоръ о другомъ, чтобы заставить мать забыть о грибахъ, тоже не хотѣла, — не любила хитрить. И потому чувствовала себя неловко. Мать пришла за нею въ спальню. Стояла передъ нею, и спрашивала:

— Кому продала грибы? Дорого-ли взяла-то? Да и на что продавала, — съѣли бы сами.

Вѣра неохотно сказала:

— Ужъ такъ вышло. Продала Горѣлову. Золотую монету далъ, десять рублей.

— Да что ты! — вскрикнула мать. — Да не врешь-ли ты, дочка? Покажи-ка, покажи.

— Деньги въ Волгу бросила, — сказала Вѣра.

И вдругъ застыдилась, засмѣялась и сразу заплакала, закрыла лицо руками, и вдругъ опять засмѣялась.

Мать съ удивленіемъ говорила:

— Да ты съ ума сошла, дочка! Что ты путаешь-то все, Вѣра! Говори толкомъ, въ чемъ дѣло. Петли путлять нечего.

И уже въ голосѣ ея было большое безпокойство, — не случилось-ли, Боже сохрани, чего-нибудь такого, о чемъ будутъ на фабрикѣ и на поселкѣ говорить съ осужденіемъ, и что броситъ тѣнь на ихъ доброе имя. Молодая дѣвушка, долго ли до грѣха? А Горѣловъ недаромъ славится своими похожденіями. Жена еще молодая и красивая, а у него чуть не каждую недѣлю все новыя возлюбленныя. Но ужъ Вѣру-то онъ не долженъ трогать. Для того-ли она дочь ростила, холила, строго берегла? За эти крѣпкія бревенчатыя стѣны, оставшіяся отъ покойнаго мужа вмѣстѣ съ добрымъ именемъ, только другъ войдетъ, а злому соблазну сюда и не пробраться, — думала тревожно мать. — Или уже пробрался?

Вѣра почуяла эту тревогу въ словахъ матери, кинула на нее быстрый взглядъ, вздохнула и, — нечего дѣлать! — принялась подробно разсказывать. Мать слушала, и неодобрительно покачивала голосою.

* * *

После пикника Шубниковъ не сразу отправился домой. Онъ рѣшилъ сначала покончить съ тѣмъ труднымъ дѣломъ, которое взвалилъ на него Горѣловъ, и пошелъ на фабричный поселокъ. Тамъ онъ прошелся, словно прогуливаясь, по переулку, на который выходилъ огородъ Карпуниной. Можетъ быть и удастся повидать Вѣру. Когда онъ первый разъ прошелъ вдоль изгороди, въ огородѣ никого не было. Изъ дому черезъ раскрытыя окна слышались два женскіе голоса, и Шубникову послышался какъ будто Вѣринъ смѣхъ. Въ переулкѣ бѣгали какіе-то мальчишки, въ сосѣдней усадьбѣ кто-то возился за кустами малины, — неудобно было слишкомъ долго медлить, чтобы не обратить на себя вниманія. Шубниковъ вышелъ на набережную улицу поселка, повернулъ въ другой переулокъ, сдѣлалъ большой кругъ, и опять вернулся къ огороду Карпуниной. На этотъ разъ ему повезло. Вѣра стояла у колодца близъ изгороди, вытаскивая тяжелое ведро, и всѣ движенія ея были радостны и легки, словно то былъ не трудъ, а божественная забава. Шубниковъ спросилъ:

— Тяжело, Вѣра? Позвольте, я вамъ помогу.

Подошелъ къ калиткѣ, перекинулъ руку черезъ изгородь, отвернулъ задвижку, и вошелъ въ огородъ. Вѣра весело глянула на него, и сказала:

— Спасибо, я уже вытащила. Каждому свое дѣло, — я вамъ не помогу чертежи чертить.

Она опустила легко и плавно ведро на землю къ другому уже ранѣе наполненному, и взялась

за коромысло, приставленное къ срубу колодца. Шубниковъ сказалъ:

— Постойте, Вѣра, я вамъ хочу сказать что-то.

— Слушаю, — сказала Вѣра, усмѣхаясь.

Она смотрѣла на него такъ просто и спокойно, что Шубниковъ смутился было, и не зналъ, съ чего начать. Потомъ рѣшилъ итти на прямикъ. Подумалъ:

«Скандалить во всякомъ случаѣ не станетъ, дѣвушка спокойная и съ природнымъ тактомъ».

— Знаете, Вѣра, — началъ онъ все же не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ, — пѣсня такая, гдѣ говорится: «Будешь жемчуги носить, въ златѣ, въ серебрѣ ходить.»

Вѣра спокойно отвѣчала:

— Всякія пѣсни есть. Иная пѣсня совсѣмъ ни къ чему. На что мнѣ жемчуги? Жемчуга — слезы. И на что мнѣ золото?

— Однако, золото сегодня взяла, — сказалъ Шубниковъ.

А самъ осторожно глянулъ на Вѣру, — не обидѣлась-ли. Нѣтъ, ничего, улыбается, смотритъ такъ, точно болтаетъ о чемъ-нибудь случайномъ и незначительномъ. И тономъ легкой полушутливой болтовни отвѣчала:

— Что мнѣ золото! Я его одной моей знакомой русалочкѣ подарила, пусть поиграетъ, позабавится въ волжскомъ омутѣ.

Шубниковъ смущенно сказалъ:

— Ну что русалки! Какія тамъ русалки! Вы, Вѣра — дѣвушка умная, и въ русалокъ сами не вѣрите. Вы знаете, что никакихъ русалокъ нѣтъ.

— И золотого нѣтъ, — все такъ же спокойно сказала Вѣра, — и меня когда-нибудь не станетъ, улечу съ горькою кукушкою въ теплый Вырій край за морями, гдѣ солнце ходитъ низко, къ землѣ близко, — однако вотъ вы, хоть и образованный человѣкъ, не то, что мы, темные люди, а все таки и въ золотой повѣрили, и въ меня вѣрите.

Шубниковъ засмѣялся. Смѣхъ его былъ нѣсколько натянутый, но онъ все жъ таки былъ доволенъ, что разговоръ не обрывается. Онъ спросилъ:

— Такъ какъ по-вашему, Вѣра, надо вѣрить?

Вѣра улыбнулась и промолчала. Шубниковъ продолжалъ:

— Конечно, надо вѣрить, и я такъ думаю. Въ русалокъ я не вѣрю, ужъ это какъ хотите, Вѣра, а въ любовь вѣрю. А онъ васъ полюбилъ. Да еще какъ полюбилъ!

— На долго? — спросила Вѣра.

Спросила такъ просто и спокойно, что Шубниковъ на минуту опять почувствовалъ себя сбитымъ съ толку. Не сразу нашелся, что отвѣтить. И уже Вѣра, подождавъ немного, нагнулась приладить коромысло къ ведрамъ, когда онъ наконецъ заговорилъ:

— Вѣра, «вѣчно любить невозможно», это еще поэтъ Лермонтовъ сказалъ. Да и не все ли равно, надолго, навсегда, на одинъ часъ, — развѣ любовь можно смѣрить какою-нибудь мѣрою? Да одна только минута — это и все для любви. И развѣ вы, Вѣра, не хотите судьбу

попытать? Вѣдь онъ васъ и въ самомъ дѣлѣ золотомъ осыплетъ!

— А вы то изъ-за чего хлопочете? — спросила Вѣра.

Шубниковъ, понижая голосъ и опуская руку въ карманъ, сказалъ:

— Слушайте, Вѣра, — онъ просилъ меня передать вамъ ключъ. За ручьемъ въ заборѣ есть калитка, — я вамъ ее покажу, — въ кустахъ ее и не видно. Вы придете, когда захотите, — но лучше поскорѣе, — сами откроете калитку этимъ ключемъ, пройдете прямо по дорожкѣ, — тамъ наверху надъ обрывомъ бѣлый домикъ стоитъ. Тѣмъ же самымъ ключемъ откроете и дверь въ домѣ. Весь въ зелени домикъ, ни откуда не виденъ, только одно среднее окно на верху изъ его кабинета видно. Если его тамъ не будетъ, дайте ему знакъ, что вы пришли: онъ будетъ ждать знака, или самъ придетъ, когда вы назначите. А знакъ вотъ какой: днемъ красную занавѣску въ томъ среднемъ окнѣ задерните, а вечеромъ противъ этого окна лампу электрическую зажгите. Онъ увидитъ, и сейчасъ же придетъ.

Вѣра выслушала все это молча и со своимъ обычнымъ величавымъ спокойствіемъ. Потомъ усмѣхнулась и сказала:

— А женихъ мой что скажетъ?

— А жениху вашему вы ничего не говорите, — поспѣшно отвѣтилъ Шубниковъ.

Вѣра подумала минутку, и сказала рѣшительно:

— Ну, давайте ключъ.

У Шубникова замѣтно дрожали руки, когда онъ торопливо и неловко вытащилъ ключъ изъ кармана и сунулъ его Вѣрѣ.

Вѣра спрятала ключъ въ карманъ юбки, усмѣхнулась невесело, и сказала:

— Васъ послушать, такъ вы научите.

* * *

Шубниковъ пріободрился, — ему казалось, что дѣло сдѣлано. Можно бы и подвинуть его еще немного. Онъ спросилъ:

— Когда придете, Вѣра? Какъ ему сказать? Вамъ же будетъ удобнѣе, если онъ будетъ знать заранѣе.

Вѣра вдругъ засмѣялась. Сказала насмѣшливо:

— Какъ же это вы, Андрей Ѳедоровичъ, такъ неосторожно мнѣ ключъ довѣрили? А вдругъ я его жуликамъ отдамъ? Вѣдь вы у меня въ душѣ не были, и что я думаю, не знаете, да и не можете знать. Отдамъ жуликамъ, а вы въ отвѣтѣ передъ хозяиномъ останетесь, коли онъ отъ жуликовъ убѣжать успѣетъ?

Шубниковъ, скрывая внезапно охватившую его тревогу, пожалъ плечами и сказалъ притворно спокойно:

— Ничего этого я не боюсь, Вѣра. Бояться нечего, да и я не робкаго десятка. Да я же знаю, что вы не изъ такихъ, и воровскихъ знакомствъ у васъ никакъ не можетъ быть. Только берегите ключъ, чтобы его у васъ не увидѣли и не украли. Да и то, въ крайнемъ

случаѣ, если туда и заберутся воры, бѣда не большая. Сокровищъ тамъ никакихъ нѣтъ, въ главный садъ оттуда не попасть, — все на запорѣ, — а самъ Иванъ Андреевичъ денегъ при себѣ никогда не носитъ, ужъ у него правило такое, и ничего цѣннаго. Даже часовъ золотыхъ при немъ воръ не найдетъ. Это всѣ знаютъ, даже и воры здѣшніе.

Шубниковъ говорилъ все время слишкомъ многословно, потому-что Вѣра смотрѣла на него очень внимательно и смѣялась, и ему уже начинало дѣлаться жутко. Онъ началъ думать, — некстати поздно, — что если дѣвушка-невѣста такъ ужъ слишкомъ просто и податливо согласилась взять ключъ отъ хозяйскаго павильона любви, то совершенно невозможно учесть, что творится въ ея душѣ, и что изъ всего этого можетъ выйти. Наконецъ онъ замолчалъ. Прирожденная и укрѣпленная соотвѣтствующимъ воспитаніемъ наглость помогала ему сохранить непринужденный и развязный видъ, далеко не согласный съ его душевнымъ смятеніемъ. Вѣра перестала смѣяться. Лицо ея стало опять спокойнымъ, но уже не радостнымъ, а печальнымъ. Она сказала:

— Днемъ итти, люди увидятъ, нивѣсть что подумаютъ. Ночью пойдешь, боязно. Да и кто ихъ тамъ разберетъ ночью-то, рыбаки-ли, плотовщики, или еще кто. Плотовщикамъ то-же не попадайся въ пустомъ мѣстѣ. Взять придется съ собою ножикъ поострѣе. А тамъ и думай, кого рѣзать, — встрѣчника злого, хозяина добраго, совѣтчика лукаваго, или ужъ себѣ ножъ въ сердце всадить. Что Андрей Ѳедоро-

вичъ, не боитесь, что я хозяина прикончу? Вѣдь съ меня станется, я не робкая тоже.

Шубниковъ опасливо подумалъ:

«Какъ бы здѣсь же чѣмъ-нибудь меня не хватила!» Но не показывая страха, призвавъ на помощь всю свою дерзость, онъ усмѣхнулся и сказалъ ужъ слишкомъспокойно:

— Ну ужъ это — не мое дѣло. Онъ просилъ меня отдать вамъ ключъ, я это сдѣлалъ, а какъ вы тамъ между собою поладите, это меня совсѣмъ не касается.

— А какъ начнется судъ да дѣло, — говорила Вѣра, — спросятъ меня: откуда ключъ взяла?

— Кто васъ поймаетъ? — вопросомъ отвѣтилъ Шубниковъ.

Вѣра говорила насмѣшливо:

— Царскіе сыщики хитры, вызнаютъ, выслѣдятъ. Спросятъ тогда инженера Шубникова: зачѣмъ убійцу пустилъ въ домъ?

«Въ самомъ дѣлѣ, не попалъ-ли я въ нелѣпое положеніе?» — подумалъ Шубниковъ, и сказалъ серьезно и настойчиво:

— А вы, Вѣра, меня не выдавайте.

— А чего мнѣ тогда скрывать будетъ? — спросила Вѣра.

Ея улыбка показалась Шубникову циничною и наглою. Онъ сердито сказалъ:

— Я вамъ добра желаю, Вѣра, и надѣюсь, что вы никакихъ глупостей не надѣлаете, и ужъ во всякомъ случаѣ меня не выдадите.

Вѣра покачала головою. Сказала:

— На такое дѣло вы меня толкаете, — что ужъ что мнѣ жалѣть васъ! Ужъ коли себя не пожалѣю!

Чувствуя, какъ у него падаетъ сердце, и ненавидя въ эту минуту и Вѣру, и Горѣлова, Шубниковъ злобно заговорилъ:

— Да что вы мнѣ грозите, Вѣра! Я тутъ совершенно ни при чемъ. Хотите, идите, не хотите, не надо. Вы — не маленькая и не глупенькая. И что изо всего это выдетъ, это не мое дѣло. Лучше скажите, когда придете?

— Послѣзавтра ночью, — отвѣчала Вѣра.

Отвѣтъ былъ данъ такъ охотно и быстро, что Шубниковъ не могъ понять, не шутка-ли это. Онъ внимательно и опасливо посмотрѣлъ на Вѣру. Она засмѣялась, глянула куда-то въ бокъ, на переулокъ, сказала быстро и негромко:

— Заболталась я тутъ съ вами. До свиданья, Андрей Өедоровичъ.

Положила коромысло на плечо, и поспѣшно пошла къ дому плавною, спорою походкою, при которой ведра покачивались ровно настолько, чтобы вода не выливалась, не выплескивалась.

* * *

Шубниковъ понуро и невесело повернулся къ калиткѣ. Уже она была открыта, — высокій, худощавый молодой человѣкъ въ синей блузѣ и мягкомъ сѣромъ картузикѣ вошелъ только-что въ нее. За нимъ, еще въ переулкѣ, стоялъ сѣденькій, маленькій, худенькій старичекъ въ чечунчевомъ пиджакѣ, надѣтомъ на мягкую свѣтлую рубашку, подпоясанную синимъ шнурочкомъ. Молодой человѣкъ, при-

поднявъ картузикъ и бросивъ на Шубникова взглядъ скорѣе суровый, чѣмъ любезный, сказалъ:

— Господину инженеру почтеніе!

Говорилъ онъ увѣреннымъ и низкимъ голосомъ, немножко сутулился. Глаза его щурились, и губы подъ негустыми темнорусыми усами складывались въ недобрую и невеселую улыбку, и отъ того все лицо его принимало острое и ѣдкое выраженіе. Такое выраженіе бываетъ у людей, которые разъ на всегда убѣдили себя въ чемъ-то, и потому уже не могутъ понять чужой мысли и чужой правды. Все, не согласное съ обрѣтенною ими истиною единоспасающею, представляется такимъ людямъ или не умнымъ, или не честнымъ.

— А, здравствуйте, Сотнягинъ! — сказалъ Шубниковъ.

«Налетѣлъ!» — подумалъ онъ, узнавъ молодого работника: это былъ Вѣринъ женихъ.

Другой — незнакомый. Молодой человѣкъ возразилъ:

— Не столько Сотнягинъ, сколько Соснягинъ, но это не суть важно.

И, тотчасъ же отвернувшись отъ Шубникова, Соснягинъ сказалъ своему спутнику:

— Сергѣй Афанасьевичъ, мы ужъ тутъ пройдемъ, черезъ огородъ, чѣмъ улицей обходить. Ничего, тутъ можно. Хозяйка добрая, не обидится.

Когда Сергѣй Афанасьевичъ вошелъ, Соснягинъ остановился у калитки съ явнымъ намѣреніемъ затворить ее за Шубниковымъ. И вотъ вышелъ на улицу Шубниковъ съ такимъ ощу-

щеніемъ въ своей тощей душѣ, точно его выставили. И казалось ему, что на своей шеѣ онъ чувствуетъ колючій взоръ ярихъ глазъ Соснягина. А за его спиною Сергѣй Афанасьевичъ тихо спросилъ:

— Что это за личность?

Соснягинъ сдержанно отвѣчалъ, не громко, но и не понижая слишкомъ голоса, словно не заботясь о томъ, услышитъ или не услышитъ его инженеръ:

— Такъ себѣ человѣчекъ. У Горѣлова на большомъ жалованьи служитъ. На фабрикѣ нашей ему ровно бы и дѣлать нечего, однако, во все вмѣшивается. Кирпичный заводъ Горѣловъ строитъ, — дѣло доходное, — такъ онъ тамъ смотритъ, какъ машину ставятъ. А чего смотрѣть! Машина изъ Англіи, и мастеръ при ней пріѣхалъ. Мнѣ этотъ субъектъ крѣпко несимпатиченъ. Показываетъ себя эсдекомъ, знакомства заводитъ, книги даетъ нашей публикѣ, а мнѣ таки сдается, что онъ душою и тѣломъ стоитъ за хозяйскій интересъ. За Горѣловскою племянницею ухаживаетъ, — у нея отецъ тоже толстосумъ, а дочь одна. Дорога ему прямая, служитъ капиталу, а зачѣмъ онъ съ нашимъ братомъ водится, это для меня подъ знакомъ вопроса.

Сергѣй Афанасьевичъ значительно сказалъ:

— Всякіе на свѣтѣ есть люди. Только бы лучше отъ грѣха подальше.

Онъ улыбнулся хитро, и посмотрѣлъ на Соснягина совсѣмъ молодыми, весело-блестящими, карими глазами. И весь онъ въ эту

минуту, тонкій, стройный и легкій, показался совсѣмъ молодымъ.

* * *

Соснягинъ и Сергѣй Афанасьевичъ прошли по тропинкѣ межъ грядками, и поднялись по тремъ ступенькамъ задняго крыльца. Какъ разъ въ это время навстрѣчу имъ вышла Вѣрина мать. Тономъ ласковаго упрека она заговорила:

— Да что же это вы, Глѣбъ Давидовичъ, черезъ кухню! Да еще съ гостемъ!

— Ничего, Анна Борисовна, гость не осудитъ, — сказалъ Соснягинъ, и голосъ его звучалъ неожиданно мягко и ласково.

Анна Борисовна черезъ кухню, гдѣ Вѣра ставила самоваръ, провела гостей въ комнату, гдѣ на столѣ у окна уже положена была скатерть и стояли чашки и стаканы. Скоро вышла и Вѣра. Соснягинъ сказалъ:

— Вотъ познакомьтесь, — Сергѣй Афанасьевичъ Малицынъ, изъ Москвы пріѣхалъ, поживетъ здѣсь пока. Учителемъ былъ, начальству неугоденъ оказался, — исторія довольно обыкновенная въ нашемъ славномъ государствѣ. У васъ, Анна Борисовна, нельзя-ли ему будетъ пристроиться? Свѣтелочка наверху, какъ будто, свободная стоитъ. Да и насчетъ стола авось сойдетесь. Ну, а пока вы тутъ столковываться будете, намъ съ Вѣрою поболтать малость надобно. Пойдемъ, Вѣра, въ садъ.

Въ маленькомъ саду было уютно и порядливо. Двѣ яблони обѣщали обильные и благіе

цары. Малина и смородина уже почти созрѣли. Густой низкорослый ельникъ сплошною стѣнкою вдоль забора заслонялъ садъ отъ набережной улицы, откуда иногда доносились крики играющихъ дѣтей или пѣвучій разговоръ женщинъ. Въ тѣнистомъ углу подъ березами у забора стояли три скамейки покоемъ и среди нихъ круглый, крашеный бѣлою краскою столъ. На одну изъ этихъ скамеекъ сѣли Вѣра и Соснягинъ. Ласково глядя на озаренное радостью Вѣрино лицо, Соснягинъ сказалъ:

— Хорошо тутъ у васъ, Вѣра. Тутъ бы ты насъ и чайкомъ напоила. На воздухѣ пріятнѣе, чѣмъ въ комнатѣ.

— Хорошо, — сказала Вѣра.

И уже было поднялась итти, но Соснягинъ удержалъ ее.

— Да нѣтъ, Вѣра, не торопись. Дѣло не къ спѣху. Посиди пока. Сначала поговоримъ. Первое дѣло — насчетъ Малицына. Человѣкъ онъ сильно знающій, работаетъ съ нами, и мысли у него правильныя и честныя. Скажу тебѣ прямо, — одинъ изъ лучщихъ людей, какихъ я знаю. Съ фараонами у него отношенія испортились, понимаешь, такъ что его надобно поберечь. Если замѣтишь слѣжку, сейчасъ же мнѣ скажи. Человѣкъ онъ намъ крѣпко нужный. Ну, да, однимъ словомъ, ты понимаешь, какъ и что. Потому я его прямо къ вамъ и привелъ.

— Онъ только-что пріѣхалъ? — спросила Вѣра.

— Сегодня утромъ.

— Хорошо, — сказала Вѣра, — будь спокоенъ. Я и мамѣ объясню.

Соснягинъ помолчалъ, глянулъ сбоку на Вѣру сторожко и остро, и спросилъ тревожно:

— А что это такое, Вѣра, Иглуша болтаетъ? Я, признаться, что-то не совсѣмъ понимаю. Какіе-то грибы, какой-то золотой, и все такое, вообще, несуразное. Не понимаю, знаешь-ли.

— И понимать-то нечего, — спокойно сказала Вѣра.

И разсказала очень подробно, ничего не пропуская, ничему не стараясь дать какого-нибудь смягчающаго, неискренняго объясненія, все о грибахъ и о Горѣловскомъ золотомъ. Память у нея была молодая, цѣпкая да крѣпкая; даже всѣ слова свои и чужія совсѣмъ запомнила Вѣра точно, и пересказала ихъ. Говорила гораздо подробнѣе и даже охотнѣе, чѣмъ матери. Такъ добросовѣстно разсказывала, что не пропускала даже подробностей, къ существу разсказа мало относящихся, если онѣ почему-либо всплывали въ ея памяти. Соснягинъ слушалъ внимательно, молча, и только покачивалъ головою. Видно было, что разсказъ смущаетъ и тревожитъ его. Въ изрѣдка бросаемыхъ имъ на Вѣру взглядахъ иногда пробѣгали ревнивые огоньки. Но онъ ни словомъ не прерывалъ длинный Вѣринъ разсказъ. Когда она кончила, онъ помолчалъ еще немного, закурилъ папиросу, и сказалъ негромко:

— Не нравится мнѣ это, Вѣра. О змѣиномъ гнѣздѣ это ты имъ вѣрно сказала, а все же лучше бы отъ нихъ подальше. И вообще отъ нихъ, и отъ Горѣлова въ особенности. Онъ, видишь ли ты, за неимѣніемъ болѣе важныхъ дѣлъ, влюбляется въ видѣ занятія, и особен-

нымъ уваженіемъ къ нравственности не отличается.

Вѣра смотрѣла передъ собою строгими большими глазами. Сказала сурово:

— Хоть одно бы змѣиное гнѣздо разорить.

Потомъ, мечтательно вглядываясь въ даль, она заговорила тихимъ, густымъ, какъ золотой звонъ, голосомъ:

— Надобно, чтобы фабрика Милочкѣ отошла, а Милочка ее намъ передастъ, всѣмъ рабочимъ.

— Ну что жъ одна фабрика! — возразилъ Соснягинъ. — Всѣ фабрики и заводы отобрать надобно, а этого безъ цузаменбруха не сдѣлаешь. А отъ твоей Милочки нашему брату ничего, кромѣ филантропіи, не дождаться. Филантропіи намъ не надобно, а все, что намъ требуется, мы возьмемъ сами. Ну, а что касается грибовъ этихъ заказанныхъ...

— Конечно, — сказала Вѣра улыбаясь, — я ему носить грибы не стану.

Соснягинъ повеселѣлъ, и глаза его опять стали ласковыми.

* * *

Когда Вѣра и Соснягинъ вернулись въ горницу, тамъ уже покончили съ дѣлами, и оживленно разговаривали на болѣе общія темы. Малицынъ говорилъ:

— А почему бы его и не разрушить совсѣмъ, современное то государство? Оно держится только насиліемъ. Ограбить однихъ, отдать другимъ — вотъ его дѣло.

Карпунина, сдержанно улыбаясь и покачивая головою, отвѣчала:

— Батюшка, Сергѣй Аѳанасьевичъ, да и мы то сами хороши, нечего сказать, охулки, на руку не положимъ. Вотъ тутъ недалеко въ деревнѣ живетъ Иванъ Гаврилычъ Разинъ, тоже изъ вашихъ московскихъ, человѣкъ добрый и умный, всякаго научитъ и ужъ вотъ истинно то его можно назвать другомъ народа, а его кругомъ обворовали.

Съ усмѣшечкою, неожиданно недоброю, Малицынъ сказалъ:

— Знаю я его, господина Разина. Юродствуетъ Христа ради. Опрощеніе, непротивленіе, и тому подобныя сладости. Намъ такіе не надобны. Если бы ихъ слушать, недалеко бы мы ушли, и люди въ нашей странѣ были бы еще болѣе приниженными, чѣмъ теперь. А что у него воруютъ, такъ это потому, что современный режимъ развращаетъ народъ. Вы вѣдь и по своему опыту знаете, какъ здѣсь эксплоатируютъ рабочихъ.

— Да, — сказалъ Соснягинъ, — кстати, — вы, Анна Борисовна, слышали, что замышляетъ нашъ уважаемый инженеръ Шубниковъ?

— А мнѣ то что за дѣло до того, что онъ замышляетъ? — отвѣчала Карпунина съ оттѣнкомъ досады въ голосѣ.

— Самая послѣдняя новость, — продолжалъ Соснягинъ язвительнымъ тономъ, — замѣтили вы, что число поденщиковъ и поденщицъ увеличивается?

— Всегда были поденщики и поденщицы, —

сказала Карпунина, — когда больше, когда меньше. Смотря по работѣ.

— Всегда были, къ сожалѣнію, это вѣрно, — съ сухою, колючею усмѣшечкою говорилъ Соснягинъ, — хотя и всегда было-бы лучше, если бы ихъ было поменьше. А теперь онъ вотъ что придумалъ, инженеръ Шубниковъ: изъ поденщиковъ въ рабочіе по возможности не переводить, число рабочихъ постоянныхъ всѣми правдами и неправдами уменьшить, и все затѣмъ, чтобы не заводить при больницѣ второго врача. Не Богъ знаетъ, какой расчетъ, а все таки въ хозяйской кассѣ лишніе гроши останутся. Загребалъ хоть одинъ чужой грошъ, и тотъ хорошъ.

Вѣра спросила недовѣрчиво:

— Откуда ты это знаешь, Глѣбъ?

Соснягинъ сухо отвѣтилъ:

— Сорока на хвостѣ принесла. Вообще, видна птица по полету. И это такъ только я сказалъ, какъ черту для характеристики сихъ господъ.

Малицынъ постучалъ пальцами по столу, и многозначительно сказалъ:

— Перевертней пуще всего остерегайтесь. Пролетаріату и капиталисты даже не такіе злые враги, какъ эти господа хорошіе, интеллигенты.

«А самъ то кто? — подумала Вѣра. — Тоже господинчикъ хорошій, и тоже не нашъ братъ.»

* * *

Милочка торопливо, точно спасаясь отъ погони, взбѣжала къ себѣ, заперла дверь на ключъ, бросилась на постель, зарылась пылающимъ лицомъ въ подушки. Ей было нестерпимо стыдно, и отъ этого лицо ея горѣло, и ей казалось, что краска стыда разливается по всему ея тѣлу.

Опять эта ужасная внезапная, вульгарная вспыльчивость! Видно никогда Милочка не научится управлять собою, владѣть своими чувствами и страстями. Даже вспомнить мучительно о томъ, что произошло. И унизиться до этой нелѣпой, отвратительной драки! Какой позоръ! Смотрѣлъ и глумился Николай, и видѣлъ это противный Шубниковъ, — видѣлъ, и не могъ догадаться стать между ними! Хоть бы затѣмъ, чтобы защитить свою невѣсту!

Кто-то постучался въ дверь тремя тихими, осторожными, но четкими ударами. Милочка судорожно вскинулась съ постели, и, съ ужасомъ глядя на затворенную дверь, закричала пронзительно:

— Я не могу, у меня мигрень, я не хочу ѣсть, я не сойду. Оставьте меня, я сама позвоню.

Тихій старческій голосъ отвѣтилъ:

— Слушаю, Людмила Ивановна.

Людмила быстро подбѣжала къ двери, и, не открывая, спросила вполголоса, губами почти прижавшись къ дверному створу:

— Яковъ Степановичъ, милый, это — вы?

— Это я, — такъ же тихо отвѣтилъ старый лакей.

Милочка шептала:

— Яковъ Степановичъ, миленькій, придите ко мнѣ попозже, пожалуйста, очень прошу. Душа моя замутилась, придите непремѣнно.

— Хорошо, приду, — отвѣчалъ спокойный, тихій голосъ. — А сейчасъ ничего принести не позволите?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, — зашептала Милочка. — А что сегодня на обѣдъ?

Яковъ Степановичъ отвѣчалъ обстоятельно:

— Рекомендовалъ бы скушать хорошенькаго консоме и кусочекъ баранины жареной. Барашекъ прямо изумительный, и приготовленъ несравненно. Насчетъ рыбы особенно похвалить сегодня не могу, весьма ординарное блюдо, приготовлено безъ всякаго воображенія. Зелень же весьма бы посовѣтовалъ, спаржа первоклассная, соусъ превосходный, такъ же и каштаны съ битыми сливками, хотя и весьма обыкновенное сладкое, но сегодня высокаго качества. Прикажете?

Милочка помолчала. Вздохнула. Сказала:

— Да ужъ пришлите, Яковъ Степановичъ. Да баранины выберите кусочекъ не самый маленькій, — я проголодалась.

И Милочка вдругъ заплакала. Старый лакей что-то отвѣтилъ, Милочка не разслышала изъ-за слезъ, — и въ коридорѣ послышались его удаляющіеся шаги.

Пока дѣвушка накрывала столъ, придвинувъ его къ Милочкиной постели, и потомъ приносила и уносила блюда, Милочка ложилась лицомъ къ стѣнѣ. Но пообѣдала она съ большимъ апетитомъ. Когда дѣвушка принесла кофе, Милочка спросила:

— Можетъ быть, найдется еще немножко каштановъ?

Дѣвушка тихо отвѣтила:

— Да я на всякій случай ужъ принесла, барышня. Знаю, что ваши любимые.

Послѣ обѣда Милочка почувствовала себя почти спокойною и почти правою. Она вышла на свой балконъ, уютный, неширокій, съ высокою, мелко-сквозистою изгородью, сѣла въ уголкѣ въ плетеное кресло, положила голову на сложенныя на плоскомъ верху изгороди руки, и стала смотрѣть на Волгу. Надъ Волгою стлался легкій туманъ, и потому закатъ казался дивнымъ сновидѣніемъ. Долина смиренная Волжская опять предстала Милочкѣ страною блаженныхъ. Матово-мглистый туманъ иногда словно поблескивалъ крохотными, влажными, серебристыми искорками. Съ Волги слышна была внятная грустная тишина, похожая на далекій колокольный звонъ. Деревья и кусты въ саду были тепло обласканы и убаюканы этою нѣжною безконечно-легкою пеленою. Милочка чувствовала себя прощенною и доброю.

Измѣнчивыя настроенія пробѣгали въ Милочкиной душѣ. Ей самой были непонятны эти колебанія ея души, эти переходы отъ нѣжности къ злости, и то болѣе глубокое душевное волненіе, которое совершалось въ ней. Можетъ быть, то, что случилось, было только слѣдствіемъ ея постояннаго стремленія быть всегда искреннею? Но вѣдь эта чаемая искренность имѣетъ все же два образа бытія, подчиняясь одному или другому требованію: выражать то чувство, которое имѣешь, или не

выражать того чувства, котораго въ душѣ нѣтъ; быть откровенною, или быть только правдивою. Не злоупотребляетъ-ли она своею откровенностью?

Она порывисто встала, вернулась въ комнату, подошла къ образу, стала на колѣни, молилась долго. Теплота и свѣтъ разливались въ ея тѣлѣ, — зажглись въ ея душѣ. И безпредѣльна была умилительная глубина того свѣта, и восхищенная душа вся занялась восторгомъ. Объятая восторгомъ, и умиленіемъ упоенная, она склонилась и лежала долго, забывъ обо всемъ.

Потомъ какіе-то шумы и крики донеслись до нея, разбудили ее. Она встала, прислушалась, — опять стало тихо. Но въ ея душѣ опять стало тревожно. Захотѣлось пойти къ матери, и вдругъ стыдно стало. Подумала:

«Лучше къ мамѣ потомъ. Сейчасъ придетъ Яковъ Степановичъ. А можетъ быть, мама и сама придетъ.»

Милочка открыла лежащую на ея письменномъ столѣ одну изъ книгъ Григорія Нисскаго, и прочла нѣсколько страницъ изъ бесѣды «О совершенствѣ». Опять совѣсть подняла въ ея душѣ скорбный, укоряющій голосъ. Но вотъ стукнулъ въ дверь, и на торопливо-радостное:

— Войдите!

Вошелъ Яковъ Степановичъ. Онъ приходилъ иногда къ Милочкѣ, чтобы поговорить на религіозныя темы, иногда же въ своихъ разговорахъ случаи дня они пытались озарить свѣтомъ немеркнущей истины, незаходящаго солнца.

Иногда въ этихъ разговорахъ участвовала и Любовь Николаевна.

* * *

Обѣдъ прошелъ скучно и непріятно. Милочки не было, — сказали, что у нея болитъ голова Не было и профессора Абакумова, — онъ еще раньше предупредилъ, что будетъ обѣдать на пароходѣ, который долженъ отойти изъ города въ восемь часовъ вечера, и съ которымъ уѣзжалъ въ Нижній старый пріятель профессора, здѣшній присяжный повѣренный Угрюмовъ; съ этимъ пароходомъ профессоръ доѣдетъ до дачной пристани, откуда къ пароходу пошлютъ за нимъ лодку. Любовь Николаевна была явно разстроена и неразговорчива. Елизавета сидѣла со злымъ лицомъ. Николай дулся. Шубниковъ одинъ спасалъ положеніе, и разсказывалъ всякій вздоръ притворно-развязнымъ тономъ, обращаясь преимущественно къ Горѣлову. Послѣ обѣда дамы немедленно ушли, даже не заботясь о томъ, чтобы скрыть, затушевать свою поспѣшность.

Изъ-за Волги повѣялъ шумный и влажный вѣтеръ. Дождь переплетенными струйками бѣжалъ по стекламъ въ окнахъ кабинета Горѣлова. Послѣ обѣда мужчины одни сидѣли въ этомъ кабинетѣ, пили кофе и ликеры, и курили сигары.

Башаровъ сухимъ, непріятнымъ голосомъ принялся жаловаться на Милочку.

— Я долженъ тебѣ, Иванъ, разсказать коечто, — началъ онъ. — Собственно говоря, слѣ-

довало-бы разсказать это тебѣ наединѣ. Но и Николай, и Андрей Ѳедоровичъ, къ сожалѣнію, присутствовали при той дикой сценѣ, о которой разсказала мнѣ передъ обѣдомъ Лиза. Они оба даже лучше меня могутъ разсказать объ этомъ, — меня тамъ не было, и я знаю только по разсказу. Вотъ вы, Андрей Ѳедоровичъ, можетъ быть, будете любезны разсказать, какъ свидѣтель происшедшаго.

Шубниковъ молчалъ, и на лицѣ его было недовольное выраженіе. Конечно, хорошо, что онъ тамъ былъ, — это теперь даетъ ему возможность не уходить отъ дорогихъ сигаръ и отъ тонкихъ ликеровъ. Но разсказывать ему положительно не хотѣлось. Какъ ни разсказывай, это можетъ не понравиться или Горѣлову, или Башарову. И то, и другое ему весьма не улыбалось. А Горѣловъ, съ любопытствомъ глядя на него, торопилъ:

— Ну, ну, говорите, Андрей Ѳедоровичъ, въ чемъ дѣло?

Отъ дождя въ комнатѣ было полутемно, еще никто не догадался повернуть выключатели электрическихъ лампъ, и Шубниковъ былъ радъ тому, что Горѣловъ не видитъ отчетливо выраженіе его лица. Взглянувъ значительно и остро на Николая, онъ неохотно сказалъ:

— Я не совсѣмъ разобралъ, изъ-за чего это произошло. Думка заспорила съ Елизаветою Павловною, кажется, была не достаточно почтительна, Елизавета Павловна разсердилась, Людмила Ивановна заступилась за Думку, вотъ, кажется, это и вся причина ссоры.

Башаровъ воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Ссоры! Это вы называете ссорою! Очень мило! Нѣтъ, это — не ссора, это чортъ знаетъ что такое!

И онъ принялся разсказывать самъ, преувеличивая и обостряя и безъ того преувеличенный и злобный Елизаветинъ разсказъ. Но эти чрезмѣрности явно пристрастнаго пересказа только веселили Горѣлова. Онъ громко хохоталъ и кричалъ:

— Узнаю Милочку! Это вполнѣ въ ея стилѣ и въ ея манерѣ. Вотъ такъ катавасія!

Башаровъ обидѣлся. Сухо сказалъ:

— Позволь тебѣ сказать, что этотъ стиль и эта манера очень неудобны, и я убѣдительно прошу тебя принять мѣры къ тому, чтобы такіе странные эксцессы не повторялись.

Горѣловъ торопливо заговорилъ:

— Ну конечно, конечно, Милочка получитъ должное внушеніе, и я увѣренъ, что этого больше не будетъ. Но изъ-за чего же, однако, все это произошло? Ты знаешь, Николай, что случилось? Что ихъ обоихъ такъ разсердило?

Николай сдѣлалъ значительное выраженіе лица, и сказалъ внушительно:

— Это — очень сложная и щекотливая исторія. Разсказывать ее такъ за рюмкою ликера мнѣ не хочется. Когда нибудь, потомъ, я тебѣ все разскажу.

— Можетъ быть, я мѣшаю? — съ достоинствомъ спросилъ Башаровъ, опираясь обѣими руками о локотники креселъ, словно собирался вставать.

Горѣловъ опять захохоталъ. Сказалъ брату:

— Придумалъ тоже! Просто, Николай стѣсняется разсказывать, изъ-за чего онъ съ Думкою сцѣпился. Хочетъ сначала придумать какую-нибудь благовидную исторію, да пока фантазіи не хватаетъ.

Николай принялъ было обиженный видъ, но скоро улыбнулся самодовольно, утѣшенный сознаніемъ важной тайны, которую онъ въ себѣ носитъ, и которая, по его нелѣпому расчету, должна дать ему немалыя и вѣрныя деньги. Однако, настроеніе было вконецъ испорчено. Не помогли и зажженныя наконецъ кѣмъ-то въ кабинетѣ яркія электрическія лампочки. Первый поднялся уходить Шубниковъ. Онъ отвелъ Горѣлова въ сторону, и что-то очень тихо сказалъ ему. Лицо Горѣлова радостно засіяло. Онъ весело говорилъ, горячо пожимая руку Шубникову:

— Ну вотъ спасибо! Ужъ я зналъ, что вамъ можно довѣриться.

Шубниковъ сдѣлалъ ему еле-замѣтный знакъ, и повелъ глазами на Николая. Горѣловъ замолчалъ. Но Николай ничего не слышалъ и не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ, глубоко развалившись въ креслѣ, погруженный въ глубокую задумчивость, и, глядя со стороны, можно было подумать, что онъ сладко дремлетъ, упившись ликерами неосторожно.

* * *

Отецъ и сынъ остались одни. Николай встрепенулся, словно ожилъ, поднялъ голову,

и совсѣмъ трезвымъ и значительнымъ тономъ сказалъ:

— Папа, мнѣ надо серьезно поговорить съ тобою.

— Говори, — спокойно, немного даже вяло отвѣчалъ Горѣловъ.

У него на столѣ лежали счета и другія бумаги, которые надобно было просмотрѣть, сообразить, рѣшить по нимъ кое-что. А всего охотнѣе теперь онъ бы полежалъ на диванѣ, отложивши дѣла на завтра, лѣниво перелистывая книгу, какая ни попадется, — романъ, недавно вышедшій, или научно-техническое сочиненіе съ формулами и съ чертежами, — и сладостно мечтая о лѣсной босоногой красавицѣ, заклинательницѣ змѣй, гордой, дерзкой, милой и желанной. Но, когда имѣешь семью, то она обязываетъ. Разъ, что сынъ обращается къ отцу, необходимо его выслушать. Разъ, что на дочь жалуются, надо ее призвать и поговорить съ нею.

Горѣловъ подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на мокрыя послѣ отшумѣвшаго дождя деревья сада, которыя были слабо и смутно-розово освѣщены янтарною и фіолетовою зарею, омытою пронесшимися тучами и неспѣшно отгорающею за лиловостью разорванныхъ тучъ. Смотрѣлъ и ждалъ, что скажетъ Николай. Но Николай молчалъ. Молчалъ такъ долго, что у Горѣлова въ глазахъ завертѣлись три красныя круглыя рожи съ фіолетовыми глазами и синими губами. Горѣловъ отошелъ отъ окна, сѣлъ поудобнѣе на диванъ, закурилъ сигару. Сказалъ:

— Я тебя слушаю, Николай. Говори.

Николай началъ нерѣшительно:

— Видишь въ чемъ дѣло, отецъ, — мнѣ надо денегъ, тысячи двѣ, три.

Отецъ засмѣялся. Спросилъ:

— А на что? Табачную лавочку открыть хочешь?

— Ну, зачѣмъ-же лавочку! — обидчиво отвѣчалъ Николай. — Мнѣ нужно денегъ на нѣкоторые неотложные расходы.

— А на что именно? можно спросить, не секретъ? — спрашивалъ Горѣловъ, посмѣиваясь.

Онъ чувствовалъ себя хорошо, тепло и удобно, а потому ровно и весело. Только иногда сердце слегка замирало, — это, думалъ Горѣловъ, отъ шери-бренди, — но и это ему нравилось, это жуткое ощущеніе въ груди, и только располагало къ тому, чтобы прилечь спокойно, вытянуть ноги, не дѣлать рѣзкихъ движеній и улыбчиво прислушиваться къ осторожному на краткіе миги пріостанавливанію сердца, все еще жаднаго до земныхъ страстей и волненій.

— Въ томъ то и дѣло, что секретъ, — отвѣчалъ Николай.

Горѣловъ, осторожно шутя, сказалъ:

— Ну, мой другъ, я, какъ тебѣ извѣстно, суевѣренъ, и на неизвѣстное назначеніе боюсь отпускать суммы, тѣмъ болѣе крупныя.

Николай сказалъ досадливо:

— Для тебя это вовсе не крупная сумма, а мнѣ она очень нужна. И я прошу ее у тебя совсѣмъ не даромъ. Если ты дашь мнѣ эти деньги, я тебѣ продамъ кое-что.

Горѣловъ лежалъ неподвижно, и слушалъ спокойно, но что-то въ тонѣ Николая не нравилось ему. Онъ спросилъ, слегка хмурясь:

— Что ты мнѣ можешь продать?

— Кое-какія свѣдѣнія, — отвѣчалъ Николай многозначительнымъ, по его мнѣнію, тономъ.

— Что за ерунда! — спокойно возразилъ Горѣловъ. — Никакихъ свѣдѣній мнѣ отъ тебя не нужно, особенно платныхъ, и никакихъ денегъ я тебѣ не дамъ. Ты получаешь отъ меня совершенно достаточно. Кажется, вѣтра нѣтъ? Сдѣлай одолженіе, открой окно, — нѣтъ, не это, крайнее, тамъ у двери.

Когда Николай раскрылъ окно, издалека донеслись звуки рояля. Горѣловъ вслушался и сказалъ:

— Профессоръ своего любимаго Грига играетъ. Должно быть, только-что вернулся.

Вдругъ новая мысль озарила Николая. Онъ подумалъ:

«Какъ я могъ позабыть о самомъ профессорѣ! Загромоздилъ голову пустяками, а самое вѣрное чуть не упустилъ. Профессоръ навѣрное дастъ. Онъ побоится скандала.»

Межъ тѣмъ Горѣловъ повернулся лицомъ къ спинкѣ дивана. Николай спросилъ:

— Такъ не дашь денегъ?

— Не дамъ, — сухо отвѣчалъ Горѣловъ.

— Ну, какъ хочешь, — разсѣянно, поглощенный новою мыслью, сказалъ Николай. — Такъ я пойду.

Горѣловъ промолчалъ. Николай торопливо вышелъ. Онъ хотѣлъ поговорить съ Абаку-

мовымъ раньше, чѣмъ профессоръ увидится съ Любовью Николаевною.

Горѣловъ, оставшись одинъ, вспомнилъ о Милочкѣ. Надобно позвать ее, побранить. Или нѣтъ, лучше подождать, пусть посидитъ у себя одна, подумаетъ, успокоится. Да и чувствовалъ себя усталымъ, не хотѣлось двигаться, начинать что-нибудь. Въ мечтѣ встала заклинательница змѣй, и душа была обласкана предвкушеніемъ встрѣчи съ нею.

* * *

Рояль замолкла. Въ гостиной Абакумовъ и Башаровъ о чемъ-то разговаривали, да нѣсколько фотографическихъ снимковъ равнодушно смотрѣли на нихъ со стѣнъ. Больше никого тамъ не было, когда Николай вошелъ туда слишкомъ стремительно и шумно. Башаровъ посмотрѣлъ на него внимательно; привычнымъ къ многолюдству взоромъ онъ сразу замѣтилъ, что Николай взволнованъ. Онъ насмѣшливо спросилъ:

— Что это у тебя, Николай, колѣни подгибаются?

Николай, въ неловкой позѣ остановившись посреди гостиной, сказалъ съ кислою миною:

— Я усталъ, и немного разстроенъ.

— Чѣмъ же это? — опять спросилъ Башаровъ.

Николай притворился, что не разслышалъ, и обратился къ Абакумову:

— Василій Матвѣевичъ, мнѣ надо поговорить съ вами. У меня есть къ вамъ просьба.

Можетъ быть, вы будете любезны пройти въ мою комнату.

— Хочешь просить денегъ въ долгъ, — комментировалъ Башаровъ.

— Ничего подобнаго, — обидчиво отвѣтилъ Николай.

Абакумовъ молча улыбнулся и наклонилъ голову въ знакъ согласія. Въ его глазахъ, словно отсвѣты отъ электрической люстры, смѣшавшей свой свѣтъ съ позднимъ догораніемъ вечера, зажглись на мгновеніе голубые огоньки.

Поднялись вдвоемъ наверхъ, въ помѣщеніе Николая. На письменномъ столѣ валялось нѣсколько маленькихъ картинокъ неприличнаго содержанія, — Николай поспѣшно собралъ ихъ, и сунулъ въ одинъ изъ ящиковъ. Потомъ быстро глянулъ на Абакумова, — тотъ смотрѣлъ въ другую сторону, и повидимому не замѣтилъ этого маневра. Когда гость и хозяинъ сѣли, Николай заговорилъ:

— Собственно говоря, дядя угадалъ. Онъ не лишенъ наблюдательности и остроумія, хотя порою и грубоватаго. Но я не хотѣлъ при немъ говорить. Понимаете, у него языкъ слишкомъ остеръ, и онъ непремѣнно разболтаетъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ до зарѣзу нужны тысячи три, и я надѣюсь, что вы меня выручите.

Абакумовъ посмотрѣлъ на Николая спокойно, и сухо отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, я не располагаю такою большою суммою денегъ. Притомъ же, простите, я не понимаю, почему вы дѣлаете изъ этого секретъ отъ вашихъ родителей и вообще отъ родственниковъ.

Николай усмѣхнулся. Сказалъ:

— Ну, у меня на это есть свои причины, вполнѣ достаточныя. Да и родители мои скорѣе удавятся, чѣмъ раскошелятся хоть на сто рублей лишнихъ.

— Однако, — съ удивленіемъ сказалъ Абакумовъ, — вы немного странно выражаетесь о вашихъ родителяхъ.

— А, чортъ! Мнѣ не до выраженій! — закричалъ Николай.

Удивленный и суровый взоръ Абакумова заставилъ его понизить тонъ. Онъ сказалъ:

— Извините, пожалуйста, но это прямо смѣшно, въ какое положеніе я поставленъ. Даютъ гроши; но вѣдь я всетаки, чортъ возьми, не кто-нибудь, а сынъ моихъ родителей.

* * *

Абакумовъ спокойно и пристально смотрѣлъ на Николая и молчалъ. Глаза Николая забѣгали по всѣмъ угламъ. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, но голосъ его былъ наглымъ, когда онъ говорилъ:

— Я еще понимаю, когда отецъ мнѣ отказываетъ. Но мать поступаетъ прямо таки неосторожно и несправедливо, отказывая мнѣ, и вы можете исправить ея ошибку, для ея же собственнаго спокойствія. И для вашего. Я не даромъ прошу. Это взаимная услуга. Вы можете выручить меня изъ непріятного положенія, а я за это буду скроменъ и молчаливъ, какъ стѣна. Однимъ словомъ, услуга за услугу. Надѣюсь, вы меня понимаете.

Абакумовъ, не отводя пристальнаго взора отъ безпокойно-наглаго лица Николая, вздохнулъ, помолчалъ немного, и заговорилъ строго и медленно:

— Я хорошо понялъ васъ, Николай Ивановичъ. Для спокойствія вашей матери было-бы, по вашему мнѣнію, лучше, если бы я исполнилъ ваше желаніе. Но, видите-ли, кромѣ соображеній удобства и житейскаго благополучія, есть другія соображенія, которыми предпочтительно руководиться. Каково бы то ни было вначалѣ мое отношеніе къ вашей просьбѣ, но при той постановкѣ, которую вы придаете этому вопросу, я считаю своею обязанностью отклонить предлагаемую вами сдѣлку. Чтобы привести аргументъ, который и для васъ будетъ понятенъ, скажу вамъ, что такого рода сдѣлки имѣютъ тенденцію повторяться, слѣдовательно, дающій ничего не выигрываетъ, а требующій получаетъ постоянный источникъ дохода.

Николай злобно сказалъ:

— Совѣтую вамъ подумать. Поймите, что я не расположенъ шутить. Поймите, что это совсѣмъ не въ вашихъ интересахъ, чтобы я разсказалъ отцу.

— О чемъ? — холодно спросилъ Абакумовъ.

Николай захохоталъ.

— Не воображайте меня дуракомъ, — сказалъ онъ. — Я не глупъ и не слѣпъ, и я все знаю.

Абакумовъ спокойно отвѣчалъ:

— Знать вамъ нечего. Вы можете говорить кому угодно и что угодно, — ни вашей матери,

ни мнѣ ничего не надо скрывать, и никого не надо бояться. Позвольте, Николай Ивановичъ, кончить этотъ разговоръ, — онъ совершенно безполезенъ и въ высокой степени непріятенъ.

Николай въ бѣшенствѣ вскочилъ, стукнулъ кулакомъ по столу, и закричалъ во все горло:

— Нѣтъ, вы не обманете меня вашею профессорскою надутою важностью. Я сейчасъ же пойду къ отцу, и все разскажу ему. Вы со скандаломъ вылетите изъ нашего дома.

Онъ выскочилъ изъ комнаты, и, гремя каблуками, помчался по корридору и по лѣстницѣ внизъ. Абакумовъ быстро шелъ, почти бѣжалъ за нимъ.

* * *

Николай стремительно вошелъ въ кабинетъ отца, гдѣ теперь горѣла только одна лампочка около дивана. Онъ съ такимъ шумомъ распахнулъ дверь, что Горѣловъ, тихо дремавшій на диванѣ, вздрогнулъ и опустилъ ноги на полъ. Всматриваясь въ вошедшаго, онъ спросилъ безпокойно:

— Что такое? А, это — ты, Николай? Что случилось?

Николай закричалъ преувеличенно-отчаяннымъ голосомъ:

— Я долженъ открыть тебѣ глаза! Я не могу больше выносить этого позора! Я долженъ наконецъ прекратить это! Я обязанъ сказать тебѣ, что твоя жена, моя мать измѣняетъ тебѣ!

Горѣловъ вскочилъ съ дивана, и схватился рукою за грудь. На его сердце легла какая-то громадная тяжесть.

— Ты, ты, — началъ онъ, задыхаясь, и не могъ кончить.

Въ это время поспѣшно и тревожно вошелъ Абакумовъ. Пріостановился на порогѣ, всмотрѣлся въ побагровѣвшее лицо Горѣлова, и быстро пошелъ къ нему мимо Николая. Николай закричалъ:

— А, и вы пожаловали? Вотъ, отецъ, полюбуйся, — вотъ этотъ человѣкъ втерся въ нашъ домъ, чтобы воспользоваться твоею довѣрчивостью и обмануть тебя. Посмотри на эту іезуитскую профессорскую физіономію.

И онъ подбѣжалъ къ двери, и дважды повернулъ выключатель. Загорѣлись всѣ четыре матовыя лампочки бронзовой люстры. Лицо Горѣлова посинѣло. Глаза его были обращены на Николая съ выраженіемъ, котораго Николай, въ эти минуты совсѣмъ одичалый и загрубѣлый отъ злобы и отъ жадности, не могъ понять. Горѣловъ силился сказать что-то, но только невнятное хрипѣніе исходило изъ его перекосившагося рта. Казалось, что все его тучное тѣло сотрясается отъ тщетныхъ усилій найти и выбросить слово, или отъ какого-то тяжелаго скованнаго огня, зной котораго воспламенялъ его, изливаясь изъ сердца тяжело, густо и рдяно. Абакумовъ налилъ въ стаканъ воды. Сказалъ тихо:

— Выпейте, Иванъ Андреевичъ.

Николай захохоталъ злорадно и слишкомъ громко. Онъ былъ увѣренъ, что отвергнутый

отцомъ стаканъ полетитъ прямо въ лицо профессора. Но вдругъ онъ широко открылъ глаза и зашипѣлъ отъ злости; онъ увидѣлъ, что отецъ жадно пьетъ воду, поднесенную къ его губамъ врагомъ. И не только выпилъ до дна, но еще пожалъ руку профессора, и сказалъ совершенно Николаю непонятныя въ ихъ простотѣ слова:

— Благодарю васъ, другъ мой.

Прежде, чѣмъ Николай догадался, что острое копье, которое онъ злобно метнулъ, возвращается, какъ бумерангъ, чтобы поразить его самого, отецъ повернулся къ нему страшно побагровѣвшимъ лицомъ, сдѣлалъ нѣсколько тяжелыхъ, колеблющихся шаговъ, и съ бѣшенымъ выраженіемъ заговорилъ тихо, но такимъ сильнымъ выдыхающимъ звукомъ, точно старался раздавить этими словами сына:

— Ты, на родную мать, подлецъ! Вонъ!

Николай смотрѣлъ на отца непонимающими глазами. Тупо дивился тому, какъ Абакумовъ взялъ подъ руку Горѣлова и повелъ его къ дивану. Шаги двухъ старыхъ людей по мягкому ковру были грузны и тупы, и слышно было въ комнатѣ трудное дыханіе фабриканта. Горѣловъ тяжело опустился на диванъ, и бормоталъ:

— Вы слышали, другъ мой, — сынъ пришелъ съ доносомъ на родную мать! Мать родную загрызть хочетъ. Хуже волка! Самое, что у меня было святое въ жизни, онъ пришелъ осквернить, оболгать и затоптать! А, онъ еще здѣсь. Пусть онъ уйдетъ, пусть уйдетъ!

Горѣловъ безпокойно и безпомощно заметался на диванѣ, словно задыхаясь, и казался

жалкимъ, безсильнымъ старикомъ. Абакумовъ подложилъ подъ его голову подушку, шепнулъ:

— Онъ уйдетъ.

Помогъ Горѣлову лечь, и потомъ быстро подошелъ къ Николаю. Сказалъ тихо, но рѣшительно:

— Уйдите! Развѣ вы все еще не понимаете ужаснаго дѣйствія вашихъ словъ? Уйдите.

Николай вздернулъ одно плечо выше другого, процѣдилъ сквозь зубы:

— Въ превосходной степени глупо.

И вышелъ изъ комнаты, стараясь держаться развязно и независимо. Но на его лицѣ пятнами выступилъ румянецъ тускло-кирпичнаго цвѣта, и онъ не зналъ, куда дѣвать руки. Сунулъ ихъ въ карманы, но и это не стерло съ его фигуры выраженія жалкой растерянности.

* * *

— Ушелъ? — спросилъ Горѣловъ.

Абакумовъ отвѣтилъ такъ же односложно:

— Ушелъ.

— Ну, теперь мнѣ получше, легче дышать, — сказалъ Горѣловъ. — Точно бѣсъ лукавый изъ комнаты мелкимъ горошкомъ высыпался. А пока здѣсь стоялъ, адскою сѣрою пахло. Нечистый духъ и правду ложью кажетъ, и у святаго мѣста смрадомъ чадитъ. Сколько лѣтъ я домъ свой строилъ, а пришелъ въ одночасье лукавый, говоритъ: На пескѣ строено, сейчасъ развалится. И, подлинно, не домъ, а гнѣздо змѣиное.

Онъ всталъ съ дивана почти бодро, и нажалъ кнопку электрическаго звонка. Абакумовъ стоялъ у окна, и казалось, что онъ собирается уйти. Горѣловъ сказалъ:

— Посидите со мною, Василій Матвѣевичъ. Ужъ все равно не перемолчать. Побесѣдуемъ.

Абакумовъ спросилъ осторожно:

— Вы устали? Вамъ бы полежать спокойно.

Невесело усмѣхаясь, Горѣловъ отвѣчалъ:

— Все равно, какой тамъ покой! Вотъ сейчасъ принесутъ вина, вонъ тамъ сигары, — выпьемъ, покуримъ, поговоримъ. Крѣпкія петли загуменщикъ этотъ закинулъ, не сразу распутаешь. Намъ съ вами есть о чемъ поговорить.

Вошелъ Яковъ Степановичъ. Спросилъ, остановясь у порога:

— Изволили звонить?

Абакумовъ тихо сказалъ Горѣлову:

— Иванъ Андреевичъ, на ваше сердце вино не подѣйствовало бы нехорошо!

— А я его съ водою, — отвѣчалъ Горѣловъ. — Такъ вотъ что, Яковъ Степановичъ, пришлите вы намъ бутылочки двѣ красненькаго, согрѣйте, какъ слѣдуетъ, да боржому, да сырку соотвѣтственнаго. И больше ничего.

Яковъ Степановичъ внимательно выслушалъ и безшумно исчезъ. Горѣловъ посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ, и тихо сказалъ:

— А впрочемъ, воды бы и не надобно. Трезвость мнѣ теперь некстати. Пить бы до разсвѣта.

Но Якова Степановича не вернулъ, боржома не отмѣнилъ. Абакумовъ обрѣзалъ и закурилъ

сигару. Онъ сѣлъ въ кресло поодаль отъ стола. Синій легкій дымъ передъ глазами, тонкій запахъ и своеобразно-острый вкусъ выросшихъ въ знойной дали и ароматно тлѣющихъ здѣсь листьевъ придали его настроеніямъ и мыслямъ ясную опредѣленность. Онъ думалъ, что не слѣдовало молчать и ждать такъ долго. Давно надобно было притти сюда и сказать этому человѣку всю правду. Такъ же ли поразила бы его эта вѣсть, какъ теперь, — кто знаетъ! Но зато онъ былъ бы избавленъ отъ этого униженія, — увидѣть раскрывшуюся передъ нимъ душевную низость своего сына.

— Да, Василій Матвѣевичъ, — говорилъ Горѣловъ, — такъ то воскресаетъ наше прошлое. И становится настоящимъ. Что-жъ, приходится его встрѣчать. Скажу вамъ прямо, — я давно это зналъ. Этотъ, — онъ кивнулъ на дверь и пріостановился, словно не находя слова, потомъ продолжалъ, — не сказалъ мнѣ ничего новаго, задачи не задалъ. Я еще тогда зналъ это, когда вы вдругъ влюбились въ Тамару Дмитріевну и повѣнчались съ нею. Я былъ влюбленъ въ Любочку, подозрѣвалъ, что она любитъ васъ. Когда вы ее оставили, мнѣ стало ее очень жалко. Она была такая кроткая и печальная, и такъ застѣнчиво, нѣжно и твердо скрывала свое горе. Вы знаете, жалѣнье это и есть самая настоящая русская любовь. Пожалѣешь, полюбишь, повѣришь, навсегда, навсегда, — кольцо обручальное нашей русской любви. И никакимъ огнемъ этого кольца не распаять.

Въ дверь тихонько постучались. Послышался

легкій стеклянный перезвонъ слегка столкнувшихся на подносѣ бокаловъ. Вошла Думка, неся подносъ, на которомъ стояли двѣ бутылки краснаго французскаго вина, бутылка воды, два стакана, кадочка съ масломъ, придавленнымъ льдинкою, и нѣсколько длинныхъ узкихъ тарелочекъ съ сырами и хлѣбомъ. Подбадривая себя громкимъ голосомъ и веселою шуткою, Горѣловъ сказалъ:

— Вотъ и Думка влюблена въ кого-то. Въ кого, Думка? Открой намъ свой секретъ. Мы тебѣ поможемъ, жениха сосватаемъ какого хочешь.

Думка зардѣлась, улыбнулась смущенно, и тихо промолвила:

— Нужна кому такая!

— А, Думка, не хочешь сказать? Больно великъ секретъ? — спрашивалъ Горѣловъ.

И смѣхъ его былъ тяжелый, притворный. Думка, застыдившись, стояла у стола, и такъ поеживалась просвѣчивавшимися сквозь тонкую блузку плечиками, точно собиралась заплакать. Горѣловъ нахмурился. Сказалъ торопливо:

— Ну, иди, иди, себѣ, Думка, съ Богомъ. Больше намъ пока ничего не надобно.

* * *

Когда дверь затворилась за быстро выбѣжавшею Думкою, Абакумовъ заговорилъ тихо, раздумчиво, печально:

— Я не любилъ Тамару. Это было внезапное увлеченіе. Не понимаю, что со мною тогда

случилось. Это — моя вина. Я одинъ во всемъ виноватъ.

Горѣловъ возразилъ спокойно:

— Никто ни въ чемъ не виноватъ. Какъ поживешь на свѣтѣ, да какъ посмотришь на людей, видишь, что никто ни въ чемъ не виноватъ. Нѣтъ виноватыхъ людей, только бываютъ наказанные. Жизнь сама напроказничаетъ, а насъ за это бьетъ, и пребольно иногда. А я былъ счастливъ съ Любою. Она была вѣрная, заботливая, ласковая, нѣжная. Я на нее готовъ былъ молиться. Она у меня была, какъ икона чтимая въ домѣ. Я часто влюблялся въ другихъ, измѣнялъ ей, но она была моя единственная радость, и утѣха, и святыня моя. Все она дала мнѣ, что можетъ дать жена, одного не могла дать — любви. И я всегда это чувствовалъ.

Абакумовъ отвѣчалъ, и въ голосѣ его звучали ревнивыя ноты:

— Никто бы, глядя со стороны, не могъ подумать, что она мало любитъ васъ. Между вами даже споровъ и ссоръ никогда не бывало. И у васъ есть дѣти.

Горѣловъ вздохнулъ и улыбнулся. Сказалъ:

— Не ссорились, не спорили, — это могло происходить и отъ ея глубокаго душевнаго равнодушія ко мнѣ. Она во всемъ уступала мнѣ. Какъ будто разъ навсегда рѣшила, что надо всему покориться, все перетерпѣть. Да и я уступалъ ей, когда приходилось. Заражался ея уступчивостью. Но дѣло въ томъ, что ссорятся и любящіе другъ друга. И спорятъ яростно. Помните, у Беранже говорится:

— Комиссаръ, комиссаръ!
Бьетъ Коленъ свою Колету!
— Комиссара не зови,
Ничего такого нѣту,
Ссора — вѣстница любви. —

Горѣловъ налилъ вино въ оба стакана, причемъ свой стаканъ разбавилъ на половину боржомомъ. Абакумовъ бросилъ окурокъ сигары въ бронзовую пепельницу, пересѣлъ къ столу, и, нервно схватившись за стаканъ, сразу отпилъ почти половину. Горѣловъ говорилъ:

— Она ни въ чемъ мнѣ не отказывала, но ея тѣло не радовалось моимъ ласкамъ. Этого нельзя было не чувствовать. Она приходила, когда я ее звалъ, и дѣлала все, чего бы я отъ нея ни потребовалъ. Никогда ничего не требовала сама. Всегда была со мною, какъ цѣломудренная новобрачная. Но не сопротивлялась ни одной моей прихоти. Что жъ! Человѣка, который любитъ, можно утѣшить немногимъ.

* * *

Лицо Абакумова было пасмурно и покрывалось тяжелымъ, темнымъ старческимъ румянцемъ. Онъ придвинулъ къ себѣ тарелку съ сыромъ, первую, какая попалась, и только когда отрѣзалъ и положилъ себѣ на тарелочку ломкій зеленоватый кусокъ, замѣтилъ, что это — рокфоръ. Вдавилъ ножомъ раскрошившіеся кусочки въ кусокъ бѣлаго хлѣба, разрѣзалъ кусокъ на четыре доли, и только потомъ подумалъ, что лучше бы сначала положить масло,

а потомъ сыръ. Придвинулъ было кадочку съ масломъ, но сейчасъ же и забылъ о ней, и принялся ѣсть хлѣбъ и сыръ торопливо и невнимательно, не замѣчая ихъ смѣшаннаго вкуса. Горѣловъ помолчалъ, отпилъ немного изъ своего стакана, налилъ туда еще боржому, — и продолжалъ:

— А что касается дѣтей, я тоже много думалъ объ этомъ. И по моему такъ выходитъ: дѣти хороши и счастливы только тогда, когда они — дѣти любви. И уже давно мнѣ казалось, что моимъ дѣтямъ чего-то не хватаетъ. Теперь я вижу ясно, что мое чутье меня не обманывало.

— Милочка у васъ — славная дѣвушка, — сказалъ Абакумовъ.

— Да, — сказалъ Горѣловъ, — только эти ея бѣшеныя вспышки меня пугаютъ. Вы знаете, что сегодня случилось?

Онъ разсказалъ Абакумову о ссорѣ Милочки съ Елизаветою. Абакумовъ слушалъ очень внимательно, но ничего не сказалъ. Горѣловъ говорилъ:

— Чѣмъ то она кончитъ? Ея будущее тревожитъ меня. Ну, да что говорить, — это непоправимо. А вотъ Николай, — сегодняшній случай окончательно открылъ мнѣ глаза, — это — форменный негодяй. Я давно уже не довѣрялъ ему. И былъ правъ, какъ оказывается. Онъ — старшій. Зачатъ въ тѣ дни, когда Любочкѣ была еще очень горька разлука съ вами, она была этимъ совсѣмъ задавлена, ей тяжело было притворяться любящею женою. Николай рожденъ въ обманѣ, и весь лживый. Что у

его матери было жертвою и отчаяніемъ, у него стало низостью, зломъ, ложью. И лучше было бы, если бы тогда Люба отказала мнѣ. Или, если-бы у насъ не было совсѣмъ дѣтей.

— Отчего же Милочка не такая? — спросилъ Абакумовъ.

Его профессорскому уму разсужденія Горѣлова казались совсѣмъ не наукообразными, произвольными, наивными, какимъ-то сумбурнымъ производнымъ отъ суевѣрія, мистицизма и горькихъ личныхъ переживаній. А Горѣловъ говорилъ:

— Милочка — младшая. Къ тому времени Люба уже привыкла. Уже она чувствовала себя моею покорною рабою, купленною за большія деньги, чтобы радовать господина. Привыкла, кротко вошла въ эту жизнь, уже стала чувствовать себя въ домѣ хозяйкою и госпожею. Была, можетъ быть, по своему полусчастлива. И только иногда вспыхивало въ ней возмущеніе противъ того ярма, которое она сама на себя надѣла. Она знала, что винить некого, и покорялась, и таила въ душѣ своей гнѣвъ на себя, на меня, на судьбу. Только не на васъ. Оттого и Милочка вышла такая милая, услужливая, готовая всѣмъ помочь, все свое отдать другимъ, но и такая иногда гнѣвливая чрезмѣрно. Но счастливою она не будетъ. Она всегда будетъ больше давать, чѣмъ брать. И полюбить ей всегда будетъ некого. Здѣсь не въ Пучкова же влюбиться! Да такъ и всегда, и вездѣ будетъ.

* * *

Абакумовъ осторожно посматривалъ на Горѣлова, — старый фабрикантъ казался ему слишкомъ возбужденнымъ. Онъ говорилъ не переставая, и былъ страненъ его слишкомъ спокойный тонъ въ бесѣдѣ о такихъ острыхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ. Слова Горѣлова звучали какъ давно привычные напѣвы панихиды въ устахъ стараго священника, которому все равно, кого отпѣвать, потому-что всѣхъ своихъ онъ уже давно не только схоронилъ, но и позабылъ. И подъ эти размѣренные звуки особенно мрачнымъ казался весь этотъ богато обставленный большой кабинетъ съ его громаднымъ, похищающимъ звуки шаговъ, ковромъ, съ его тяжелою мебелью, съ тусклою позолотою на рамахъ картинъ, со старыми гравюрами въ широкомъ багетѣ, съ темно-зелеными занавѣсями на трехъ большихъ окнахъ, съ небольшимъ салоннымъ роялемъ, зачѣмъ-то стоявшимъ въ углу у двери.

«Надобно его успокоить», — подумалъ Абакумовъ.

Но тотчасъ же и забылъ объ этомъ. Онъ допилъ второй стаканъ, машинально имъ себѣ налитый. Потянулся за бутылкою, налилъ третій, подумалъ:

«Хорошо бы коньяку выпить. Или водки.»

Глаза его были прикованы къ темному узору мягкаго ковра. Мерещился шелестъ короткой шелковой юбки и чьи-то легкія, обнаженныя ноги. Онъ думалъ ревниво и страстно:

«Когда онъ звалъ Любу, она приходила, исполняла все, что онъ захочетъ. Если онъ усталый сидѣлъ здѣсь, и если ему приходила

фантазія увидѣть мельканіе голыхъ, пляшущихъ ея ногъ, она обнажала ноги, и онъ садился за этотъ рояль, такой чужой, повидимому, этой дѣловой храминѣ, игралъ, и она танцовала. Вотъ зачѣмъ здѣсь рояль. И недаромъ есть піесы такія, что Люба всегда взволнована, когда слышитъ ихъ.»

Звукъ, подобный стону, вырвался изъ его устъ. Онъ всталъ, и поспѣшно пошелъ по ковру, словно прогоняя мечтаемую легконогую плясунью. Дошелъ до двери, повернулся, прошелъ къ окну, и опять сѣлъ на мѣсто.

Горѣловъ сидѣлъ, опершись локтями о столъ, и продолжалъ говорить о своемъ, — о своей святынѣ, о своей любви, о паденіяхъ и объ измѣнахъ своихъ, и великой тоскѣ ея жизни и своей жизни. Абакумовъ слушалъ его невнимательно, и думалъ, что у Любы, кромѣ души, и ея кротости, и ея нѣжности, есть еще и тѣло, страстное и чувственное сплетеніе волненій, очарованій и приманокъ, тѣло, въ которомъ струится пламенная кровь, въ которомъ бьется жаждущее радостей сердце, тѣло, влекущее къ себѣ, когда оно скрыто одеждами, и осіянное всѣмъ яростнымъ сонмомъ желаній, когда оно обнажено. И этимъ ея тѣломъ, со всѣмъ его зноемъ, со всѣми его восторгами и упоеніями, владѣлъ другой! И этого безмѣрно волнующаго тѣла никогда не видѣлъ онъ, профессоръ Абакумовъ. И этимъ тѣломъ онъ, человѣкъ, уважаемый всѣми и замѣтный въ наукѣ, хочетъ владѣть, какъ дикарь, какъ звѣрь, И мысль объ этомъ тѣлѣ волнуетъ его, и заставляетъ его ревновать, и дѣлаетъ его

подобнымъ всякому, кто на этой грубой землѣ готовъ вступить въ единоборство съ другимъ изъ-за той, которой хотятъ оба.

Минуты возбужденія смѣнялись тяжелыми, свинцовыми приступами гнетущей апатіи. Абакумовъ старался направить свою мысль къ созерцанію идеальныхъ совершенствъ и достойныхъ отношеній, но непослушныя мечты тяготѣли къ страстнымъ, волнующимъ областямъ темной жизни. И отъ этого такое презрѣніе къ самому себѣ вдругъ почувствовалъ онъ, что иногда ему хотѣлось уйти поскорѣе отсюда и въ эту же ночь убить себя.

«Съ этимъ надобно покончить, — говорилъ онъ самъ себѣ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.»

* * *

Абакумовъ замѣтилъ наконецъ, что Горѣловъ настойчиво повторяетъ одно какое-то слово. Вслушался. Горѣловъ говорилъ:

— Да вы не волнуйтесь, Василій Матвѣевичъ. Успокойтесь, не волнуйтесь.

Абакумовъ принудилъ себя улыбнуться, и постарался сдѣлать спокойное лицо и унять дрожь въ рукахъ.

— Я совершенно спокоенъ, Иванъ Андреевичъ, — сказалъ онъ. — Настолько спокоенъ, насколько для меня это возможно въ данномъ положеніи. Если хотите, я, конечно, волнуюсь. Но вы понимаете...

Горѣловъ пожалъ его руку, и сказалъ:

— Понимаю, Василій Матвѣевичъ. У всѣхъ у насъ въ жилахъ живая кровь, а не сырая па-

тока. Но мы должны рѣшать, какъ разумные и добрые люди, какъ настоящіе христіане, а не какъ дикари. Распинать женщину, терзать ея душу мы не станемъ.

Абакумовъ спросилъ угрюмо:

— А если она уже распята?

Голосъ его дрогнулъ, блѣдная улыбка исчезла съ суровосжавшихся губъ, голова уныло поникла. Съ внезапною и чрезмѣрною ясностью представился ему вдругъ холодный холмъ распятія подъ свинцовыми тучами, тяжело нависнувшими надъ безрадостною пустынею, — и на этомъ холмѣ грубо сколоченный изъ двухъ неровныхъ и сучковатыхъ бревенъ крестъ, — и на крестѣ безжалостно пригвожденная нагая женщина, его Любовь. Тѣло ея безсильно виситъ на пробитыхъ двумя громадными ржавожелѣзными гвоздями тонкихъ ладоняхъ, и тяжело опирается на жестокіе гвозди, вбитые въ нѣжныя окровавленныя стопы. Милыя колѣни согнуты, чтобы крѣпче были прибиты ноги къ дереву, и все измученное тѣло вытянуто и дрожитъ мелкою дрожью отъ непомѣрной смертной муки.

Горѣловъ увѣренно сказалъ:

— И съ креста ее снимемъ. Не дадимъ погибнуть. Другъ мой, она любитъ васъ, вы — ее. Вотъ основное, о чемъ только и надобно думать. Все остальное слѣдуетъ подчинить этому, главному. Какъ это сдѣлать, мы съ вами обдумаемъ. Да и думать долго нечего. Самое простое и разумное, — я дамъ ей разводъ. По моей винѣ, конечно, чтобы не было ей помѣхи повѣнчаться съ вами.

Абакумовъ молча пожалъ ему руку. Съ горькимъ упрекомъ чему-то онъ подумалъ:

«Что же теперь, — надобно мнѣ радоваться? А всѣ эти долгіе, долгіе годы, — невыносимо-долгіе, безвозвратно минувшіе?»

И такъ больно было ему думать, что эти долгіе годы прошли спокойно, мирно, почти счастливо. И никто въ эти долгіе годы не думалъ о томъ, что чья-то ошибка изуродовала нѣжную ткань жизни. Можетъ быть, только одна испытывала великую душевную боль, — распятая женщина, милая его Любовь, — только она одна!

Горѣловъ участливо смотрѣлъ на его грустное лицо. Сказалъ:

— Ну что жъ, Василій Матвѣевичъ, мы съ вами подѣлимся мирно: мнѣ прошлое останется, вамъ будущее. А кто выигралъ отъ этого дѣлежа, на томъ свѣтѣ подсчитаемъ.

И они еще долго сидѣли, разговаривали, пили. Принесли еще бутылку вина, и осушили ее не спѣша. Уже занималось утро, когда они наконецъ разошлись.

* * *

На другой день, когда работа на фабрикѣ кончилась, Вѣра пошла не домой. Она повернула отъ воротъ совсѣмъ въ другую сторону.

Блѣднолицые, обсыпанные бѣлою фарфоровою пылью, устало расходившіеся по домамъ товарищи были сегодня какъ-то особенно жалки ей. Когда она пріостановилась у воротъ, она посмотрѣла на нихъ глазами посторонняго на-

блюдателя. Она вспомнила похороненныхъ въ этомъ году товарищей. Всѣ они умерли отъ чахотки. Каждому изъ нихъ было меньше сорока лѣтъ.

Теперь эти идущіе тихо, переговаривающіеся негромко люди всѣ казались ей обреченными на раннюю смерть отъ этой бѣлой и тонкой пыли, проникающей въ легкія и разрывающей ихъ ткань.

Улитайка спросила ее:

— Куда ты, Вѣра?

Вѣра пріостановилась. Сказала:

— Улитайка, когда ты пойдешь мимо нашего дома, не забудь, скажи маменькѣ, что я пошла къ Разину, къ Ивану Гавриловичу.

Любопытная Улитайка, сверкая разгорѣвшимися глазами, взмолилась было:

— Возьми меня съ собою, Вѣрунюшка!

Но Вѣра такъ рѣшительно сказала:

— Нѣтъ, Улитайка, я одна пойду, а ты не забудь мамѣ моей сказать, —

что Улитайка не рѣшилась настаивать. Только проводила Вѣру долгимъ, любопытнымъ и завистливымъ взглядомъ простодушныхъ глазъ.

По пути съ Вѣрою никто не шелъ, — фабричная слободка вся вытянулась въ одну сторону отъ фабрики, — и скоро Вѣра осталась совсѣмъ одна, и негромкіе разговоры ея усталыхъ товарищей затихли за ея спиною. Когда она вышла по узкой тропинкѣ черезъ скошенное поле вверхъ отъ Волги къ виднѣвшейся невдалекѣ рощѣ, черезъ которую ей надобно было пройти, выраженіе ея лица перемѣнилось. Въ глазахъ ея была и тоска, и рѣшительность,

и какая-то совсѣмъ не идущая къ ней боязливость. Но Вѣра шла быстрою и увѣренною походкою, — поле, роща, проселокъ черезъ ниву съ колосящеюся рожью, перелѣсокъ, опять луга, высокій берегъ Волги, вновь повернувшей сюда свое теченіе, и передъ новою рощею невысокая ограда, ворота, калитка, за оградою на холмѣ среди сада полускрытый деревьями домъ, цѣль ея пути. Вѣрино сердце сильно забилось.

Она немного постояла передъ калиткою. Все было тихо и здѣсь, снаружи, и за оградою. Калитка была не замкнута. Вѣра толкнула ее, вошла въ садъ, приперла за собою калитку, и остановилась въ тѣни старыхъ березъ, распустившихъ надъ дорожкою множество тонкихъ вѣтокъ, перепутанныхъ, несущихъ листья только ближе къ волѣ, и потому на половину голыхъ. Здѣсь Вѣра съ безпокойнымъ вниманіемъ посмотрѣла вдоль садовыхъ затѣненныхъ дорожекъ.

Дѣвочка лѣтъ четырнадцати, веселая и сильно загорѣлая, съ садовыми ножницами въ рукахъ, показалась на поворотѣ одной изъ дорожекъ. Потряхивая густыми, подстриженными у плечъ, черными волосами, и улыбаясь сдержанно, дѣвочка остановилась передъ Вѣрою.

Оправляя лямочки голубого сарафанчика и сдвинувъ открытыя до колѣнъ бронзово-солнечныя стройныя ноги, она стояла молча и прямо, и смотрѣла на Вѣру. Такъ смотрѣлъ бы добрый ангелъ на представшую въ преддверіи превысокого рая бѣдную земную душу. Такъ ждалъ бы добрый ангелъ трепетнаго зем-

ного слова, не торопя смущенную душу, не заграждая ей дорогу къ обители блаженныхъ.

* * *

Досадуя сама на себя за свое странное смущеніе, Вѣра наконецъ спросила, дома-ли Иванъ Гавриловичъ и можно-ли его видѣть. Дѣвочка отвѣтила негромко:

— Отецъ здѣсь въ саду. Пойдемте, я васъ проведу.

Ея тихій голосъ былъ мелодиченъ, и вовсе не казался слабымъ, зачарованный тишиною этого сада, онъ звучалъ съ мѣрною ясностью, ровно настолько громко, чтобы собесѣдница услышала ее, только одна она. Но казалось, что, если бы Вѣра стояла на неизмѣримомъ отъ нея разстояніи, въ груди этой дѣвочки достало бы силы добросить до Вѣры кристально-чистые звоны словъ.

Дѣвочка шла немного впереди Вѣры, и говорила:

— Слава Богу, въ этомъ году садъ нашъ чистъ, не видно ни личинокъ, ни гусеницъ. Птицы поклевали немного вишенъ, но это ничего, отъ нихъ все таки больше пользы, чѣмъ вреда. Вотъ видите на дорожкѣ слѣды кротовыхъ норъ, — это тоже не опасно для сада. Богъ и кроту далъ разумъ на то, чтобы уничтожать злыхъ вредителей и помогать человѣку обратить землю въ свѣтлый садъ. Затѣмъ и живемъ на землѣ, чтобы сдѣлать ее земнымъ раемъ. Только сами-то мы еще этого рая не достойны.

— Человѣкъ — царь земли, — сказала Вѣра, улыбаясь учительному тону дѣвочки, и ясной ея улыбкѣ, и яркой солнечной радости, озлатившей ея лицо, и шею, и плечи, и руки, и ноги.

Дѣвочка пріостановилась, глянула на Вѣру. Губы ея улыбались, вишнево-алыя, все тою же вѣчною улыбкою, когда она сказала, — и уже улыбка эта казалась печальною:

— Да, царь, но только одинъ человѣкъ и есть на землѣ, да и того толпа распинаетъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, нашъ небесный Царь и Спаситель.

— Наши друзья говорятъ, — сказала Вѣра, — что христіанство — суевѣріе, полезное для богатыхъ, чтобы держать бѣдныхъ въ покорности и смиреніи.

Черные, страстно-солнечные засверкали дѣвочкины глаза, и она съ живостью возразила:

— О, ваши друзья говорятъ это по невѣдѣнію! Читайте Евангеліе, и читайте всю Библію, какъ читаютъ благочестивые англичане. Тамъ для страждущихъ и обремененныхъ — великое утѣшеніе, для богатыхъ и сильныхъ — гроза и огненный гнѣвъ. Изъ бдолаха, золота хорошаго, слили безумные золотого тельца, но съ высокой горы пришелъ пророкъ, и раздробилъ тельца. Золото, ливанъ и смирну принесли мудрые къ яслямъ, гдѣ лежалъ младенецъ Іисусъ, а гонителя фараона проклялъ Богъ! проклялъ Богъ! и съ колесницею, и съ воинствомъ покрылъ волною морскою.

Такъ говорила дѣвочка, въ восторгѣ и вдохновеніи сочетавъ разныя сказанія святой книги

въ одну быстро-льющуюся огненную импровизацію. И, когда при послѣднихъ словахъ она подняла руки, чтобы отстранить передъ Вѣрою, — хозяйка, никогда не способная забыть любезной заботы гостепріимства, — нависшія надъ дорожкою спутанныя, упругія вѣтки, такъ величественно и стройно было это движеніе, какъ будто это былъ ангелъ, показывающій дорогу. Сладкимъ томленіемъ наполнилось Вѣрино сердце.

«Поцѣловать бы легкія ноги, — думала надменная красавица, — да испугаешь милую дѣвочку.»

Вѣра почувствовала себя словно грѣшница передъ святою, грѣшница, не торопящаяся раскаяться и все же растроганная чужою нѣжною чистотою. Она взяла дѣвочкину руку, — перехватила около локтя, — мягкая, упругая, ровная, знойная до ощущенія легкаго обжога кожа, — немножко нагнулась, словно проходя подъ вѣтками дерева, поцѣловала дѣвочку немного пониже голаго, тонкаго плечика, и сказала радостно и ласково:

— Милая проповѣдница, тебѣ бы по дорогамъ ходить, людямъ говорить правду о Богѣ.

Дѣвочкины черные, какъ два полночные пламенника, глаза стали вдругъ близки къ Вѣринымъ глазамъ, и блистали, какъ сквозь росу. И не успѣла Вѣра понять, на чьихъ глазахъ роса слезъ, тонкія руки охватили ея шею, стройное тѣло прижалось къ ея груди, прямо въ губы долгимъ поцѣлуемъ поцѣловала ее дѣвочка, и тихій услышала Вѣра, тихій, тихій голосъ:

— Сестрица, милая, вѣруй въ человѣка Христа.

* * *

Прошли нѣсколько шаговъ. Было тихо. Ни одинъ воробушекъ не перепорхнулъ, ни одна вѣточка не пошевелилась. Подъ ногами, сквозь плотную землю дорожки проросшія, тихо гнулись легкія, спутанныя травинки. Дѣвочка всмотрѣлась зоркими глазами туда, гдѣ за сплетеніемъ вѣтвей видны были столбики небольшой бесѣдки, и сказала:

— Отецъ пишетъ въ бесѣдкѣ. Если вы не очень торопитесь, подождите нѣсколько минутъ, я знаю, скоро выдетъ.

Вѣра посмотрѣла туда-же, и ей показалось, что она тоже видитъ за вѣтвями склоненную сѣдую голову. Она отвѣчала дѣвочкѣ:

— Я не тороплюсь. Работу на фабрикѣ кончила, а мама знаетъ, куда я пошла.

Отошли въ сторону, къ дому. Дѣвочка сказала:

— Я пока дамъ вамъ молока, хлѣба, меду, земляники. Что есть. Это все у насъ свое.

И Вѣра почувствовала вдругъ, что ей хочется ѣсть, и что ей пріятно будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ дѣвочкою и пить молоко.

— Посидите на террасѣ, я сейчасъ, — сказала дѣвочка.

И побѣжала вокругъ дома. Вѣра поднялась по ступенькамъ на террасу. Передъ нею открылся знакомый съ дѣтства видъ на Волгу, на луга, поля, деревни. Блеснули въ сторонѣ зо-

лотые кресты на храмахъ стараго города Сонохты. Все знакомое съ дѣтства, привычное, и въ послѣдніе годы такое волнующее. Вѣра прислонилась плечомъ къ столбу, всматривалась въ широкія дали и длинныя тѣни, и задумалась, замечталась. Какъ бы нѣкій сонъ на яву опустился на нее, и захотѣлось вдругъ, чтобы умедлили быстролетныя минуты. Зачѣмъ? Вѣдь сны золотые, снившіеся ей, о побѣдѣ предвѣщали, и не знала она, что кровью орошенъ путь къ побѣдѣ. Или знала, знаніемъ утаеннымъ и темнымъ, не восходящимъ къ холодному свѣту сознанія? Но теперь душа ея отдыхала. Вѣра слышала нѣсколько разъ прибѣгающіе и убѣгающіе звуки ногъ маленькой хозяйки, и сквозь мечты слѣдила ихъ шумъ съ ласковымъ душевнымъ любованіемъ, — простодушный идиллическій шумъ.

— Сестры обѣ ушли, я одна, — сказала дѣвочка.

Вѣра подошла къ столу, гдѣ уже были разставлены обѣщанныя снѣди. Наливая холодное, съ погреба, густое, золотисто-желтое молоко въ граненый стаканъ, дѣвочка спросила:

— Ваши друзья — соціалисты?

— Только соціалисты — наши друзья, — отвѣчала Вѣра. — У бѣдныхъ нѣтъ другихъ друзей.

Дѣвочка покачала головою, и черныя кудри ея разсыпались, набѣгая на глаза. Сказала:

— Вы ужасно поспѣшная, и очень довѣрчивая. Все хорошее въ соціализмѣ принадлежитъ христіанству.

— Христіане хотятъ, чтобы мы вѣрили и молились, — возразила Вѣра. — Нѣтъ, мы хотимъ сами построить свою жизнь, и сами возьмемъ все, что намъ надобно.

— Да, — спокойно отвѣчала дѣвочка, — христіанство объ этомъ и учитъ, о человѣкѣ, что онъ творитъ чудеса. Вы думаете, что Евангеліе говоритъ о любви и о милосердіи? Объ этомъ говорятъ и другія книги. Христіанство учитъ, что такое человѣкъ, и какая у него власть и сила.

Вѣра сказала упрямо:

— Въ чудеса мы не вѣримъ.

— Чудеса мы творимъ, — отвѣчала дѣвочка, — мы, люди, спасенные человѣкомъ Христомъ.

* * *

Вдругъ послышался изъ сада сильный, низкій и негромкій голосъ:

— Валентина, съ кѣмъ ты говоришь?

Вѣра не слышала, какъ подошелъ къ террасѣ Разинъ. Она обрадовалась и испугалась. Въ замѣшательствѣ отставила стаканъ, поспѣшно встала изъ-за стола, и повернулась къ лѣстницѣ. По ступенькамъ легкою походкою всходилъ высокій, сильный старикъ съ коротко-подстриженною сѣдою бородою и сѣдыми курчавыми волосами. Его желтая полотняная рубашка была стянута широкимъ кожанымъ поясомъ. Подходя къ нему, Вѣра сказала:

— Иванъ Гавриловичъ, я къ вамъ, посовѣтоваться. Очень важное для меня.

Онъ подалъ ей руку, сказалъ:

— Здравствуйте. Садитесь, побесѣдуемъ.

И пошелъ къ столу. Вѣра шла за нимъ, опустивъ глаза къ его легко ступающимъ по доскамъ пола небольшимъ и красивымъ, сильно загорѣлымъ стопамъ.

Онъ сѣлъ за столъ, и сказалъ дочери:

— Валечка, налей мнѣ молока, а потомъ иди, милая, подальше, — наша гостья хочетъ поговорить со мною наединѣ.

Валентина быстро и ловко налила молоко въ большую стеклянную кружку, поцѣловала отца въ мелкія морщинки на темно-желтомъ вискѣ, и быстро побѣжала въ садъ.

Вѣра смотрѣла на спокойное лицо Разина, на которомъ лежали пробившіеся изъ-за вьющихся вокругъ проволокъ хмѣля и дикаго винограда лучи уже не высокаго, но все еще жаркаго солнца, — смотрѣла на игру лучей въ граняхъ стекла, — и разсказывала. Кто она. Какъ жила. О матери. О родномъ домѣ. О работѣ на фабрикѣ. О женихѣ. О его друзьяхъ. И особенно подробно разсказала о встрѣчѣ въ лѣсу съ Горѣловымъ и о разговорѣ съ Шубниковымъ.

Разинъ слушалъ внимательно, и смотрѣлъ прямо въ Вѣрины глаза. Его неотступный взоръ не смущалъ Вѣру. Разинъ казался Вѣрѣ совсѣмъ простымъ, доступнымъ, понимающимъ все, что она говоритъ и думаетъ, и ей легко было говорить съ нимъ. Она испытывала такое чувство, какъ будто никого чужого передъ нею нѣтъ, какъ будто она самой себѣ говоритъ о

себѣ, приводя въ ясность все свое былое, и свои мечты, и надежды.

Окончила, замолчала. Разинъ продолжалъ смотрѣть на нее молча. Потомъ, проведя рукою по сѣдой своей бородѣ, онъ заговорилъ медленно и раздумчиво:

— Такъ, очаровала ты его. Заклинательница змѣй, сильнаго и хитраго змѣя хочешь ты подманить своими чарами. И не боишься, что змѣй обовьется вкругъ тебя, красавица, сильный, чешуйчатый, кольчатый змѣй. Да, не боишься. Ты — смѣлая. И упрямая. Что задумала, то сдѣлаешь. Нетерпѣливая, хочешь сдѣлать скоро. По глазамъ твоимъ вижу. Такъ что ужъ и не знаю, чего ты отъ меня хочешь, зачѣмъ ко мнѣ пришла. Такъ, пойдешь ты къ нему завтра ночью. Что же ты отъ него потребуешь?

Въ полнозвучномъ и замедленномъ теченіи его словъ Вѣрина душа жутко и радостно неслась, колеблясь, трепеща и замирая, навстрѣчу сумеречно-мглистымъ тѣнямъ будущаго, и, словно въ зеркало широкихъ водъ, смотрѣлась въ ясность этихъ словъ. Улыбалась Вѣра, и смотрѣла въ его спокойные, глубокіе глаза, и словно дыханіе въ ея груди захвачено было чѣмъ-то, и не могла сказать ни слова.

* * *

Улыбнулся и онъ. Словно разрѣшая или повелѣвая, сказалъ:

— Говори.

— Для меня онъ все сдѣлаетъ, — сказала Вѣра.

И вдругъ вся багрово зардѣлась. На щекѣ тревожно забилась какая-то жилка.

— Все, чего я захочу, — тихо докончила она.

— Чего же ты захочешь? — спросилъ Разинъ.

— Онъ еще самъ не знаетъ, для чего я встрѣтилась ему, — говорила Вѣра. — Я приду къ нему, и скажу ему: Люби меня. И онъ полюбитъ меня больше, чѣмъ свою душу, и отдастъ мнѣ всю свою душу и все свое золото. Душу его я отдамъ тому, кто ее возьметъ, а на землѣ она никому не нужна; его золото я отдамъ товарищамъ.

— Какъ же ты все это сдѣлаешь? — опять спросилъ Разинъ.

Вѣра продолжала страстно и вдохновенно:

— Онъ еще самъ не знаетъ, что значитъ полюбить меня. Когда я приду къ нему, онъ для меня оставитъ жену и дѣтей, и сдѣлаетъ для меня все, что я захочу. Ни одной минуты не задумается.

— Сдѣлаетъ для тебя все, чего ты попросишь? — спросилъ Разинъ.

Вѣра воскликнула страстно:

— Нѣтъ, я не стану плясать передъ нимъ и выпрашивать милости. Какъ царица, я возьму все, — какъ царица, какъ судьба, какъ смерть.

Она говорила, какъ въ полуснѣ. Воля ея была подчинена прихотливому воображенію, распаленному жаждою высокаго дѣла. Мрачно было мерцаніе ея глазъ.

Разинъ сказалъ:

— Ты увѣрена въ томъ, что успѣешь въ своемъ замыслѣ, и что онъ приведетъ къ добру. О какомъ золотѣ ты говоришь! У Горѣлова не золото, у него капиталъ вложенъ въ фабрики. Ты думаешь, что онъ отдастъ тебѣ свои фабрики, а ты передашь ихъ рабочимъ. И вотъ машины станутъ собственностью рабочихъ, и рабочіе будутъ уже работать на самихъ себя, а не на хозяина, и будутъ пользоваться полнымъ продуктомъ своего труда. Такъ, ты думаешь, что это для нихъ будетъ лучше, и что они будутъ тебѣ благодарны.

— О себѣ я не думаю, — отвѣчала Вѣра, — и благодарности мнѣ не надо. Меня, можетъ быть, за это женихъ зарѣжетъ, такъ на что мнѣ тогда чья-нибудь благодарность! Для моего жениха я не просто фабричная дѣвченка, я для него — радость и утѣшеніе въ жизни. И я его люблю.

Вѣринъ голосъ дрогнулъ, она быстро опустила голову, закрылась руками, и заплакала.

* * *

Разинъ смотрѣлъ на нее жалостливо, и думалъ:

«Что это? Подвигъ или безуміе? Она заблудилась, но гдѣ я найду слова, чтобы показать ей глубину ея заблужденія? Да и кто знаетъ, гдѣ ложь, гдѣ правда? И кто можетъ остановить человѣка, если его увлекаетъ золотая мечта?»

А Вѣра говорила:

— Каждый долженъ нести свой крестъ. Мой крестъ я не сама выбрала. Дана мнѣ красота великая, и вмѣстѣ съ красотою дана страшная власть чаровать людей и змѣй. Назвала себя заклинательницей змѣй; думала, такъ, просто пошутила. А потомъ самой стало страшно. Нѣтъ, — это — не шутка, это правда. Сама не знаю почему, но въ эти дни я ни о чемъ другомъ и думать не могу.

Разинъ положилъ руку на Вѣрино плечо, и сказалъ тихо и жалостливо:

— Успокойся, Вѣра! Если мы будемъ волноваться, мы совсѣмъ запутаемся. Разберемся покойно. Какъ ты все это себѣ представляешь? Допустимъ, все будетъ, какъ ты хочешь. Онъ отдастъ тебѣ свои фабрики, — такъ? Ты передашь ихъ рабочимъ, — такъ?

Вѣра смотрѣла на него во всѣ глаза, и утвердительно кивала головою. Разинъ продолжалъ спрашивать:

— Какимъ же рабочимъ? Тѣмъ, которые теперь работаютъ на фабрикѣ, — такъ? Этимъ случайнымъ людямъ?

Вѣра опустила глаза. Трепеща, нахмурились ея брови. Она сказала:

— Всякое начало случайно. Рабочихъ на землѣ много, Горѣловскихъ капиталовъ имъ не хватитъ, противъ нихъ стоятъ другіе капиталисты. Каждый пусть разоряетъ то змѣиное гнѣздо, которое къ нему ближе. Удача однихъ будетъ примѣромъ для другихъ. Стоитъ дать первый толчекъ, потомъ движеніе станетъ нарастать само собою. Мы должны прекратить

медленное убиваніе людей непосильною работою.

— Твои товарищи станутъ хозяевами, — сказалъ Разинъ, — вмѣсто одного крупнаго капиталиста появится тысяча мелкихъ, и трудно учесть, что изъ этого выдетъ. Думаешь-ли ты, что эгоизмъ людей умретъ? Такъ-ли скоро, какъ ты мечтаешь, можетъ измѣниться природа человѣка? Средство противъ зла только одно, — братскій и христіанскій союзъ для объединенія труда и распредѣленія земныхъ благъ. Ты хочешь начать этотъ союзъ со случайнаго подарка твоимъ случайнымъ товарищамъ. Они должны будутъ выдержать конкуренцію другихъ фабрикантовъ, — вѣдь всѣхъ фабрикантовъ встревожитъ этотъ опытъ. Чтобы рабочему жилось лучше, посуда должна стоить дороже, а твоимъ товарищамъ придется понижать ея цѣну, чтобы выдержать конкуренцію. Капиталисты выдержатъ убытки, но могутъ совсѣмъ выгнать вашъ товаръ съ рынка.

— Одинъ изъ нашихъ друзей разсказывалъ намъ, — возразила Вѣра, — какъ соціалисты хозяйничаютъ въ нѣкоторыхъ итальянскихъ городахъ. Гдѣ городская дума въ рукахъ соціалистовъ, — говорилъ онъ намъ, — тамъ условія жизни рабочихъ гораздо лучше. Мы въ Россіи никакъ не можемъ устроить, чтобы соціалисты стали у городскихъ и земскихъ дѣлъ. Такъ сдѣлаемъ, что можемъ, — передадимъ имъ Горѣловскія фабрики, и черезъ самое короткое время рабочій людъ заживетъ здѣсь достойною человѣка жизнью. И если не мы сами, такъ дѣти товарищей нашихъ будутъ

сильны, спокойны и счастливы. И не будутъ рабами.

— Такъ, милая мечтательница, — отвѣчалъ Разинъ, — ты изъ тѣхъ, кого не убѣждаютъ слова. Мечта тебя очаровала, и ты пойдешь за нею, куда бы она тебя ни привела. Если ты ошибаешься, Богъ тебя поправитъ, если ты грѣшишь, Богъ тебя проститъ. Ты въ него не вѣруешь, но этимъ огнемъ онъ зажегъ твое сердце.

Онъ улыбался печально, и въ заходящихъ лучахъ солнца его улыбка казалось благостною, а сѣдина его бороды пріобрѣтала янтарный оттѣнокъ послѣзакатныхъ облаковъ.

* * *

Разинъ всталъ, поднялась и Вѣра. Сердце ея упало. Неужели онъ ничего не скажетъ ей, кромѣ этихъ спокойныхъ словъ?

— Я хочу показать тебѣ кое-что, — сказалъ онъ, — нѣкоторое наглядное изображеніе твоего состоянія. Иди за мною.

Онъ вошелъ въ домъ, и Вѣра за нимъ. Сердце ея сильно билось, въ глазахъ было туманно и багряно, и она едва различала убранство большой комнаты, повидимому, столовой, черезъ которую они прошли въ маленькую угловую комнату. Тамъ стоялъ столъ съ книгами и бумагами. У стѣнъ нѣсколько открытыхъ полокъ съ книгами. Нѣсколько простыхъ, легкихъ стульевъ. На столѣ, среди книгъ и бумагъ, по обѣ стороны бронзовой чернильницы, два небольшіе фарфора, нагія женскія тѣла.

Одинъ изъ этихъ фарфоровъ Разинъ взялъ, и подошелъ съ немъ къ окну, хотя въ комнатѣ еще было свѣтло. Солнце опустилось совсѣмъ низко. Въ его лучахъ фарфоръ казался потеплѣвшимъ и ожившимъ.

Это была нагая дѣвушка, совсѣмъ еще молоденькая, почти дѣвочка, съ красивымъ и суровымъ лицомъ, на которомъ лежало выраженіе упрямой, настойчивой воли. Одна рука дѣвушки была приподнята, и дѣвушка пристально смотрѣла на обвившуюся вокругъ этой руки змѣю. Дѣвушка сидѣла на какомъ-то пнѣ, легкая и ловкая, и опиралась другою, напряженно-вытянутою рукою объ этотъ пень съ такою силою и настороженностью, какъ будто готовая каждую минуту встать и нести людямъ заклятую ею злоокую, коварную змѣю. И казалось, что змѣя и заклинательница смотрятъ очи въ очи одна другой, и было нѣчто змѣиное въ упругомъ изгибѣ голаго, бѣлаго дѣвичьяго тѣла, и было дѣвственное очарованіе въ ползучемъ, обнимающемъ движеніи змѣи. Покорная своей заклинательницѣ, змѣя льстиво прижималась къ ней, какъ рабыня, но чему-же была покорна ея нагая госпожа, и чѣмъ она была очарована? Несомнѣнно же было, что и она очарована, и беззащитна отъ чьего-то заклятія, и даже пояса не сохранила, оберегающаго соблазны ея млечно-бѣлаго тѣла. Чувствовала всѣмъ своимъ по-змѣиному гибкимъ тѣломъ смѣющійся взглядъ далекаго въ пустынѣ міровъ змѣя, свернувшагося семью кольцами за щитами, — за семью щитами, что мы видимъ въ семи цвѣтахъ зари, и за многими незримыми, раз-

дробившими ту снѣжно-холодную бѣлизну, которая въ ней еще цѣла и непорочна.

Не змѣемъ ли ты очарована, очаровательница? И въ лебедино-бѣломъ тѣлѣ твоемъ не таится-ли огненный ядъ высокаго змѣя, змѣиноокая?

Но чего ты боишься, Вѣра? Улыбнись, — весь грѣхъ и все зло въ рукѣ учителя. Какъ будто прошелъ онъ, мудрый, за тебя, неразумную, весь твой скорбный путь, и оставилъ тебѣ только легкій трудъ послѣдняго исполненія. Вотъ онъ стоитъ, какъ будто съ дѣтства близкій, и взоръ его кротокъ и мудръ, змѣиныя чары побѣждающій.

Кровь-ли прольется, — не все-ли равно? Сердце твое трепещетъ радостно, бѣдная сестра моя, и знаетъ, что дерзаніе твое прощено, и надъ бѣднымъ неразумѣніемъ твоимъ кроткая улыбка высокаго сожалѣнія. Бѣдная, плѣнная душа, возстань и сгорай въ пламени сладостной вѣры.

* * *

Вѣра и Разинъ молча стояли другъ противъ друга. Вѣра улыбнулась радостно, и смотрѣла на бѣлое тѣло заклинательницы. Разинъ медленно опустилъ руку, и поставилъ бѣлую заклинательницу на подоконникъ, и она колыхалась въ его рукѣ, какъ только что сорванная бѣлая на гибкомъ стеблѣ лилія, — такая бѣлая изъ пѣны морской возникала безсмертная Афродита. Не розовѣла въ алыхъ лучахъ заходящаго солнца, и только затеплилась бѣлою

серебряною матовостью. Медленно нагибаясь за нею, Вѣра опустилась на колѣни. Темно рыжіе волосы ея были пламенны въ багровомъ сквозь тяжелый воздухъ земли свѣтѣ закатнаго солнца. Вѣра сложила молитвенно руки, немного подвинулась отъ окна, стоя на колѣняхъ, и смотрѣла въ глаза Разина. Онъ положилъ руку на ея голову, и говорилъ:

— Милая, мечта обманываетъ человѣка, и приводитъ его не туда, куда онъ хотѣлъ притти. Но мечта всегда правѣе разума, и всегда человѣкъ долженъ слушаться ее, итти за нею, исполнять волю Того, кто умѣетъ чаровать, какъ мы, люди, не умѣемъ. Земная жизнь наша — трудный и темный путь въ великой пустынѣ міра, и благословеніе Бога надъ тѣмъ изъ насъ, кому дана мечта, кого ведетъ мечта. Даже и погибая, онъ счастливъ, — онъ видѣлъ то, чего другимъ не дано видѣть, онъ отмѣченъ печатью высокаго избранія. Смотри на эту маленькую бѣлую чаровательницу. Не правда-ли, ты узнала въ ней себя?

— А кто же змѣя? — спросила Вѣра.

Разинъ продолжалъ:

— Смотри, какъ эта бѣлая змѣя покорна ей. Покорна, потому-что она сама знаетъ сладость и власть очарованій. Она сама, шипя отъ невинной злости, смотрѣла въ чьи-то глаза, и ползла тихо, тихо къ ногамъ зачарованнаго, чтобы ужалить и умереть, — ужаливъ, жало свое сломаетъ и оставитъ въ ранѣ, погубивъ — погибнетъ. А злость ея была невинная, потому-что въ темномъ лѣсу нѣтъ моральнаго закона. Вѣдь и мы сами, пока живемъ подъ желѣзнымъ

закономъ нужды и необходимости, невинны, какъ подколодныя змѣи. Насъ не осудитъ Тотъ, Кто сплелъ насъ въ змѣиный клубокъ, кто далъ намъ такъ мало радостей и такъ много страданій, Кто и самъ страдаетъ съ нами и въ насъ.

«Никто осудить не посмѣетъ,» — думала Вѣра.

И чувствовала себя такъ, точно вся она пламенная и легкая, и возносится высоко надъ землею. Радостно улыбаясь, склонила голову, и слушала, — и говорилъ Разинъ:

— Смотри, смотри, встаетъ заклинательница, и сжимаетъ змѣю, и разбиваетъ ея голову о камень. И слышитъ чей-то зовущій голосъ. Прислушивается. Идетъ, уже очарованная. И льнетъ къ его ногамъ. И змѣею обвивается вокругъ его сильной руки. И онъ возьметъ тебя, и сожметъ тебя сильною рукою, и ударитъ тебя головою о камень. И ты умрешь. Не знаю даже, успѣешь-ли ты порадоваться, что сдѣлала такъ, какъ хотѣла. Но иди, дѣлай, что замыслила. И когда душа твоя вступитъ въ область совершеннаго покоя, ты найдешь радость, которой не знала никогда раньше.

Вѣра заплакала. Словно черное пламя метнулось въ ея глазахъ, пламенный весь и весь черный ангелъ. Она склонилась къ ногамъ Разина. Ей было страшно и радостно. Она чувствовала, что воля ея окрѣпла и уже не будетъ знать колебаній.

* * *

— Возьми на память, — сказалъ Разинъ.

И отдалъ Вѣрѣ фарфоровую заклинательницу змѣй.

Радостно взяла Вѣра этотъ подарокъ. Несла его домой бережно, завернула въ свой синій передникъ, чтобы никто встрѣчный не увидѣлъ, не узналъ, что она несетъ. А сама, пока безлюдными шла мѣстами, перелѣсками или полями надъ лазурною Волгою, то и дѣло развертывала бѣлую заклинательницу, и смотрѣла на нее, — и словно купалась бѣлая въ рѣчной синевѣ. Не то это былъ для Вѣры талисманъ, не то знаменованіе ея судьбы. Какъ Мѣдный Змій изваянный, которому поклонились въ пустынѣ, чтобы злыя не ужалили до смерти змѣи. Но это было тайное, для нея одной наговоренное и очарованное изваяніе. И никому не надо было его знать и видѣть.

Но любопытны въ фабричномъ поселкѣ встрѣчные. Каждый посмотритъ, спроситъ:

— Что несешь, Вѣра?

— Въ потребилкѣ сыру купила, — отвѣчаетъ Вѣра.

— Что жъ ты его такъ въ передникъ-то укутала?

— Мѣшка съ собой не взяла, — отвѣчаетъ Вѣра.

— А почемъ сыръ-то?

— А я почемъ знаю! — отвѣчаетъ Вѣра.

— О, шальная, да вѣдь ты покупала?

— На книжку записали, — отвѣчаетъ Вѣра.

— Да ты бы въ книжку-то поглядѣла.

— Книжка дома, они у себя записали, — отвѣчаетъ Вѣра.

— Они тамъ запишутъ, чего захотятъ. А матери-то что, дѣвушка, скажешь? Ай у васъ деньги-то несчитаны, что-ли?

— Сколько съ другихъ берутъ, столько и съ меня, авось не обманутъ. — отвѣчаетъ Вѣра.

— А сыръ-то хорошъ-ли? Ай тоже не поглядѣла, глупая?

— Сыръ хорошъ, дали попробовать, — отвѣчаетъ Вѣра.

— А ну-ка покажь.

— Некогда, мама ждетъ, — отвѣчаетъ Вѣра.

Смѣется и бѣжитъ. А встрѣчная баба смотритъ ей вслѣдъ, и качаетъ головою, и кричитъ:

— Экая ты, дѣвушка, растяпа!

— А что?—спрашиваетъ подошедшая другая.

И уже совмѣстно обсуждаютъ Вѣрино легкомысліе, Вѣрину расточительность.

И вотъ Вѣра дома. А дома ждетъ ее мать. И опять докучные разспросы:

— Что, донюшка, поздно вернулась? Да куда ходила-то? Да что принесла?

Что матери скажешь? Что она пойметъ?

— Къ Разину ходила, поговорить, посовѣтоваться.

— А что, съ женихомъ, что-ли, не поладила?

Вѣра засмѣялась, промолчала.

— Ну, да Разинъ худого не посовѣтуетъ, — сказала мать. — Только ты бы, дочка, съ матерью совѣтовалась, чѣмъ къ чужимъ ходить. Мать лучше скажетъ, какъ тебѣ жить; жить по-старому надобно пока, новое-то пускай большіе люди выдумываютъ. Мы, худо-ли, хорошо-ли, всю жизнь прожили. А ты, за новымъ-то

погнавшись, смотри, какъ бы подъ чужую пятку не попасть.

Заклинательницу Вѣра хотѣла спрятать въ сундукъ, да мать вошла вдругъ и увидѣла. Разсердилась:

— А это что за кукла!? Голая, безстыжая! Да гдѣ ты ее взяла? Да для чего домой-то принесла такую скверную?

Хотѣла разбить да выбросить. Едва уговорила Вѣра:

— Спрячу, никто не увидитъ. А далъ мнѣ ее Разинъ противъ дурного глаза.

— Врешь, глупая! Да кто нонче въ дурной глазъ повѣритъ? Вотъ на дняхъ схожу сама, спрошу.

На томъ пока успокоилась. Долго ворчать не любила.

* * *

Горѣловъ съ утра былъ странно и тяжело взволнованъ. Вѣра обѣщала, что нынче ночью придетъ въ домикъ надъ ручьемъ. Взволнованность ожиданія почти сглаживала въ душѣ Горѣлова тяжелыя впечатлѣнія семейныхъ непріятностей. Но не совсѣмъ. Слишкомъ все это было неожиданно, тягостно и трагично.

Правда, и раньше Николай мало утѣшалъ Горѣлова. Все же фабрикантъ надѣялся, что со временемъ обойдется, сынъ перебѣсится, остепенится, втянется въ дѣло. Такой низости душевной въ сынѣ онъ не ожидалъ.

Теперь вдругъ Горѣловъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Милочку онъ очень лю-

билъ, и теперь мысли о ней трогали его до слезъ. Но нѣжность къ дочери не вознаграждала его за острыя чувства гнѣва, ненависти, презрѣнія къ сыну, которыя вдругъ поднялись въ душѣ. И поднялись съ такою силою и отчетливостью, какъ будто уже давно таились, какъ будто нуженъ былъ только внѣшній поводъ для ихъ проявленія. Неужели ослѣпленіе отца могло быть такъ сильно, чтобы не видѣть чудовищнаго нравственнаго уродства сына? Вѣдь каждый звукъ лживаго, ненавистнаго голоса выдавалъ душевное растлѣніе, и каждый взглядъ былъ противенъ, какъ выпавшій глазъ разваренной рыбы.

Не только чувства отца, — гордость фабриканта, которую такъ привыкъ уважать въ себѣ Горѣловъ, была уязвлена въ немъ. Онъ твердо рѣшилъ устроить такъ, чтобы Николай не наслѣдовалъ его фабрикъ. Досадно было думать, что извѣстныя на всю Россію Горѣловскія фабрики будутъ принадлежать не Горѣлову. А кому-же? Этого онъ пока не зналъ. Отдать Милочкѣ было-бы безполезно, — Николай добромъ или силою сумѣетъ оттягать у нее все.

Какъ быть, пока еще Горѣловъ не зналъ. Съ кѣмъ посовѣтоваться? Кому понести свое горе, открыть свою душу? Гдѣ другъ, который могъ бы сказать разумное, безпристрастное слово? Абакумовъ великодушенъ и благороденъ, — но не его же впутывать въ соображенія о томъ, какъ лишить наслѣдства Николая! Да и Абакумовъ, изъ самого благородства своего, еще сталъ бы, конечно, отговаривать Горѣлова.

Видно, придется самому съ собою наединѣ все это рѣшить и все исполнить. А сегодня лучше забыть. И Горѣловъ старался не думать о всемъ этомъ, чтобы не отравлять радости обладанія гордою красавицею. Будетъ время подумать и сдѣлать потомъ. Вѣрилъ, что Вѣра принесетъ счастіе. А все же, какъ ни старался забыть, нѣтъ, нѣтъ да и вспомнится Николай, и, тяжелою злобою гнетомое, забьется вдругъ сердце.

Весь день для Горѣлова былъ, несмотря ни на что, жутко-сладостнымъ ожиданіемъ. Горѣловъ не пошелъ на фабрику. Да и всѣ эти дни онъ тамъ не бывалъ. Точно боялся, что случайно встрѣтитъ Вѣру, — не хотѣлъ этой преждевременной встрѣчи.

Когда Горѣловъ думалъ о Вѣрѣ, онъ не хотѣлъ вспоминать, что она — работница на его фабрикѣ. Не хотѣлъ думать о томъ, какъ она живетъ, что чувствуетъ. Не хотѣлъ ничего знать о ея душѣ. Вспоминалъ только ея тѣлесные признаки, какъ онъ увидѣлъ ее тогда въ лѣсу, — очаровательное лицо, прекрасное, и надменное, и ласковое, золото-звенящій, насыщенный страстностью голосъ, обнаженныя стройныя руки, пламенно-знойные глаза, тяжелое золото косъ. Онъ и не зналъ въ ней ничего, кромѣ этихъ чарующихъ, волнующихъ признаковъ. Не зналъ даже той силы, которая приворожила его къ Вѣрѣ. Думалъ, что только влюбленность, только жажда наслажденія влекутъ его къ ней. Любилъ самого себя, тѣлесныя удовольствія, и думалъ, что это и есть прочная основа его поведенія. И не

зналъ, что чужая воля уже господствуетъ надъ нимъ, и не зналъ, куда она его поведетъ. Если бы ему кто-нибудь сказалъ объ этомъ, не повѣрилъ бы онъ, засмѣялся бы.

— Съ бабами всю жизнь возжался, — сказалъ бы, — это вѣрно, а только подъ бабьимъ башмакомъ Горѣлову не улечься.

Не всю-ли жизнь стремленіе къ личному счастію казалось ему самымъ вѣрнымъ закономъ жизни? Онъ никогда не противился этому закону, работалъ для своего благополучія, наслаждался безъ боязни, былъ счастливъ и веселъ. Чтобы его счастіе было безоблачно, старался, чтобы всѣ вокругъ него были довольны. Былъ добръ по расчету, изъ дальновиднаго эгоизма. Всякое иное основаніе морали казалось ему лицемѣрнымъ, противнымъ природѣ измышленіемъ.

Не думалъ онъ и теперь о томъ, чего же она сама хочетъ, Вѣра. И все же иногда покажется ему вдругъ, что Вѣра стоитъ на темномъ порогѣ, глядитъ на него, пріоткрывая тяжелую занавѣсу, и неотступно зоветъ куда-то, — и тягостное предчувствіе начинаетъ томить его. Предчувствіе роковой встрѣчи.

* * *

Соснягинъ и Вѣра сидѣли въ лодкѣ, онъ на веслахъ, она у руля. Легкая ладья быстро скользила внизъ по теченію, по направленію отъ города къ Горѣловской усадьбѣ и фабричному поселку, держась ближе къ противоположному, правому берегу Волги.

Ночь свѣтлая, лунная была, теплая, молчаливая. Полная луна надъ лѣсами лѣваго берега Волги стояла невысокая. Казалось, луна медлила всплыть выше по небосклону, отойти далеко отъ милой земли, отъ мглистой долины. Влажныя благоуханія доносились съ лугового пологаго берега, гдѣ днемъ весело косили, а теперь только кое-гдѣ виднѣлись слабые въ дали огоньки двухъ-трехъ разложенныхъ косцами или рыбаками костровъ. Свѣтъ луны словно былъ слитъ съ легкими мглисто-серебристыми мерцаніями, и манилъ взоръ къ доламъ, и не хотѣлось усталыми за день глазами пересчитывать звѣзды, такія въ ту ночь блѣдныя, печальныя и далекія, словно забытыя всѣми. Струйки бѣжали за плавными веслами, и такъ лепетали и журчали, словно плакали смѣючись или смѣялись плачемъ серебристымъ. Съ запада, съ луговъ порою долетали теплые, сильные вздохи, точно кто-то непомѣрно-сильный ровно дышалъ тамъ на воду, такъ ровно, чтобы ни одна не всколыхнулась въ рѣкѣ зеленоволосая русалка, волною рѣзвою не прокинулась-бы.

Соснягинъ, исподлобья глядя на Вѣру, тихо сказалъ:

— Невеселая ты что-то сегодня, Вѣра. О чемъ печалишься?

Голосъ его звучалъ низко и глуховато. Вѣра почувствовала внезапный тонкій и острый уколъ въ душу, — томленіе, похожее на визгливый плачъ недоброй совѣсти. Замолчи, неотвязная! Ты маленькая, ты — завистливая, ты объ одномъ жалѣешь, а я должна донести мой кресть.

Покачала головою, засмѣялась, сказала:

— О чемъ же мнѣ печалиться, Глѣбушка? Пока я съ тобою, мнѣ хорошо. Только люби меня, люби покрѣпче, и вѣрь.

— Я тебѣ вѣрю, Вѣра, — отвѣчалъ Соснягинъ.

Вѣра опять покачала головою. Сказала:

— Охъ, ужъ и не знаю я, кто кому теперь вѣрить умѣетъ. Всѣ боятся, что ихъ обманутъ. Развѣ только книжкамъ вѣрятъ да газетамъ. И ты, Глѣбъ, мнѣ вѣришь не по любви своей, а по дѣламъ моимъ. Я тебя не обманываю, ты мнѣ вѣришь.

Соснягинъ усмѣхнулся невесело. Спросилъ:

— А то какъ-же иначе то вѣрить, Вѣра?

Съ такимъ смотрѣлъ на Вѣру недоумѣніемъ, и такое было у него лицо разомъ и разсудительное, и какъ-то по-дѣтски простодушное, что Вѣрѣ захотѣлось и смѣяться, и плакать. Сердце ея шибко забилось, и на глазахъ задрожали слезы, — но руль не дрогнулъ подъ вѣрною рукою. Трепетно и страстно звенѣлъ ея золотой голосъ, когда она говорила:

— Нѣтъ, милый Глѣбушка, ты мнѣ вѣрь и тогда, когда я тебя обманывать стану. Когда весь свѣтъ будетъ меня уличать, ты одинъ мнѣ всетаки вѣрь, и не оставь меня. Если я для всѣхъ стану хуже самой послѣдней собаки, и если даже мать родная отвернется отъ меня, ты мнѣ и тогда вѣрь, ты люби меня, Глѣбъ.

Соснягинъ, мрачно и досадливо хмурясь и неловко подергивая плечами, отвѣчалъ:

— Ну, ты очень многаго хочешь, Вѣра. И я не пойму никакъ, къ чему ты все это говоришь.

Если только шутишь, такъ зачѣмъ такія шутки? Этимъ, знаешь-ли, шутить не годится. А если ты въ правду...

* * *

Вѣра не дала ему кончить. Еще трепетнѣе и звонче звенѣлъ ея голосъ, странно и торжественно разносясь надъ еле плещущеюся водою и какъ бы взлетая изъ мглистой полутьмы земной къ лунѣ внимательной и жуткой. И говорила Вѣра:

— Нѣтъ, желанный мой, Глѣбъ мой милый, по дѣламъ вѣрить, это развѣ вѣра? Такъ и всякій купецъ солидному покупателю вѣритъ, и денегъ впередъ не требуетъ. За любовь любить, это совсѣмъ не любовь. Это — торгъ. Это выгодно для обоихъ. Спокойно, безопасно. Точно въ конторѣ застраховался, — живи, не тужи. Нѣтъ, мой другъ, единственный мой, я такъ хочу: ты люби меня, ты вѣрь мнѣ, если я на тебя съ ножомъ пойду, если я сердце изъ груди твоей на ножѣ моемъ выну. Кровь твою буду пить и веселиться, — и тогда ты меня люби, ты мнѣ вѣрь, что и кровь твою я выпила, и сердце вынула потому, что такъ мнѣ велѣлъ Богъ, который меня создалъ!

Необычайно взволнованная, Вѣра вскочила съ мѣста, подняла руки къ небу, — лодка качнулась, Соснягинъ быстро положилъ весла вдоль борта, и сдѣлалъ движеніе впередъ. Но Вѣра опять сѣла, тяжело дыша. Сказала съ непривычнымъ ей смущеніемъ:

— Богъ знаетъ, что я говорю! Не думай объ этомъ, Глѣбъ. Пора домой.

Вѣра повернула лодку къ берегу. Луна смотрѣла Вѣрѣ прямо въ лицо. Оно казалось теперь очень блѣднымъ. Вѣрины глаза съ неопредѣленнымъ выраженіемъ смотрѣли въ даль. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Потомъ Соснягинъ заговорилъ, и по звуку его голоса было видно, что онъ сильно взволнованъ.

— Хорошо, Вѣра. Какъ ты хочешь, такъ и будетъ. Я не понимаю, къ чему ты это говоришь. Что-то ты задумала. Отъ меня скрываешь. Скажу тебѣ, — это ты напрасно. Но если это тебѣ такъ надо, пусть. Я буду тебя любить, буду тебѣ вѣрить, что бы ни случилось. Только смотри, Вѣра, вотъ ты про ножъ говорила, и про сердце, и все такое. Ну, такія слова на вѣтеръ не говорятся. Знаешь, одно дѣло любить и вѣрить, другое — жить. Кровь, понимаешь, дѣло темное. Въ голову ударяетъ. Пьяное дѣло. Бываетъ, и любя зарѣжешь. Ну, такъ вотъ, ты смотри, я знаю, я вѣрю, что ты предо мною и передъ людьми чиста. Но, видишь-ли, если такъ повернется, что до ножа дойдетъ, такъ ужъ ты рѣжь меня поскорѣе, не то я тебя зарѣжу.

Вѣра тихонько смѣялась. Терпѣливо выслушала медлительную, трудную рѣчь. Потомъ сказала:

— Спасибо, милый, желанный, ненаглядный, Глѣбушка мой родненькій. Ужъ ты меня прости, — шалая я, дикая. Пойми меня, если сможешь, а не сможешь, просто пожалѣй. Хочу

что-то сдѣлать, да ничего не умѣю. Въ сердцѣ много огня, да на мой огонь у жизни вода холодная. А жизни мнѣ вовсе не жаль. Что въ жизни? Только одно, — хоть часъ да мой. Хоть маревомъ, да просіяетъ. Но ты знай, — ты у меня единственный, другого нѣтъ и не будетъ.

— Что будетъ, того мы не знаемъ, — хмуро отозвался Соснягинъ. — Сроковъ не положено. У насъ только то наше, что съ нами, теперь, здѣсь. Ни денегъ, ни счастья въ прокъ, на проценты не запасено. Ни на банки, ни на царство небесное не уповаемъ. Все здѣсь, все теперь. Но зато ужъ то, что есть, пусть никто не отнимаетъ.

* * *

Темный отъ лѣсной тѣни, берегъ казался еще далекимъ, когда дно лодки вдругъ зашуршало по песку. Соснягинъ вогналъ лодку носомъ на берегъ, и хотѣлъ помочь Вѣрѣ выйти, но она уже выбѣжала по неглубокой, теплой водѣ на берегъ.

Порывисто поцѣловала Соснягина. Сказала:

— Не провожай меня, Глѣбъ. Я добѣгу одна. Здѣсь близко.

Соснягинъ оглядѣлся. Разговоръ его такъ взволновалъ, что онъ не думалъ, гдѣ они пристали. Недалеко налѣво отъ этого мѣста втекалъ въ Волгу, широко разливаясь по песку, ручей. Впереди берегъ круто поднимался къ лѣсу. Направо виднѣлась темная груда фа-

бричныхъ зданій, и за ними, далеко по берегу, домики фабричной слободки.

Вѣра проворно побѣжала по песку отъ берега. Ея бѣлая блуза мелькнула въ густыхъ кустахъ на днѣ оврага, гдѣ струился ручей. Соснягинъ вспомнилъ, что тамъ вверхъ по оврагу тропинка выводитъ въ лѣсъ и потомъ къ слободкѣ. Подумалъ:

«Какъ она одна пойдетъ? Еще встрѣтится хулиганъ какой. Къ хозяину на дворъ не забраться, — запоры крѣпки, собаки злы, — такъ дѣвушку оберетъ.»

И поспѣшно пошелъ за нею. Вотъ вотъ сейчасъ догонитъ. Но на тропинкѣ ея не было. Онъ взбѣжалъ наверхъ, въ лѣсъ, крикнулъ:

— Вѣра, Вѣра!

Ночная тишина приглушала голосъ. Ему становилось жутко. Вдругъ онъ подумалъ:

«Да вѣдь она же сказала, добѣгу одна. Бѣжитъ теперь гдѣ-нибудь впереди.»

И быстро пошелъ впередъ, точно необходимо было догнать ее во что бы то ни стало. Длинныя ноги мѣрили узкую тропинку такъ проворно, руки такъ ловко отстраняли набѣгавшія къ лицу вѣтки, что, казалось бы, какъ не догнать вѣдь не на крыльяхъ же летящей Вѣры! Но все было тихо и пусто. Вѣры не было.

Соснягинъ добѣжалъ лѣсною изгибистою тропинкою позади длинныхъ фабричныхъ корпусовъ до рабочей слободки. Здѣсь Вѣра могла пойти или прямо тропинкою по задворкамъ, или повернуть ближе къ рѣкѣ и пройти береговою улицею. На тропинкѣ впереди никого не было видно. За угломъ дома на улицѣ какъ

будто мелькнуло что-то бѣлое на одну секунду, — Вѣра ли пробѣжала? померещилось ли? Соснягинъ бросился туда. Но и на улицѣ никого. Онъ дошелъ берегомъ до самого ея дома. Въ окнахъ было темно. Онъ хотѣлъ было постучаться. Уже взялся за калитку, чтобы войти въ садъ, но вдругъ подумалъ:

«Выходитъ, будто выслѣживаю. А вѣдь только что обѣщалъ, что буду ей вѣрить.»

Постоялъ у калитки, пріоткрылъ ее, посмотрѣлъ на окна. Показалось, что за однимъ изъ оконъ мелькнуло что-то свѣтлое. Подумалъ:

«Можетъ быть, она уже дома. Стоитъ тамъ за окномъ, видитъ, что я тутъ, а сама прячется, ни за что ко мнѣ не выйдетъ, смѣется или плачетъ. Странная она. Не поймешь. Но развѣ она не вольна поступать, какъ хочетъ? Развѣ она — моя собственность?»

Онъ отошелъ отъ калитки. Темное безпокойство томило его. Вычитанныя въ хорошихъ книжкахъ мысли боролись съ этимъ безпокойствомъ. Но живое человѣческое чувство было сильнѣе книжныхъ мыслей.

Соснягинъ не захотѣлъ итти домой. Тихо пошелъ обратно по слободкѣ, по лѣсу. Можетъ быть, Вѣра гдѣ-нибудь свернула въ сторону, запуталась въ темнотѣ, хоть и не великъ лѣсъ, отстала.

* * *

Когда разросшіеся дико и густо кусты скрыли Вѣру отъ Соснягина, она свернула съ дорожки

влѣво, по направленію къ ручью. Пробѣжала нѣсколько шаговъ, остановилась, и прислушивалась. Лицо ея было мрачно. Скоро она услышала быстрые шаги Соснягина по дорожкѣ вверхъ. Тогда она спустилась къ ручью, къ его широкому устью, и по неглубокой теплой водѣ перебѣжала на ту сторону. Въ душѣ ея была стремительная злость, и она чувствовала, что хорошо сыграетъ свою роль тамъ, наверху. Поднимаясь по склону оврага, она усмѣхалась злобно и увѣренно.

Вотъ заборъ, высокій, на-глухо изъ прочнаго теса сколоченный, усаженный поверху длинными, острыми гвоздями. Подъ луною поблескивали гвозди. Вѣра глянула на ихъ узкіе блестки, усмѣхнулась, подумала:

«Хорошо хозяинъ огородился. Коли и взлѣзетъ озорникъ, такъ того и гляди грудью на гвоздь напорется. Пожалуй, Жаръ-Птица залотыя свои яблоки не злѣй берегла!»

Кусты лѣпились къ забору совсѣмъ близко. Приходилось пробираться, отклоняя длинныя, упругія вѣтки. Въ глухомъ, закрытомъ отовсюду мѣстѣ Вѣра увидѣла глухо замкнутую невысокую калитку, и въ ней темнѣлъ желѣзный наличникъ замка, узкій и высокій, съ дужкою тяги. Вѣра вынула изъ кармана тяжелый ключъ, отомкнула калитку, вошла въ садъ, оглядѣлась. Она стояла на нешерокомъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ глубокій ровъ. Вмѣсто перилъ были два каната, наклонно идущіе отъ колецъ въ настилкѣ мостика у калитки къ двумъ круглымъ столбамъ на берегу. Очевидно, мостикъ былъ подъемный. Ровъ

шелъ въ обѣ стороны вдоль забора. Дно его было усѣяно острыми камнями.

Вѣра прошла мостикъ, оглянула столбы. Канаты были пропущены черезъ блоки, укрѣпленные подъ массивными воротцами изъ желѣза на верхахъ столбовъ. На концахъ канатовъ висѣли тяжелые желѣзные противовѣсы. Вѣра потянула канаты обѣими руками, — мостикъ слегка приподнялся. Она разсмѣялась.

— Такъ, такъ, такъ, — сказала она вслухъ себѣ самой.

И дотянула мостикъ до столбовъ. Противовѣсы опустились въ желѣзныя гнѣзда въ землѣ. Тогда Вѣра увидѣла желѣзные болтики, и задвинула ими противовѣсы. Прочно!

На песочныхъ дорожкахъ, на густо-разросшихся кустахъ лежалъ ровный, ясный, неяркій, и все же волнующій и тревожащій свѣтъ полной луны. Онъ былъ такой настойчивый, чуткій и внимательный, какъ будто это кто-то странный и чужой непомѣрно-ясными глазами неотступно смотрѣлъ на землю. И, когда Вѣра пошла прямо впередъ по дорожкѣ, въ концѣ которой виднѣлось строеніе, ей было жутко, точно изъ-за каждаго куста глядѣли таящіеся, и со всѣхъ вѣтвей тянулись незримые.

* * *

Съ невысокой лѣстницы въ четыре ступеньки сошелъ навстрѣчу Вѣрѣ Горѣловъ. Лицо его было блѣдно и взволновано. Зоркая Вѣра увидѣла на его лбу капли пота. Горѣловъ громкимъ полушопотомъ спросилъ:

— Это — ты, Вѣра?

Вѣра отвѣчала громко и звучно, совсѣмъ не тая отъ ночи своего голоса:

— Крѣпко огородились, а я все-таки пришла.

Горѣловъ заговорилъ торопливо:

— Ну, иди, иди въ домъ, да потише говори, ночью голосъ далеко слышно. Ты калиткой стукнула, я услышалъ.

Вѣра молча усмѣхнулась, и вслѣдъ за Горѣловымъ вошла въ домъ. Занавѣсы были опущены, и брошенный голубыми раковинами отражателей вверхъ свѣтъ электрическихъ лампочекъ въ люстрѣ, освѣщавшей комнату направо отъ проходной, куда они вошли, былъ невиденъ наружу. На столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью, стояло серебряное ведерко съ погруженною въ ледъ бутылкою, разставлены были хрустальныя вазы, серебряныя блюда и судочки съ фруктами, тонкими снѣдями и острыми приправами, стопочками тарелки разной величины, два широкіе на длинныхъ ножкахъ бокала, и лежали серебряные ножи, вилки, ложки. По обѣ стороны ведерка со льдомъ стояли два высокіе кувшина съ бѣлыми розами. Розы стояли и на каминѣ передъ зеркаломъ,—два кувшина, — и на столикѣ въ углу, — еще одинъ.

Горѣловъ усадилъ Вѣру на диванъ у стола, самъ сѣлъ въ кресло. Смотрѣлъ на Вѣру, и не зналъ, что сказать. Волновался, какъ неопытный юноша. Потеребилъ длинный темнолиловый галстукъ; вытащилъ изъ кармана часы, но забылъ посмотрѣть на нихъ; зачѣмъ-то заглянулъ подъ столъ. Потомъ вдругъ сорвался съ мѣста, и принялся угощать Вѣру.

Она почувствовала, что ей хочется ѣсть. Если бы сейчасъ домой попала, разыскала бы чего ни есть въ прикрытой русской печи, — щи, еще теплые, — или въ столѣ на кухнѣ — хоть хлѣба кусокъ, — или въ погребѣ молока. Теперь ей было пріятно ѣсть совсѣмъ непохожее на щи, на гречневую кашу, на пирогъ съ ливеромъ, на студень изъ телячьихъ ножекъ, на селедку, на всѣ простыя домашнія снѣди, а то вкусное и разнообразное, что подкладывалъ ей Горѣловъ, мѣняя для нея тарелки. Можетъ быть, и потому, что ѣда отодвигала другое, для чего она пришла сюда, и что было совсѣмъ не то, зачѣмъ пришелъ сюда Горѣловъ.

Но вѣдь Горѣловъ вправѣ думать о ней, какъ хочетъ. Вѣдь она таки пришла къ нему, и этимъ дала ему поводъ приписывать ей тѣ свойства, которыхъ въ ней не было, но которыя ему сподручны. Какъ знать, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ соками господскихъ кушаній войдутъ въ нее тонкія отравы, которыя дѣлаютъ однихъ людей забавою для другихъ. Горѣловъ это знаетъ, и подходитъ къ ней смѣло и просто: забавляй, молъ, и вся недолга. Съ барышнею своего круга онъ былъ-бы гораздо осторожнѣе. Другой былъ бы подходъ.

* * *

Эти мысли были непріятны Вѣрѣ. Будили въ ней злость, взрощенную трудною жизнью, разожженную разговорами и книжками. Вѣра сказала почти рѣзко:

— Вкусно все. Сразу видать, дорогое. Мы такого и не видывали. Какъ и назвать, не знаемъ. Подѣлились люди по-братски: одни много работаютъ, другіе вкусно ѣдятъ.

Вѣринъ голосъ звучалъ слишкомъ громко для небольшой комнаты. Она почувствовала это, и кончила тише:

— То-то вотъ и сказано: люди-братья.

И почему-то припомнила при этомъ дѣвочку, дочь Разина, ея милую и наставительную рѣчь.

Горѣловъ отвѣчалъ беззаботнымъ голосомъ:

— На всѣхъ не хватитъ, Вѣрочка. Да не всякому и по носу. Ты — красавица. Захочешь, богато будешь жить, красиво одѣваться, вкусно ѣсть, сладко пить.

— Только о томъ и думать! — пренебрежительно сказала Вѣра.

Темно-синіе обои, глубокіе синіе тона драпировокъ и голубовато отраженный отъ потолка разсѣянный свѣтъ успокоительно дѣйствовали. Вино, холодное и сладкое, навлекало тоже спокойныя, дремотныя настроенія. Вѣра подумала:

«Такъ вотъ и приманиваются дуры!»

Другія, не она. Въ ней надъ успокоенностью, навѣваемою томностью обстановки, все время возносилось раздраженіе. Будоражились нервы сплетеніемъ тревожащихъ запаховъ, — тонкій дымъ дорогой сигары, испареніе пряныхъ, изысканныхъ яствъ, дыханіе бѣлыхъ розъ въ высокихъ узкихъ кувшинахъ, — все это безпокоило, злило Вѣру. Волновало и то, что все это, что должно быть во власти человѣка, это,

купленное на деньги, такъ на нее дѣйствуетъ, какъ будто имѣетъ власть надъ ея душою. Она казалась себѣ уже зараженною, заболѣвающею. Захотѣлось сбросить съ себя поскорѣе власть этого злого очарованія. Для нея въ той игрѣ, которую она здѣсь затѣяла, не могло быть отдыха и передышки.

Остро и внимательно посмотрѣла Вѣра на Горѣлова, и спросила:

— Зачѣмъ вы меня позвали? Вы хозяинъ, я — работница, вы университетъ прошли, я двухклассную школу кончила. Что вамъ со мною?

Горѣловъ говорилъ разнѣженнымъ голосомъ:

— Ужъ больно ты хороша! Какъ увидѣлъ я тебя тогда въ лѣсу, мила ты мнѣ стала, не могу сказать, до чего.

— Вы меня совсѣмъ не знаете, — говорила Вѣра, — разъ увидѣли, влюбились, поиграете мною, и бросите. А у меня женихъ есть.

— Женихъ — не мужъ, — отвѣчалъ Горѣловъ. — Сегодня милый, хорошій, а завтра прощайте до свиданья, — очень даже просто.

* * *

Вѣра засмѣялась. Сказала:

— Ну вотъ я пришла. Любопытно было знать, что-то вы мнѣ говорить будете. Какъ богатые господа про любовь объясняютъ, — занятно слушать. Поди, и жить безъ меня не можете? Только и радости въ жизни, что я?

— Не смѣйся, Вѣра! — крикнулъ Горѣловъ. — Ты сама сюда пришла, а теперь мы здѣсь съ тобою одни.

Почувствовалъ, что сказалъ лишнее. Не зналъ, какъ поправить. Держалъ себя за галстукъ, и натянуто улыбался. Прошла медлительная минута молчанія.

Вѣра спросила очень тихо:

— Не боитесь?

И отвела взоръ въ сторону, точно спрятала отъ Горѣлова слишкомъ мрачный огонь глазъ. Горѣловъ спросилъ:

— Чего мнѣ бояться?

И захохоталъ. Послѣ тяжелыхъ волненій послѣднихъ дней теперь ему стало легко и пріятно. Вначалѣ, когда онъ только-что увидѣлъ Вѣру, отъ волненія стало трудно дышать, и сильно кололо сердце. Теперь спокойная близость Вѣры обратила его волненіе въ глубокую радость, а холодное вино разлилось веселостью по всему тѣлу, и дѣлало ровною и сильною слегка ускоренную работу сердца.

Выждавъ, когда Горѣловъ пересталъ хохотать, Вѣра тихо сказала:

— Можетъ быть, я ножъ принесла.

Горѣловъ беззаботно и весело спросилъ:

— Ой-ли? зарѣзать меня хочешь?

— Не васъ, себя, можетъ быть, зарѣжу, — все такъ же тихо говорила Вѣра. — Врагъ всегда готовъ завладѣть душою, близко стоитъ, змѣиныя рѣчи шепчетъ, — долго-ли до грѣха? Бога, скажете, вспомнить надо? Такъ вѣдь я — заклинательница змѣй? А когда со змѣемъ перевѣдаться захочешь, такъ Отче нашъ чи-

тать не приходится. Не одолѣешь змѣя, сунетъ ножъ въ руку, всадишь себѣ въ сердце.

Горѣловъ нахмурился, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Вѣру. Вести печальные разговоры, — развѣ онъ за тѣмъ сюда пришелъ? Онъ сказалъ:

— Я тебѣ ничего худого не сдѣлаю, зачѣмъ тебѣ рѣзаться! Меня полюбишь, на всю жизнь счастлива будешь.

Вѣра засмѣялась, и смотрѣла на Горѣлова вдругъ засверкавшими глазами. Говорила весело:

— Слышала я отъ кого-то, что въ старые годы такіе купцы были, — навезутъ имъ изъ Индіи слишкомъ много рису, или корицы, или кофе, такъ они половину товара, а то и больше, возьмутъ да и сожгутъ, чтобы цѣна не упала. Вотъ такъ купцы были! Сами свой товаръ жгли, только бы его по дешевымъ цѣнамъ не пустить въ продажу, — а то, пожалуй, и бѣднота привыкнетъ къ заморскимъ сладостямъ, потомъ изъ-за дорогого кофе шумѣть станетъ.

— Къ чему это ты? — спросилъ Горѣловъ, улыбаясь ея веселымъ глазамъ.

— А къ тому, — отвѣчала Вѣра, — что и я, какъ такой купецъ. У насъ бѣдныхъ дѣвушекъ, товаръ — дѣвичья честь, а у иныхъ изъ насъ и болѣе рѣдкій товаръ — красота. Пожалуй, иногда и не плохо товаръ уничтожить, чтобы цѣна ему была выше.

Засмѣялась и смотрѣла на Горѣлова упоенно-дерзкими глазами. Горѣловъ взволнованно заговорилъ:

— Твой товаръ и такъ дорогъ. Все за него отдамъ, ничего не жаль.

— Какъ въ пѣснѣ поется? — смѣючись сказала Вѣра и пропѣла:

Все отдамъ, не пожалѣю,
Буйну голову отдамъ, —
Раздается голосъ звонкій
По окрестнымъ берегамъ.

А потомъ дразнящимъ голосомъ:

— Такъ вѣдь то разбойничья пѣсня, Стенькина, не купеческая. Про нашего брата поется.

Горѣловъ говорилъ:

— Ты пойми, красавица, — для чего мы на свѣтѣ живемъ? Для счастья, для радости. Милѣе радости, счастья, ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Онъ говорилъ это такъ убѣжденно и наивно, точно первый разъ въ жизни извѣдалъ это простое влеченіе къ простой радости. Вѣра низко опустила голову, и сказала:

— Счастье — радость! Есть еще счастье, — крестъ! Взвалилъ на плечи, да и не знаешь, донесешь-ли. А донести надо, нельзя бросить. И не знаешь, Христовъ это крестъ, или безпятый озорничаетъ. Голова закружится отъ такого счастья.

Горѣловъ кричалъ:

— Ты головы-то не вѣшай. Пей, красавица, пей.

И торопливо, проливая золотое вино на бѣлый снѣгъ скатерти, долилъ ея бокалъ, пока усталая пѣна, слабо шипя, не сравнялась съ краями.

* * *

— Иванъ Андреевичъ, — вдругъ сказала Вѣра, — а вѣдь у васъ жена есть!

— Я ей дамъ разводъ, — сказалъ Горѣловъ. — Я ее не стою. Она — хорошая, славная, добрая. Я весь вѣкъ ее обманывалъ. Легкое у меня сердце, измѣнчивое. Люблю красавицъ, и теперь, какъ въ молодости.

Вѣра нахмурила тяжелыя брови. Сказала:

— Другихъ бросали, и меня бросите.

— Ну, чтожъ, что бросалъ! — отвѣчалъ Горѣловъ. — На меня ни одна пожаловаться не можетъ, ни одну не обидѣлъ.

— Бросили, вотъ и обида, деньгами не искупишь, — возразила Вѣра.

— Ты у меня будешь послѣдняя, — сказалъ Горѣловъ.

Сказалъ и задумался, словно завороженный печалью своихъ же словъ. Съ минуту посидѣли молча. Потомъ Вѣра заговорила съ непривычною для нея медлительностью:

— Иванъ Андреевичъ, на дняхъ вы мнѣ дали золотую монету. Думаете, я ее сберегла? Нѣтъ. Она теперь тамъ лежитъ, на днѣ Волги.

Вѣра повела головою и рукою въ ту сторону, гдѣ слышалось далекое пыхтѣніе буксирнаго парохода. Горѣловъ посмотрѣлъ на нее внимательно. Удивленіе мелькнуло на его лицѣ, и тотчасъ же смѣнилось выраженіемъ спокойнаго пониманія. Онъ сказалъ:

— Да, ты — царица. Что тебѣ эта монетка! Я тебѣ все отдамъ.

Вѣра усмѣхнулась. Сказала:

— У васъ есть дѣти.

Горѣловъ ударилъ кулакомъ по столу. Гнѣвно крикнулъ:

— Николай отъ меня копейки не получитъ! Я его знать не знаю, мнѣ до него дѣла нѣтъ.

— Какъ же сыну-то родному ничего не дать! — съ легкою усмѣшкою сказала Вѣра.

Горѣловъ гнѣвно говорилъ:

— Онъ у матери денегъ вымогалъ на пьянство, на непотребство, — ну, да не въ этомъ мнѣ его винить, — а вотъ что гнусно: мать ему денегъ не дала, такъ онъ ко мнѣ пришелъ, на родную мать донесъ, такъ о родной матери говорилъ, какъ самый послѣдній человѣкъ, самый пропащій про мать свою запнется сказать. Мерзокъ онъ мнѣ! Не хочу я о немъ думать, ему свое добро оставлять. Пусть самъ себѣ добываетъ деньги, какъ знаетъ.

— А Милочка? — съ тою же усмѣшечкою спросила Вѣра.

Весь гнѣвъ сникъ съ души и съ лица Горѣлова. Его глаза стали веселы, и улыбка ласкова. Онъ погладилъ Вѣру по рукѣ, и сказалъ разнѣженнымъ, умиленнымъ голосомъ:

— Что Милочку вспомнила, спасибо. А только Милочкѣ денегъ не надо. Она всѣ раздастъ. Я ей пожизненную ренту оставлю, чтобы жила-не нуждалась, а раздать денегъ не могла-бы. И Любови Николаевнѣ тоже. Умру, — все твое будетъ. Только теперь полюби меня.

* * *

Вѣра покачала головою. Промолвила со страннымъ, нѣсколько дикимъ воодушевленіемъ, — какъ бы отголосокъ того волненія, тамъ въ лодкѣ, съ нимъ:

— Я бы вамъ эти слова сказать должна! Вы меня полюбите, вы мнѣ повѣрьте, вы сдѣлайте все, что я захочу!

— Я съ тобою не торгуюсь, Вѣра, — гордо, страстно и наивно отвѣчалъ Горѣловъ. — Бери, что хочешь. Хочешь, сейчасъ тебѣ чекъ напишу на милліонъ?

— Мнѣ ничего не надо, — сказала Вѣра.— Ни копейки не надобно. Но вы все-таки все должны отдать. Не мнѣ, вашимъ рабочимъ. На нихъ подпишите завѣщаніе, тогда со мною, что хотите, дѣлайте.

Она сказала это спокойно, почти холодно. Но Горѣловъ зажегся радостью и восторгомъ. Бросился къ ней. Она отстранила его суровымъ взоромъ и движеніемъ руки. Встала съ мѣста. Сказала:

— Я полюблю васъ за эту щедрость. А теперь что вы отъ меня можете хотѣть? Вѣдь мы съ вами и не знаемъ другъ друга. Сдѣлаемте вмѣстѣ хоть какое-нибудь дѣло. Это будетъ доброе дѣло, если вы такъ напишете завѣщаніе, что ваши фабрики, дома, деньги, все перейдетъ къ вашимъ рабочимъ. Сдѣлайте это какъ можете скорѣе, и потомъ завѣщаніе отдайте мнѣ. А для жены и для Милочки оставьте пожизненное пособіе, чтобы рабочіе имъ выплачивали.

Замолчала, и смотрѣла на Горѣлова. Онъ взялъ свой бокалъ, допилъ вино. Спросилъ:

— А ты? А тебѣ?

Вѣра усмѣхнулась. Сказала:

— Мнѣ ничего не надобно. Я ничего не возьму. Только листъ бумаги, — больше ничего.

— Ну и дѣвка! — бормоталъ Горѣловъ. — Приказывай, и больше никакихъ. Однако, товарищи тебя обжулятъ.

— Это ихъ дѣло, — спокойно возразила Вѣра.

— Имъ пальца въ ротъ не клади, — говорилъ Горѣловъ. — Да и какъ ни верти, что на твою долю останется? Сущіе пустяки.

— Это — мое дѣло, — такъ же спокойно возразила Вѣра. — Да и не такъ ужъ мало.

— Будто не мало? — спросилъ Горѣловъ. — Ужъ не сосчитала-ли, сколько? Какъ, копейками счетъ вести надобно, или ужъ сразу милліонами?

Вѣра обвела глазами уютъ и роскошь здѣшняго покоя, и сказала тихо:

— Вся прибавочная стоимость намъ останется.

Горѣловъ захохоталъ.

— Нѣтъ, красавица! — весело закричалъ онъ, — прибавочную стоимость только настоящій хозяинъ взять умѣетъ. У товарищей она дымомъ по вѣтру развѣется. Развалятъ дѣло твои товарищи. Да ты не сомнѣвайся, — сдѣлаю, какъ хочешь.

* * *

Горѣловъ потянулся съ бутылкою налить Вѣрѣ вина, но Вѣра отодвинула бокалъ, рѣшительно поднялась изъ-за стола, и сказала:

— Ну, я пойду, до свиданья, Иванъ Андреевичъ. За угощенье спасибо, за ласковую встрѣчу — втрое.

Протянула Горѣлову руку; улыбнулась такъ ласково, точно солнце взошло; спросила:

— Когда за бумагой-то приходить?

Горѣловъ побагровѣлъ, задрожалъ. Вскрикнулъ отчаянно и наивно:

— А сегодня-то, развѣ такъ и уйдешь? Хоть-бы разокъ поцѣловала, чтобы мнѣ крѣпче помнить.

Вѣра покачала головою.

— Въ тотъ разъ, — сказала она. — Теперь домой надо. Вернуться, пока мама не проснулась. Она думаетъ, что я съ женихомъ по Волгѣ покататься ушла. А я вонъ куда залетѣла, — въ высокія хоромы. Когда притти?

Горѣловъ мрачно смотрѣлъ на нее. Да ужъ видно, она не уступитъ. Что разъ сказала, на томъ и стоитъ. Онъ сказалъ:

— Будь по-твоему, Вѣра. Вотъ въ городѣ у нотаріуса побываю. Потороплю, какъ можно. Когда будетъ готово, скажу черезъ Шубникова. Или нѣтъ, что его лишній разъ путать!

— Да, лучше безъ господина инженера, — сказала Вѣра. — Вы такъ мнѣ знакъ подайте.

— Хорошо, —отвѣчалъ Горѣловъ. —Вотъ мы какъ сдѣлаемъ. Пока завѣщаніе не будетъ готово, я на фабрику и не загляну. А тогда пріѣду на фабрику, пройду по всѣмъ отдѣленіямъ, — въ ту ночь ты сюда и приходи.

Вѣра молча наклонила голову, и пошла къ выходу. Горѣловъ шелъ за нею; непривычная для него робость сковывала его, и онъ ждалъ,

что вотъ она повернется къ нему, засмѣется и поцѣлуетъ его. Онъ смотрѣлъ на нее жадными глазами. На порогѣ она пріостановилась, посмотрѣла на него. Онъ вздрогнулъ, и глаза его призакрылись, словно ихъ ослѣпилъ солнечный свѣтъ. Стройная и высокая, она стояла, какъ царица, переодѣтая, развѣнчанная, забывшая сама свое помазаніе, но не забывшая каждымъ своимъ движеніемъ опрокидывать чахлую мечту о равенствѣ людей. Горѣловъ передъ нею казался неуклюжимъ толстякомъ, настоящимъ плебеемъ. Она опять пожала его руку сильною, теплою рукою, и сказала:

— Ну, такъ буду ждать. Смотрите, не обманите. А не то я со дна Волги вашъ золотой достану, и вамъ его принесу. Приду ночью съ мокрыми косами, холодная да зеленая, скажу: — Ну вотъ, теперь берите меня даромъ. Только вы тогда, пожалуй, не обрадуетесь.

— Злая ты, Вѣра! Зачѣмъ такъ шутить? — съ упрекомъ говорилъ Горѣловъ. — Я, что сказалъ, то сдѣлаю. Ты меня не обмани.

Вѣра вышла на крыльцо, окунулась въ теплую лунную ночь, спустилась на дорожку. Походка ея была тяжелая и звучная, точно тяжесть роковая огрузла на ее плечахъ, загорѣлыхъ, солнечныхъ, желанныхъ. Горѣловъ шелъ за нею. Говорилъ:

— Ахъ, Вѣра, Вѣра, кто тебя создалъ, Богъ или чертъ?

Вѣра засмѣялась, оглянулась на него, сказала весело:

— Видно, оба поработали не мало. Одинъ-то изъ нихъ посильнѣе бываетъ, что одинъ натво-

ритъ, то все другой на свое переставитъ. Потому и говорятъ добрые люди: вражье лѣпко, да Божье крѣпко. А злые люди знаете, какъ говорятъ?

— Какъ? — спросилъ Горѣловъ.

Спросилъ только потому, что она замолчала. Вслушивался не столько въ слова, сколько въ золотые звоны голоса. Вѣра отвѣчала:

— Злые люди говорятъ: далъ Богъ денежку, а чертъ дырочку, и ушла Божья денежка въ чертову дырочку.

Ахъ, что всѣ его деньги, фабрики, дома, экипажи, сады, все, нажитое годами! Все бы отдалъ, бросилъ бы черту въ пасть, только бы обладать тѣломъ и душою красавицы. Но темна, темна душа, надменно закрытая, — и ужъ впрямь не адомъ-ли она порождена ему на погибель? Но и погибнуть не страшно, только бы взять ее хоть на минуту. Хоть на часъ, — больше вѣдь ничего и не нужно усталому сердцу. Вотъ и теперь оно опять тяжело бьется въ груди, и точно кто-то жестокій нѣтъ-нѣтъ да и кольнетъ его острымъ концомъ ножа, — вотъ, кажется, ударитъ посильнѣе, и конецъ.

Горѣловъ безсильно опустился на скамейку. Смотрѣлъ, какъ въ предутреннемъ неясномъ свѣтѣ уходила, мелькая бѣлою одеждою, Вѣра. Прислушивался къ ея внятной походкѣ и къ скрипу песчинокъ подъ ея ногами. Сквозь тяжелое біеніе сердца услышалъ, какъ заскрипѣли блоки, какъ стукнула объ устой настилка моста, какъ щелкнулъ затворъ замка въ калиткѣ. Улыбнулся слабо, — догадался, что Вѣра высмотрѣла весь хитрый механизмъ. Потомъ

кое-какъ дотащился до приготовленной въ домикѣ постели. Такъ былъ углубленъ въ себя, что не обратилъ вниманія на лампы въ столовой, — и электрическій равнодушный свѣтъ всю ночь ровно лился въ оставленную людьми комнату.

Снимая жилетъ, Горѣловъ нащупалъ стеклянную трубочку съ бромураломъ. Проглотилъ одну за другою три таблетки, легъ, и пролежалъ въ тяжеломъ полузабытьи нѣсколько часовъ, до поздняго утра.

* * *

Свѣтало. За Волгою поблѣднѣвшая на западѣ низко стояла луна. Трава и кусты нѣжились въ росѣ холодной, упруго осыпавшей каждый листокъ. Вѣра осторожно спустилась къ ручью. Кто здѣсь могъ встрѣтиться въ этотъ ранній часъ? Дорога въ городъ шла гораздо выше. Но Вѣра чутко прислушивалась. Не думала, — такъ просто знала, что будетъ встрѣча, которой теперь не надо. Избѣгала этой встрѣчи съ безсознательною осторожностью лѣсного звѣря. А въ воображеніи становился все яснѣе образъ жениха, — любимый, и такой теперь страшный, и отъ этого еще болѣе, до боли сердечной, любимый.

Но что жъ ей дѣлать! Вѣдь теперь уже она не принадлежала себѣ. Загадка жизни, которую она разгадала вотъ такъ, вынуждала ее до конца пройти всю сѣть созданнаго ею лабиринта. И то, что еще вчера было только ея

замысломъ, ея волею, ея мечтою несбыточною, вотъ такою, какъ если бы ребенокъ захотѣлъ взять луну съ неба, — это теперь овладѣло ею, какъ чужая властная воля, и ведетъ, и не отпуститъ. Заклинательница сама зачарована, и никто ее не расчаруетъ. Луна, склоняясь и убѣгая, ворожитъ надъ нею, и напоминаетъ ей предсказанія знающаго, бѣлую заворожившаго чаровницу нагую.

Мечта, которая еще вчера была случайною гостьею причудливой души, въ это медленно свѣтающее утро, подъ этимъ жемчужно-голубымъ, опалово-поблѣднѣвшимъ небомъ, стала чудовищною химерою, и угнѣздилась на ея плечахъ, — о, эти плечи крѣпки и сильны! — и подъ настойчивый шепотъ яроглазой, стремительно-крылой химеры возрастаютъ буйно ея надежды, ея желанія, но и ея страхи. Потому-что и сильная душа умѣетъ бояться, и, можетъ быть, даже сильнѣе, чѣмъ слабая, — слабая гаситъ огонь грозы въ слякоти слезъ, сильная испепеляется.

Предчувствіе Вѣры скоро сбылось. По ту сторону ручья раздался невнятный шорохъ. Вѣра быстро подалась назадъ, опустилась на рѣдкотравную сырую землю за кустомъ, охватила колѣни руками, слушала. Да, шелъ кто-то. Вѣра, пригибаясь лицомъ къ колѣнямъ, смотрѣла изъ-за вѣтвей. Въ неясномъ свѣтѣ двигался изъ кустовъ сверху кто-то длинный и тонкій, — онъ.

Онъ спускался по тропинкѣ въ слегка туманившуюся ложбину, неловко задѣвая сутулыми плечами кусты. Они сыпали на него крупныя

капли росы, и онъ поеживался, когда роса падала на его лицо, но, повидимому, не примѣчалъ росныхъ брызговъ и холода росного. Подошелъ къ самому ручью. Постоялъ, огляделся во всѣ стороны. Лицо неясно видно было Вѣрѣ, но во всѣхъ движеніяхъ пришедшаго сказывалась растерянность, простодушное недоумѣніе.

Милый, милый! Выйти бы, засмѣяться, разговорить, утѣшить. Вѣра знала, что сумѣетъ сказать слова, которымъ онъ повѣритъ. Да какъ выйти? Онъ можетъ замѣтить, что отъ нея пахнетъ виномъ.

Вѣрѣ хотѣлось и плакать, и смѣяться.

Вотъ онъ пошелъ внизъ, къ Волгѣ, сутуля плечи, неловкій и смущенный. Что-жъ, такъ всю ночь и проходитъ? И потомъ прямо на работу? Нѣтъ, во что бы то ни стало надо итти къ нему. И неужели она боится? А если боится, развѣ нѣтъ въ душѣ человѣка хитрости, и на языкѣ лукавыхъ словъ, сладкихъ, обманчивыхъ, и чужому слуху невинныхъ, чистыхъ, какъ вода въ ручьѣ текучая?

Въ бродъ не итти, — зашумишь, заплещешь. Да и близко, можетъ увидѣть. Тамъ повыше есть мостъ черезъ ручей. Вѣра проворно поднялась, перешла черезъ мостъ, потомъ сбѣжала къ берегу, опустилась на колѣни на влажную глину и рѣдкую колючую траву, и приникла губами къ водѣ. И тогда вдругъ почувствовала, какъ ея губы горячи и сухи.

Близко отъ ея глазъ бѣжали чистыя, прозрачныя, холодныя струи. Бѣжали, смѣялись. Ея голова слегка кружилась, и отъ этого Вѣрѣ казалось, что и она несется въ какомъ-то лег-

комъ потокѣ. Вдругъ почувствовала она себя легко взвѣшенною вещью, уже не собою, легкою, легкою вещью, съ которою кто-то сильный сдѣлаетъ все, что захочетъ.

* * *

Вѣра неторопливо вышла на тропинку, и спустилась къ берегу. Соснягинъ шелъ обратно, понуро глядя себѣ подъ ноги, приподнявши худыя, широкія плечи. Вѣра остановилась, окликнула его:

— Глѣбъ!

Онъ поднялъ глаза. Остановился передъ Вѣрою, удивленный. Спросилъ:

— Ты откуда, Вѣра?

Голосъ его звучалъ глухо, и глаза блестѣли остро. Лицо казалось вдругъ осунувшимся и поблѣднѣвшимъ. Вѣра отвѣчала вопросомъ:

— А ты откуда? Я-то надъ ручьемъ сидѣла, на луну неживую глядѣла, змѣиный шипъ слушала, да сказки змѣиныя хитрыя.

— Какія сказки? — хмуро спросилъ Соснягинъ. — Заснула, что-ли, подъ кустомъ?

— Можетъ быть и заснула, — улыбчиво отвѣтила Вѣра. — Приползла змѣя, говорила мнѣ, что три тысячи лѣтъ тому назадъ я была рабою въ землѣ Египетской, куплена была золотомъ, и плясала передъ господиномъ среди змѣй шипящихъ и жалящихъ. Шесть лѣтъ рабою была, на седьмой годъ подарилъ мнѣ господинъ много скота, и хлѣба, и вина, и отпустилъ на волю. А на что мнѣ подарки господина? Все продала, купила себѣ тканей

сидонскихъ, и нарядовъ, и масла благоуханнаго, и домъ купила. Каждый вечеръ на порогъ выходила, друга милаго ждала, тебя, Глѣбушка. До восхода солнца просидѣла бы, домой итти не хотѣлось, да шаги твои услышала, ушла отъ ручья, отъ змѣинаго шипа.

И думала:

«Ушла, да не далеко. Ушла, да не на долго.»

Соснягинъ пристально смотрѣлъ на Вѣру. Самыя разнообразныя чувства смѣнялись въ его душѣ, бросая его отъ свѣтлой радости къ темному недовѣрію. Не могъ разобраться въ своей душѣ, — все въ ней было раскидано, какъ въ неубранной горницѣ, гдѣ похозяйничалъ чужой, проказливый, безъ хозяина, и всѣ внѣшнія впечатлѣнія рождали только неясные и глухіе отзвуки. Онъ сумрачно сказалъ:

— Я думалъ, ты домой побѣжала. Пошелъ за тобою, нигдѣ тебя не видѣлъ. Побоялся, не случилось-ли съ тобой чего. Всю ночь по лѣсамъ прогуливаться, — а что мать подумаетъ?

Вѣра усмѣхнулась. Сказала:

— И правда, пора домой итти. А мама спитъ. Знаетъ, что я съ тобою, и не тревожится.

Взяла Соснягина подъ руку, и пошла съ нимъ вверхъ по узкой тропинкѣ. Тѣсно къ нему прижалась. Говорила:

— Безъ тебя и домой итти не хотѣла, — хотѣла, чтобы ты меня поискалъ за кустами, вѣрила, что придешь за мною.

— Я могъ-бы и не притти. Въ прятки играть и днемъ можно, — сурово сказалъ Соснягинъ.

Вѣра еще тѣснѣе прижалась къ нему. Улыбалась дразнящею улыбкою, грѣшною. Говорила нѣжно, звонко и ласково, будя ночную, лѣсную дремоту:

— Играешь, пока играть хочешь. Хочешь, вѣришь, — вотъ и играешь. Такъ-то вотъ, миленькій дружочекъ!

Сурово нахмурились брови Соснягина, но сердце его уже было разнѣжено любовью и ласковою жалостью къ Вѣрѣ. Онъ думалъ, что она мечется и тоскуетъ, охваченная огнемъ еще неудовлетворенныхъ желаній.

«Чего мы валандаемся! — думалъ онъ. — Сходить къ попамъ, окрутиться, да и дѣло съ концомъ.»

И сказалъ:

— Чего ждемъ, Вѣра? Всегда чего-нибудь не хватать будетъ. Всего не прикупишь. Вѣнчаться надо.

— По мнѣ хоть завтра, — отвѣчала Вѣра, — маменька все придумки придумываетъ, того нѣтъ, другого не хватаетъ.

— Не знаю, чего ей тянуть, — сказалъ Соснягинъ. — Вѣдь я ужъ говорилъ ей, что согласенъ въ вашъ домъ перейти. У меня же никого нѣтъ.

— Боится, что опять раздумаешь, — возразила Вѣра.

Соснягинъ сердито нахмурился.

— Разъ, что я сказалъ, такъ и сдѣлаю. Отъ своего слова пятиться не стану.

Когда вошли въ лѣсъ, Вѣра оставила руку Соснягина, и пошла быстро, почти побѣжала.

— Спать очень хочется, — сказала она, — утромъ вставать надо рано, ужъ немного ночи осталось.

* * *

Горѣловъ проснулся въ домикѣ позже обыкновеннаго, часовъ въ десять утра. Чувствовалъ себя тяжело и томно, во всемъ тѣлѣ усталость, глаза отяжелѣлые. Нервно позѣвывая, онъ вошелъ въ столовую, и досадливо посмотрѣлъ на все еще горящія лампочки, днемъ такія нелѣпо-блѣдныя, такія зловѣще-печальныя. Онъ поспѣшилъ погасить свѣтъ, и торопливо отправился домой. Могло показаться, что онъ возвращается съ утренней прогулки. Ни на фабрику, ни въ контору онъ не поѣхалъ, и дѣла всѣ, съ какими приходили къ нему, отложилъ до завтра. Сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, и раздумывалъ.

Два дѣла надобно было наладить какъ можно скорѣе, разводъ и завѣщаніе. Противно было, что съ этими дѣлами придется обращаться къ людямъ, говорить съ адвокатомъ о разводѣ, съ нотаріусомъ о завѣщаніи. Притомъ неудобно приглашать ихъ сюда, — заговорятъ въ городѣ, зашевелятся нелѣпые слухи. Станутъ спрашивать:

— Съ кѣмъ Горѣловъ судится?

Станутъ говорить:

— Богатымъ все мало. Еще что-нибудь хочетъ себѣ отсудить. За деньги адвокатъ все повернетъ въ его сторону.

Придется ѣхать въ городъ самому, это будетъ не такъ замѣтно.

Прежде всего, думалъ Горѣловъ, надобно уладить дѣло съ завѣщаніемъ, — еще умрешь въ одночасье отъ всѣхъ этихъ волненій неожиданныхъ, то сладостныхъ, то горестныхъ, но равно утомленному сердцу тяжелыхъ. Умереть не страшно, пожилъ во-всю, насладился жизнью. Но передъ смертью упиться поцѣлуями златокосой, златоголосой, пламенноокой заклинательницы змѣй, — послѣднія желанія насытить ея нѣжными и коварными ласками, горькимъ и сладкимъ медомъ ея надменной души, благоуханнѣйшей аромата розъ и злѣйшей змѣинаго жала, — разрѣзать сплетенныя жизнью тугія сѣти, — и уйти спокойнымъ и свободнымъ. Нѣтъ, смерть не страшила. Только сердце порою замирало, и весь день томила тоска.

Весь день дулъ вѣтеръ съ юга, изъ за Волги, влажный, теплый. Тучи то заволакивали безмѣрно свѣтлую голубизну неба, то разбѣгались, и солнце, медленно огибая высокую дугу за Волгою, точно играло въ прятки. Утомляло глаза постоянное качаніе листвы, вѣтокъ и древесныхъ вершинъ, это безпокойное порываніе все на томъ-же мѣстѣ, какъ трепыханіе связанными крыльями. Было душно сидѣть съ закрытыми окнами, а какъ только откроешь окно, ворвется неумолчный, надоѣдливый шумъ рощи да крики неуемныхъ воронъ. И весь день Горѣловъ то откроетъ окно, то опять закроетъ.

Передъ обѣдомъ онъ сказалъ, чтобы попросили къ нему Любовь Николаевну. Она пришла

тотчасъ же, точно ждала зова. Ея простого покроя бѣлое платье, перепоясанное широкою и гладкою лентою ампирно-зеленаго цвѣта, казалось внятнымъ нарядомъ печали, утѣшаемой милою надеждою.

Посидѣли молча. Горѣловъ хмуро усмѣхнулся, и сказалъ раздумчиво и негромко:

— Жила ты, Люба, за мной, какъ въ сказкѣ сказывается, неразумная баба за медвѣдемъ. Да вотъ, видно, пришелъ часъ расплаты. Не бойся, не вовсе медвѣдь, не съѣмъ. За все, что было, я тебѣ крѣпко благодаренъ. А за ошибку прости. Поправлю. Дамъ разводъ. Моя вина. Будешь свободна, будь счастлива. Меня лихомъ не поминай.

Любовь Николаевна заплакала, встала, подошла къ мужу. Онъ обнялъ ее, посадилъ рядомъ съ собою на широкомъ, привычномъ диванѣ. Почувствовалъ, что изъ его глазъ текутъ слезы. И не старался удержать ихъ.

Сидѣли обнявшись, и плакали, и казались оба одинаково жалкими, старыми, ненужными жизни. А за открытымъ окномъ гудѣлъ теплый, тревожный вѣтеръ, набѣжали желтовато-сѣрыя тучи, недолгій, торопливый дождь шумѣлъ по крышѣ. Быстрое паденіе дождя казалось Горѣлову похожимъ на поспѣшные звуки бѣготни босыхъ фабричныхъ ребятишекъ, которые зашумятъ здѣсь скоро. Чудилось ему крушеніе той жизни, которою онъ жилъ, забвеніе всѣхъ истонченностей художества и культуры, и вторженіе жизни первобытной, дикой, простой, грубой и по-звѣриному здоровой. Въ разсѣянномъ, безсолнечномъ свѣтѣ всѣ здѣшніе предметы,

всѣ привычные, были упоены тоскою, и знали, скучные, обычные, всегдашніе, что вотъ такъ все кончается.

* * *

На фабрикѣ шелъ смутный говоръ о Вѣрѣ. Говорили объ ея встрѣчѣ съ Горѣловымъ въ лѣсу, о подаренномъ ей золотомъ. Иные хвалили, что она бросила золотой въ воду. Другіе этому не вѣрили. Но самое Вѣру объ этомъ мало кто спрашивалъ. Кое-кто изъ товарищей начиналъ поглядывать на Вѣру съ тупою угрюмостью, или съ недобрымъ, жаднымъ любопытствомъ. Все это заста́вляло Вѣру быть иногда особенно рѣзкою. На рѣдкіе вопросы ужъ очень любопытныхъ она отвѣчала такъ дерзко и насмѣшливо, что отбивала охоту и у другихъ спрашивать ее. Скажетъ любопытный:

— Ужъ больно ты занозиста, Вѣра!

Да и отойдетъ подъ смѣшки товарищей, — толпа всегда, хоть на мигъ, становится на сторону дерзкаго и бойкаго на языкъ.

Казалось Вѣрѣ, что здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы ее понять, который захотѣлъ бы ее простить, но, гордая, никому и ничего она объяснять не стала бы. Она была здѣсь одна, какъ плѣненная въ обширномъ Иліонѣ Елена, и также чувствовала иногда, что вотъ одинъ только неосторожный шагъ, и она будетъ ненавистна всѣмъ этимъ людямъ.

Иногда до Вѣриныхъ ушей долетали такія словечки:

— Не на таковскую напалъ, — отскочитъ.

— Она его отошьетъ.

— Очень даже просто.

— Живымъ манеромъ.

— Нѣтъ, онъ своего добьется. Не откажется.

— Одного золотого мало, такъ онъ ей насыплетъ, будетъ довольна.

— Чего не насыпать! Нашими трудами нажился, толстопузый, насосался.

Заинтересовался этими разговорами и поселившійся у Карпуниныхъ Сергѣй Афанасьевичъ Малицынъ. Улучивъ такое время, когда Анны Борисовны дома не было, Малицынъ завелъ разговоръ съ Вѣрою, осторожно подводя къ ухаживанію Горѣлова. Спрашивалъ:

— Хозяиномъ вашимъ какъ у васъ на фабрикѣ, довольны?

— Мы съ хозяиномъ дѣла не имѣемъ, — отвѣчала Вѣра. — Хозяинъ если и придетъ, такъ только пройдетъ по фабрикѣ, и сейчасъ же въ контору уходитъ. Иногда и въ глаза не увидишь, только спина широкая въ узкую дверь втешется.

— Ну, однако, говорятъ, — продолжалъ Малицынъ, — что онъ плантаторскія наклонности не прочь проявить. На смазливенькихъ засматривается. Правда, или такъ просто врутъ?

Малицынъ говорилъ это съ тѣмъ лихорадочнымъ, слегка чувственнымъ возбужденіемъ, съ какимъ говорятъ о гнусностяхъ и прелестяхъ разврата пожилые люди, не вкусившіе до пресыщенія его приторныхъ сладостей.

Вѣра засмѣялась. Видно было, къ чему рѣчь клонитъ Малицынъ. Разсказала ему подробно, съ видомъ простодушной откровенности, все, о чемъ уже давно болтали въ слободкѣ Иглуша съ Улитайкою. Вѣдь имъ не запретишь, не упросишь. А и упросить бы, такъ еще хуже: шептали бы по секрету.

Малицынъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, но, однако, старался скрывать свое любопытство: курилъ, смотрѣлъ съ видомъ задумчивости на желтовато-синій дымокъ отъ папиросы, покачивалъ ногою, бормоталъ:

— Такъ, такъ! Ну, конечно! Да ужъ это они всегда такъ! Дѣло извѣстное. Что ему стоитъ золотой выбросить!

Но, когда она кончила, на его лицѣ явственно изобразилось разочарованіе. Какъ будто всѣ около глазъ морщинки собрались въ одинъ знакъ вопроса, — только-то? Не утерпѣлъ, спросилъ:

— Ну, а дальше что же?

— Да ничего, — отвѣчала Вѣра.

— Деньги вы напрасно бросили, — кислымъ тономъ выговаривалъ Малицынъ, — ихъ надо было отдать къ намъ въ кассу.

Вѣра молча усмѣхнулась и повела плечомъ.

— Ну, а господинъ инженеръ Шубниковъ? — продолжалъ спрашивать Малицынъ. — Удочки вамъ не закидывалъ? Съ намеками, съ обинячками не обхаживалъ? Помните, мы его встрѣтили на вашемъ огородѣ, когда я къ вамъ первый разъ пришелъ? Господинъ Горѣловъ, повидимому, загорѣлся страстью нѣжной, а вѣдь всѣ эти господа, эксплоататоры и пара-

зиты, очень любятъ пользоваться посредниками.

Вѣра отвѣчала смѣючись:

— Ну, мало-ли что они любятъ! А я моего Глѣбушку люблю, и никогда ни на кого его не промѣняю. Да и что мнѣ за компанія хозяинъ?

Заговорила о другомъ, оборвала разговоръ, вспомнила, что надобно куда-то очень спѣшно бѣжать, и ушла. Но видѣла, что Малицынъ что-то соображаетъ, и изъ разговоровъ о ней и о Горѣловѣ намѣренъ сдѣлать полезное употребленіе. Оно и кстати было, — на фабрикахъ шло глухое броженіе, готовилась забастовка на экономической почвѣ. Новое любовное приключеніе Горѣлова, притомъ опять съ фабричною работницею, дастъ лишній поводъ къ тому, чтобы взвинтить раздраженіе рабочихъ, всегда готовое вспыхнуть, но и всегда задавленное тяжелымъ грузомъ боязливыхъ сомнѣній и житейскихъ тяготъ.

* * *

Въ тотъ же вечеръ Малицынъ говорилъ Вѣрѣ и ея матери:

— Товарищи ваши начинаютъ понимать. То, что вамъ платитъ фабрика, вы отрабатываете меньше, чѣмъ въ восемь часовъ, а работаете вы на господъ Горѣловыхъ больше, чѣмъ восемь часовъ. Вотъ на эту-то разницу, очень не малую, господа Горѣловы со своими прихвостнями и ведутъ роскошный образъ жизни. Ничего сами не производятъ, а объѣдаются рябчиками да ананасами, пьютъ шампанское, икру

да балычекъ кушаютъ, и на ваши же деньги покупаютъ себѣ любовницъ, иногда изъ вашей среды.

— Они — ученые, — сказала Анна Борисовна, — за свое знаніе лишнее получаютъ. Мы фабрикъ строить не умѣемъ, да и управлять ими не знаемъ какъ, не нашимъ носомъ мухъ ловить, потому и приходится на чужихъ работать.

Досадливо поморщился Малицынъ. Добрый былъ человѣкъ, но старый учитель, а учительская привычка — не терпѣть возраженій. Онъ сказалъ наставительно:

— Такъ разсуждать, это значитъ, — за деревьями лѣса не видѣть. Пролетаріатъ долженъ сознать свою собственную силу. Что такое интеллигенція, инженеры, адвокаты, врачи? Люди, которые своими знаніями служатъ всякому хозяину. Горѣловы владѣютъ не наукою, а орудіями производства, — разница! Наука у нихъ наемная. Ученый у нихъ — господинъ инженеръ Шубниковъ. Правда, вся современная наука буржуазна, но это потому, что пока еще нѣтъ для нея другого хозяина и заказчика. Перемѣнится хозяинъ, повернется въ другую сторону и наука. Всѣ эти ученые господа станутъ всякому служить, кто имъ дастъ много денегъ.

— Ну, батюшка Сергѣй Аѳанасьевичъ, — возразила Карпунина, — бываетъ, что и лѣсъ мѣшаетъ дерево разглядѣть да оцѣнить, какое чего стоитъ, а такъ все идетъ огуломъ. Не уравнялъ Богъ лѣса, — такъ у насъ говорятъ въ простомъ народѣ. И въ людяхъ по человѣку смотрѣть надо, кто чего стоитъ. Не всякій годится хозяиномъ быть.

— Нѣтъ, мама, — сказала Вѣра, — Сергѣй Аѳанасьевичъ правильно говоритъ. Мы будемъ хозяева, такъ намъ Шубниковъ служить будетъ, да еще какъ усердно. Скажетъ: — Товарищи, интересы трудящихся массъ мнѣ всего дороже. Я самъ — такой-же работникъ и пролетарій, какъ вы, и мы съ вами пойдемъ рука объ руку къ нашей общей свѣтлой цѣли, къ освобожденію пролетаріевъ всѣхъ странъ отъ гнета эксплоататоровъ и паразитовъ.

Малицынъ насмѣшливо, — по адресу Шубникова, — зарукоплескалъ, и крикнулъ:

— Правильно, Вѣра! Такъ они всѣ тогда заговорятъ, эти прихвостни буржуазіи. Но мы еще разберемъ, кого брать, кого къ сторонкѣ отставить.

Мать смѣялась, добродушно и ласково, какъ смѣются старшіе, слушая милыя, ребяческія мечтанія дѣтей съ присказкою «когда я буду большой». Сказала:

— Больно прытки! Да когда же вы хозяевами-то будете?

Вѣра спокойно посмотрѣла на нее, и сказала увѣренно:

— Завтра.

— Да не больно-ли скоро? — смѣялась мать.

Малицынъ сказалъ внушительно:

— Завтра не завтра, для этого еще не все готово, но, если только ваши товарищи поймутъ свою силу и захотятъ ее использовать для себя, а не для хозяевъ, то и довольно скоро. Можетъ быть, именно теперь самая пора приниматься за дѣло. Государство наше великое

Всероссійское давно ужъ въ воздухѣ виситъ, только само за себя и держится. Истинно самодержавіе. Толкнуть хорошенько, все развалится, все въ таръ-тарары полетитъ.

— Народишко-то у насъ темный, — сказала Анна Борисовна, съ сомнѣніемъ покачивая головою.

— Ну, отсталыхъ ждать не приходится, — возразилъ Малицынъ. — Сознательные должны вести за собою темныхъ.

Анна Борисовна опять засмѣялась, и сказала:

— Вотъ то-то, и по вашимъ словамъ выходитъ, что не равны людишки: одни впереди идутъ, другіе за ними плетутся, ощупью, какъ слѣпой за поводыремъ. Только какъ бы поводырь слѣпымъ не оказался, а то оба въ яму ввалятся.

Малицынъ возразилъ досадливо:

— Ужъ очень вы, Анна Борисовна, старымъ поговоркамъ вѣрите. Надо не старое вспоминать, а новымъ жить.

— А старое? — спросила старая.

— А старое на сломъ.

— Все? — спросила старая, хмурясь.

— Все! Все начисто!

И Малицынъ энергично махнулъ рукою, что не совсѣмъ шло къ его хрупкой фигурѣ. Карпунина внимательно посмотрѣла на него, улыбнулась и замолчала.

* * *

Только Вѣрѣ сказалъ Горѣловъ о намѣреніи лишить Николая наслѣдства, больше никому. Вѣра тоже никому объ этомъ не говорила. Да и кому скажешь? У Разина больше не была, довѣриться могла-бы, пожалуй, только Ленкѣ, да Ленки всѣ эти дни не встрѣчала.

А все-таки Шубниковъ это зналъ. Зналъ все то, что знала и Вѣра, ни больше, ни меньше. Теперь передъ Шубниковымъ стояла трудная задача. Надобно было открыть это Николаю, чтобы зналъ Николай, какая грозитъ ему опасность и какого друга имѣетъ онъ въ Шубниковѣ. Но не могъ же Николаю сказать Шубниковъ, что онъ подсматривалъ и подслушивалъ, забравшись на чердачекъ уютнаго домика. Нельзя было открывать секрета, который и впредь можетъ пригодиться, да нельзя было и ставить себя въ глазахъ Николая въ положеніе человѣка, способнаго унизиться до подслушиванія. Николай долженъ его уважать. При томъ же Николай — такой человѣкъ, которому никакъ нельзя давать въ руки оружіе противъ себя: не задумается предать при первомъ удобномъ случаѣ, какъ не задумался бы сдѣлать это при случаѣ и самъ Шубниковъ: оба другъ друга стоили. Николай можетъ воспользоваться этимъ для примиренія съ отцомъ. Скажетъ, что его подстрекалъ Шубниковъ, а въ доказательство откроетъ секретъ. Вывернуться Шубниковъ, можетъ быть, и сумѣетъ, но во всякомъ случаѣ навсегда утрачена будетъ возможность занятныхъ наблюденій, — вечера на чердачкѣ и сами по себѣ, кромѣ практической цѣли, давали Шубникову пряныя возбужденія. Мо-

жетъ быть, изъ-за этихъ поганыхъ волненій Шубниковъ главнымъ образомъ и залѣзалъ на чердачекъ. Итакъ, секрстъ долженъ оставаться строжайшимъ секретомъ, извѣстнымъ только самому Шубникову.

На чердачекъ даже и лѣстницы не было: часто туда ходить не зачѣмъ, а въ кои-то вѣки разъ и приставная пригодится. Проникнуть же туда Шубниковъ могъ двумя путями, оба были одинаково неудобны, и надобно было такъ и оставить ихъ очевидно неудобными, чтобы не было никакого подозрѣнія.

Одинъ путь: въ узкомъ коридорѣ въ потолкѣ небольшой квадратный люкъ, только пролѣзть нетолстому человѣку. Снизу люкъ совсѣмъ незамѣтенъ, да еще и въ темномъ мѣстѣ, въ томъ концѣ коридора, гдѣ нѣтъ окна. Вечеромъ голубые пятилепестные тюльпаны двухъ лампочекъ пропускали на потолокъ такой полосатый полусвѣтъ, что края люка надо было пристально искать, чтобы увидѣть. Въ углу подъ этимъ люкомъ высокій шкапъ съ запасною на всякій случай одеждою, недалеко отъ шкапа — вѣшалка и небольшой столъ, а около стола стулъ. Если столъ передвинуть на другую сторону вѣшалки къ шкапу, а передъ столомъ поставить стулъ, то это перемѣщеніе никому не бросится въ глаза. Горѣловъ, если и пройдетъ здѣсь, врядъ-ли замѣтитъ. А и замѣтитъ, не придастъ значенія. Такая комбинація предметовъ давала возможность Шубникову заблаговременно забраться на шкапъ, поднять снизу люкъ, влѣзть на чердакъ, опять опустить люкъ, — для этихъ гимнастическихъ упражненій Шуб-

никовъ былъ достаточно силенъ, ловокъ и нетолстъ. Преградъ не матеріальныхъ передъ нимъ ни на какомъ пути не могло возникнуть: онъ былъ послѣдовательный матеріалистъ, и сознаніе его всегда опредѣлялось бытіемъ; способъ, какимъ изъ даннаго въ дѣйствительности становилась для него опредѣленная форма дѣйствованія, былъ простымъ соединеніемъ въ мышленіи.

* * *

Если бы случилось, что Горѣловъ придетъ въ домикъ внезапно и увидитъ упражненія Шубникова, у него было готово объясненіе. Онъ сказалъ бы Горѣлову:

— А знаете, Иванъ Андреевичъ, меня этотъ люкъ въ потолкѣ серьезно безпокоитъ. Если кто-нибудь заберется въ домъ, такъ сюда очень просто спрятаться. Грабитель, а то и шантажистъ изъ товарищей. Я такъ думаю, что тутъ слѣдуетъ ввинтить два кольца и повѣсить замокъ. Такъ-то вѣрнѣе будетъ.

Горѣловъ посмѣется надъ его чрезмѣрнымъ усердіемъ, найдетъ очень забавною самую мысль замкнуть замкомъ потолокъ, но вотъ именно потому, что посмѣется, онъ и не будетъ подозрѣвать истины: подозрѣнія рождаются въ нахмуренныхъ бровяхъ, а не на улыбающихся губахъ.

Второй путь — черезъ крышу и слуховое окно. На крышу взлѣзть по старой липѣ, которая ростетъ у задней стѣны дома. Этотъ путь неудобенъ тѣмъ, что желѣзо кровли гре-

митъ подъ ногами, если не ползти ужъ очень осторожно. Шубниковъ испыталъ и этотъ путь, но для дѣла, подслушиванія, — еще ни разу имъ не пользовался.

На самомъ чердакѣ въ полу Шубниковымъ устроены были два отверстія для того, чтобы видѣть и слышать. Занялся онъ этимъ еще давно. Отверстія были продѣланы снизу, въ потолкѣ столовой и спальни, и замаскированы въ завитушкахъ розово-голубой розетки лѣпного потолка. Сверху, чтобы случайно не сыпался мелкій соръ съ чердака, и чтобы не видно было съ потолка свѣта, если въ комнатахъ погасятъ лампы, каждый глазокъ былъ прикрытъ гладко пригнанною дощечкою съ колечкомъ вверху. На чердачекъ вечеромъ Шубниковъ забирался съ электрическимъ фонарикомъ. Фонарикъ погаситъ, глазокъ откроетъ, приникнетъ къ нему, смотритъ, а больше слушаетъ, — поле зрѣнія было мало. Чтобы при такихъ занятіяхъ не пачкалась чистенькая всегда одежда, на полъ были брошены коврики; кстати, они прикрывали глазки до прихода Шубникова отъ всякаго, кто случайно попадетъ сюда: коврики могли показаться заброшенными сюда за ненадобностью и ветхостью вмѣстѣ съ кое-какимъ еще хламомъ, обычнымъ на всѣхъ чердакахъ. Шубникову же эти коврики помогали быстро найтись.

Всего этого открывать Николаю не слѣдовало. Шубниковъ назвалъ бы самъ себя олухомъ Царя Небеснаго, если бы это сдѣлалъ. Надобно было выдумать другой источникъ свѣдѣній. И вотъ однажды утромъ Шубниковъ отправился

на пароходѣ въ городъ. Вернувшись, скажетъ Николаю, что узналъ новость отъ знакомаго человѣчка въ конторѣ нотаріуса. Чтобы ѣздить не даромъ, Шубниковъ рѣшилъ навѣстить Ленку: въ теперешнихъ обстоятельствахъ и она могла пригодиться.

* * *

Въ городѣ Шубниковъ отправился въ гастрономическій магазинъ. Купилъ тамъ вина, ликеровъ, закусокъ, фруктовъ, — до войны за небольшія деньги можно было накупить много всего этого. Подозвалъ извозчика, мальчикъ изъ магазина вынесъ тяжелую корзину съ покупками, за что получилъ пятіалтынный, и Шубниковъ покатилъ къ Ленкѣ. По дорогѣ заѣхалъ въ кондитерскую, купилъ конфетъ, пирожнаго и печенья, — сонохтяне любили поѣсть, и обжорное дѣло, ветчина, колбасы, печенья, варенья, соленья, сушенья, маринады, сласти, все это стояло на высокой степени совершенства, и было очень недорого.

Ленку онъ засталъ дома. Она сидѣла на диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, и читала какую-то книжку. Солнце ярко свѣтило сквозь кисейныя занавѣски двухъ оконъ второго этажа, Ленкино золотисто-желтое платье на лиловой обивкѣ дивана казалось яркимъ, солнечнымъ. На ея тонкихъ, длинныхъ пальцахъ сверкали золотыя колечки съ яркими камешками. На груди приколота была свѣтло-коричневая камея съ бѣлою головкою въ профиль. Высоко въ переднемъ углу въ тяжеломъ кіотѣ темнѣла

изъ-за горящей ясно лампады темная икона. Чашка чаю стояла передъ Ленкою на кругломъ столѣ, покрытомъ тонкимъ шелковымъ платкомъ сложнаго и наивнаго иранскаго рисунка, — зеленовато-золотистый фонъ, — разводы кирпично-коричневые, карминно-алые, шарлаховые, малиновые, травно-зеленые, бирюзовые, лазурные, млечнобѣлые, — золотистая кайма съ трехрядною того же цвѣта, чуть позеленѣе, плетенкою, разрѣшенною въ длинную бахрому. Чай давно простылъ, — Ленка увлеклась чтеніемъ. Когда Шубниковъ постучалъ къ ней въ дверь, она подняла голову, и, какъ разбуженная, смотрѣла на гостя изъ-за тѣснаго снопа стоящихъ посреди стола въ поливномъ зеленыхъ тоновъ кувшинчикѣ пестрыхъ гвоздикъ, — малиновыя сердечки, бѣлые ободки.

Шубниковъ съ нелѣпыми гримасами и ужимками поставилъ свою корзину на плетеный стулъ около двери, а пакетъ изъ кондитерской положилъ на круглый лакированный столикъ въ углу. Ленка, не вставая съ мѣста, спросила съ веселою улыбкою:

— Что-нибудь вкусненькое принесли? Зачѣмъ это вы тратились? Не на голодный островъ пришли.

— И вкусненькое, Леночка, — отвѣчалъ Шубниковъ, еще усерднѣе гримасничая, — и сладенькое, и выпить.

— Что жъ, вы ко мнѣ на побывашки пришли? — спрашивала Ленка. — Да что такъ рано? Съ утра вино пить я не привыкла. Еще грушу пожевать, куда ни шло.

Но уже Шубниковъ развязывалъ корзинку. Торопился самъ это сдѣлать, пока не позоветъ Ленка горничную, хотѣлъ взять веревку себѣ, пригодится. Онъ говорилъ:

— Дѣло къ вамъ есть, Леночка, а за бутылочкой вина о дѣлѣ веселѣе разговаривать. Позавтракаемъ, пропустимъ по стаканчику, сладкимъ полакомимся.

— Уговорили, — сказала Ленка, — такой ужъ вы искуситель, что съ вами всякія правила забудешь. Только очень-то на вино не налегайте, а то мама ворчать будетъ. Сняла, скажетъ, квартиру господскую, а живешь, какъ подвальная отерхотница, съ утра виномъ наливаешься.

* * *

Ленка встала, подошла къ двери, крикнула:

— Диночка, накройте не въ столовой, а у меня, — господинъ Шубниковъ будетъ со мною завтракать.

— Надѣюсь, что ваша уважаемая маменька... — началъ было Шубниковъ.

— Мама, кажется, собирается куда-то, — сказала Ленка, — я пойду, спрошу. И, во всякомъ случаѣ, она позавтракаетъ тамъ, безъ насъ. Она у меня застѣнчивая, съ гостями не любитъ быть, къ господскому обществу не привыкла.

Ленка вышла. Скоро явилась съ посудою Диночка, горничная миловидная, хотя эстонка, накрыла на кругломъ столѣ на два прибора, помогла Шубникову разставить и разложить

его покупки, хотѣла было взять бутылки откупорить, но Шубниковъ сказалъ:

— Откупорю я самъ, вы мнѣ только штопоръ принесите.

Диночка широко улыбнулась, живо сбѣгала за штопоромъ и ушла. За дверью слышался шопотъ, тихій смѣхъ. Шубниковъ откупоривалъ бутылки.

Наконецъ Ленка вернулась. Сказала, закуривая папироску:

— А я думала, вы всѣ эти дни на фабрикѣ будете. Думала, всѣ ваши дѣла тамъ.

— Такъ оно и есть, Леночка, — отвѣчалъ Шубниковъ, — я и къ вамъ по фабричному, такъ сказать, дѣлу.

— Вотъ оно что! — насмѣшливо протянула Ленка. — Только я такъ полагаю, что насчетъ забастовки со мною вамъ разговаривать нечего, не по моей части.

Шубниковъ забезпокоился. Рука его дрогнула, онъ стукнулъ о столъ бутылкою, и чуть не уронилъ ее. Спрашивалъ тревожно:

— Какая забастовка? вы что-нибудь слышали?

Зналъ, что у Ленки много знакомыхъ и друзей на фабрикѣ, и что она можетъ знать многое. Забастовка была теперь особенно непріятна для Шубникова. Правда, она могла оказаться даже полезною, — для Николая, — Горѣловъ отъ досады на рабочихъ, можетъ быть, откажется отъ мысли передать имъ фабрику. Но навѣрное расчитывать на это нельзя было, могло случиться и наоборотъ, что Горѣловъ вздумаетъ теперь же съ фабрикою раздѣлаться.

Но самое существенное для Шубникова было то, что забастовка угрожала ему лично. По многимъ признакамъ Шубниковъ догадывался, что непріязнь рабочихъ къ хозяину была гораздо слабѣе, чѣмъ ихъ злоба къ хозяйскимъ прихвостнямъ.

Ленка словно спохватилась, что сказала лишнее. Пожала плечами, отвѣчала спокойно и замкнуто:

— Что мнѣ слышать? Вамъ ближе знать. Такъ, болтаютъ въ городѣ, что на Горѣловскихъ фабрикахъ забастовка будетъ.

— Да кто вамъ говорилъ? — допрашивалъ Шубниковъ, крутя веревку и глядя на Ленку недовѣрчивыми, испуганными и злыми глазами.

— Слухомъ земля полнится, — неопредѣленно отвѣчала Ленка.

Но Шубниковъ приставалъ съ распросами:

— Слухами! Скажите, пожалуйста! Точно слухи сами по улицамъ прыгаютъ, да къ вамъ въ окошки вскакиваютъ! Вы-то отъ кого слышали?

— Кто-то вчера на бульварѣ сказалъ, — отвѣчала Ленка. — Развѣ упомнишь? Мнѣ-то ни къ чему. Въ одно ухо впустила, въ другое выпустила. Только вотъ сейчасъ, васъ увидѣла, да вы про дѣло какое-то заговорили, вотъ я и вспомнила.

* * *

Шубниковъ догадался, что Ленка чего-то не договариваетъ, и что слышала о забастовкѣ

вовсе не на бульварѣ. Сообразилъ, что теперь отъ Ленки ничего не вывѣдать, а вотъ выпьетъ, такъ, можетъ быть, вино языкъ развяжетъ. Онъ сказалъ, притворяясь равнодушнымъ:

— Я такъ думаю, Леночка, что все это — пустая болтовня, небылица въ лицахъ. Нельзя вѣрить всему, что на бульварѣ какой-нибудь кавалеръ сболтнетъ. Знаютъ, что вы съ товарищами знакомы, вотъ вамъ и разсказываютъ чепуху всякую. У насъ нѣтъ никакихъ признаковъ забастовки. А такія вещи экспромтомъ не дѣлаются.

Ленка глянула на Шубникова, не то любопытно, не то насмѣшливо, и спросила:

— И ничего рабочіе не требовали?

— Ну, они всегда найдутъ, чего потребовать, — досадливо отвѣчалъ Шубниковъ. — Капиталистъ налицо, есть, съ кого тянуть. И подстрекатели всегда найдутся, научатъ. Приходили ко мнѣ на-дняхъ въ контору два нахала, говорили, чтобы поденщицъ считать постоянными работницами, ну, да я ихъ осадилъ. Ушли ни съ чѣмъ, и больше никакихъ претензій не слышно.

— Да ужъ если бы что было, — говорила Ленка, — такъ вы бы оба сюда не пожаловали, а то и вы, и самъ Горѣловъ, оба въ городѣ.

Этого Шубниковъ не зналъ, но это не было для него неожиданнымъ. Онъ подумалъ, что Горѣловъ теперь у нотаріуса. Вѣрнѣе всего, что у Черноклеина, по дружбѣ и по привычкѣ. А можетъ быть, для большей конспираціи, Горѣловъ отправился къ Невсѣеву или къ Быстрову, съ которыми обыкновенно не имѣлъ

дѣла, и у которыхъ конторы помѣщались не на такомъ бойкомъ мѣстѣ, какъ у Черноклеина.

Шубниковъ иронически искривилъ губы, сжалъ костлявою рукою свою козлиную бородку, чтобы она стала еще острѣе, изогнулся на стулѣ, положилъ высоко и остро нога на ногу, локтемъ остроугольно оперся объ острое колѣно, — всѣми манерами придалъ себѣ такой необыкновенно мефистофелевскій видъ, что даже самъ подумалъ: «Ну, для Ленки, пожалуй, слишкомъ роскошно.» И язвительнымъ до козлинаго дребезжанія голосомъ спросилъ:

— А вы, Леночка, откуда объ этомъ важномъ событіи узнали? Сорока на хвостѣ принесла?

Насмѣшка подпущена была нарочно, чтобы подстрекнуть Ленку доказать вѣрность сообщенія. Но хитрость была излишня: Ленка не видѣла здѣсь никакого секрета, и спокойно отвѣчала:

— Мама утромъ съ базара шла, такъ видѣла, какъ Иванъ Андреевичъ къ Волжско-Камскому банку подъѣхалъ въ своей коляскѣ. Кучеру что-то сказалъ, вошелъ въ подъѣздъ, а кучеръ куда-то поѣхалъ въ городъ.

Такъ узналъ Шубниковъ, что ему нужно: въ томъ же домѣ на Горохваловой улицѣ, гдѣ Волжско-Камскій Банкъ имѣлъ Сонохотское отдѣленіе, и даже въ томъ же самомъ подъѣздѣ, помѣщалась контора нотаріуса Черноклеина; нотаріусъ внизу, банкъ наверху. Конторы другихъ нотаріусовъ были совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Если бы Горѣловъ пріѣхалъ въ банкъ, то врядъ-ли бы онъ отпустилъ коляску, — долго

сидѣть въ банкѣ ему не было причины: задерживать его не станутъ, и все, что ему понадобится, сдѣлаютъ быстро. Разговоръ же съ нотаріусомъ могъ затянуться часа на два, и коляска была отправлена, чтобы не всему городу стало извѣстно, гдѣ и какъ долго сидитъ Горѣловъ. Вѣрнѣе всего, что коляска отправлена въ городской домъ, откуда Горѣловъ потребуетъ ее по телефону, когда кончитъ у нотаріуса. Горѣловъ поѣхалъ не на пароходѣ, а въ своемъ экипажѣ, — такъ было удобнѣе, спокойнѣе, скорѣе, и меньше ненужныхъ встрѣчъ и разговоровъ.

Все это Шубниковъ быстро сообразилъ. Выяснившееся такъ бытіе опредѣлило сознаніе: кончивъ съ Ленкою, надо заглянуть на Горохвалову улицу и тамъ вывѣдать, что можно, у знакомаго клерка.

* * *

Диночка подала омлетъ, телятину подъ бешемелью, кувшинъ холоднаго молока съ густымъ наверху слоемъ желтыхъ, почти засметанившихся сливокъ, и землянику мелкую, лѣсную.

— Роскошно живете, Леночка, — сказалъ Шубниковъ.

Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что принесенное имъ — не единственное, а только дополняетъ Ленкинъ завтракъ.

— Какая тамъ роскошь! — отвѣчала Ленка. — Пожевать каждый день надобно, а то и ноги протянешь.

Завистливымъ взглядомъ окинулъ Шубниковъ Ленкины золотыя съ камешками колечки на узкихъ, длинныхъ пальцахъ, золотой браслетъ цѣпочкой, брошку-камею. Спросилъ, усмѣхаясь ѣдкимъ, но къ пороку благосклоннымъ мефистофелемъ:

— Подарочки отъ поклонниковъ?

— Я — бѣдная дѣвушка, — сказала Ленка, — мнѣ покупать побрякушки не на что. Добрые люди иногда что и подарятъ на бѣдность. А вотъ спасибо, что напомнили. Невзначай, да кстати. Чуть не забыла, а нарочно съ утра эту брошку надѣла, чтобы не забыть.

— А что такое? — спросилъ любопытный Шубниковъ.

— Принесъ мнѣ ее третьяго дня Шкуратовъ. Я съ нимъ не хочу водиться, что за удовольствіе съ женатыми! Здѣсь люди такіе сплетники, купчихи такія жадныя да ревнивыя, еще ни за что жена кислотой глаза выжжетъ, потомъ адвоката-чистобреха найметъ, рѣки слезъ на судѣ пуститъ, присяжные ее оправдаютъ, публика ей цвѣты поднесетъ, а я останусь безобразная, всѣми обруганная и вовсе нищая.

— Ну что вы, Леночка! — возразилъ Шубниковъ. — У Шкуратовой не хватитъ на это смѣлости.

— Найметъ кого ни есть, — говорила Ленка. — Продажныхъ людей вездѣ много, за сто рублей всякую пакость сдѣлаютъ. Да и самъ Шкуратовъ очень мало симпатичный. Воображаетъ себя красавцемъ! Вотъ-то ужъ на красавца не похожъ! Точно его изъ пшенич-

ной голубой муки испекли, въ печкѣ подрумянили, да бѣлужьи глаза всунули.

Шубниковъ сказалъ недовольнымъ голосомъ, задѣтый тѣмъ, что какая-то Ленка туда же судитъ да рядитъ о мужчинахъ его круга:

— Ужъ вы очень разборчивы, Леночка! Шкуратовъ во всѣхъ смыслахъ хоть куда, и малый умный.

— У себя въ лавкѣ, — возразила Ленка, — а разговоры-то его не такъ, чтобы ужъ слишкомъ бойкіе. Ну, я отъ этой камеи отказывалась, а онъ навязалъ. Да еще разсказалъ, — вообразилъ, что мнѣ это очень пріятно будетъ, — что его жена видѣла эту камею у Грабилина. Понравилась ей, просила подарить, а онъ сказалъ: Зачѣмъ кокетничала съ Хоровичемъ? вотъ и не подарю. — Потомъ купилъ, мнѣ принесъ.

— Дорого заплатилъ, надо полагать! — сказалъ Шубниковъ. — Грабилинъ и всегда лупилъ недешево, а какъ у него великій князь покупки сдѣлалъ, такъ съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ осатанѣлъ. Оправдываетъ свою фамилію. Вамъ счастье, Леночка.

— Очень мнѣ надо! — пренебрежительно сказала Ленка. — Я бы и совсѣмъ не взяла, да кстати догадалась, какъ избавиться. Сегодня жена Шкуратова именинница. Пока онъ въ своемъ лабазѣ сидитъ, я пошлю эту брошку къ ней съ Диночкой, чтобъ отдала на кухнѣ. Пусть думаетъ, что мужъ все-таки купилъ ей въ подарокъ.

Шубниковъ сказалъ насмѣшливо:

— Вы воображаете, Леночка, что вашу Диночку никто въ городѣ не знаетъ. Особенно по

сосѣдству, — вѣдь Шкуратовы чуть не рядомъ съ вами живутъ. Шкуратова сразу догадается, въ чемъ дѣло, и своему благовѣрному глаза выцарапаетъ.

Ленка усмѣхнулась, сказала:

— Это ужъ не моя забота.

Выбѣжала изъ комнаты, и черезъ нѣсколько минутъ вернулась уже безъ брошки. Мефистофель, воплощенный въ Шубниковѣ, злорадно хохоталъ и кричалъ:

— Воображаю, какой именинный пирогъ она ему поднесетъ! Съ пылу, съ жару, и начинки не пожалѣетъ.

— Напрасно воображаете, — спокойно возразила Ленка, — моя Диночка знаетъ, какъ надо сдѣлать. На глаза Шкуратовой она не попадется, а прислугу научитъ, что сказать.

— А они все-таки насплетничаютъ! — злорадничалъ Шубниковъ.

— Нѣтъ, — говорила Ленка, — эти люди другъ друга не выдадутъ.

— Сама Шкуратова увидитъ, — не сдавался злорадный.

Ленка усмѣхнулась. Сказала:

— Авось не увидитъ. А если Шкуратова ее случайно и увидитъ въ людской или въ кухнѣ, Диночка скажетъ: пришла въ гости, горничная знакомая, — или скажетъ: забѣжала къ кухаркѣ спросить, какъ у васъ тѣсто на пироги ставится. Все обойдется благополучно. А на будущее время Шкуратовъ поостережется ко мнѣ прилипать.

* * *

— Шутки шутками, Леночка, а вѣдь у меня къ вамъ серьезное дѣло.

Шубниковъ сдѣлалъ значительное лицо, но на всякій случай подмигнулъ Ленкѣ, и въ тонѣ его оставался свойственный ему налетъ шутовства. Ленка опустила глаза. На ея лицѣ выразилась скука. Она сказала тихо:

— Ну что жъ, обсказывайте ваше дѣло.

Она оперлась локтями о столъ, и сидѣла, готовая слушать, равнодушная и строгая, какъ усталая учительница, которой надобно, какъ ни надоѣло, выслушать отвѣтъ ученика. Шубниковъ на минуту почувствовалъ себя неловко, — далекія воспоминанія порядочности шевельнулись въ его сознаніи, — но это сознаніе немедленно же опять подчинилось бытію, и Шубниковъ принялся обсказывать, въ чемъ дѣло и что должна сдѣлать Ленка. Чтобы Ленка не вообразила, что она ужъ очень нужна, онъ скрылъ отъ нея самое существенное, — намѣреніе Горѣлова оставить завѣщаніе въ пользу рабочихъ и лишить Николая доли въ наслѣдствѣ. Осталось только соперничество отца и сына въ любви къ фабричной работницѣ.

Ленка выслушала и сказала:

— Пустое. Ничего изъ этого не выйдетъ.

Шубниковъ попытался подольститься:

— Ужъ это, Леночка, отъ вашего искусства зависитъ, а вы — извѣстная очаровательница, и противъ васъ никто не устоитъ.

Но Ленка даже не улыбнулась. Она говорила увѣренно и спокойно:

— Я Вѣру хорошо знаю. Она съ такимъ типомъ, какъ Николай Ивановичъ, никогда не спутается.

— Чѣмъ это вамъ Николай Ивановичъ не угодилъ? — досадливо спросилъ Шубниковъ.

Ленка спокойно продолжала:

— Да она и ни съ кѣмъ путаться не станетъ. Она Соснягина любитъ. Не такая она, чтобы на хозяйскія подачки польститься.

Шубниковъ сказалъ злорадно:

— Однако, она одинъ разъ уже приходила ночью къ Горѣлову, въ его домикъ укромный.

— Не врете, такъ правда, — съ легонькою усмѣшкою отозвалась Ленка. — Только если въ самомъ дѣлѣ у нихъ такъ далеко зашло, такъ я-то что-же могу сдѣлать? Приворотной травы у меня нѣтъ, и отвратъ-корня нѣтъ. За этимъ ужъ вы идите къ бабушкѣ Мартемьянѣ въ Рощенье.

Какъ ни бился Шубниковъ, Ленка стояла на своемъ. Наконецъ, видя, что ничего не выходитъ, Шубниковъ разсказалъ ей про ссору Горѣлова съ сыномъ и про завѣщаніе. Для пущей убѣдительности прибавилъ:

— Про завѣщаніе мнѣ самъ Иванъ Андреевичъ говорилъ. Ужъ очень разсердился на сына. Видите, Леночка, какъ это важно, — отвести его отъ Вѣры. Да теперь это и не такъ ужъ трудно. Сгоряча онъ согласился, а потомъ одумается, да такая милая особа найдется, какъ вы, такъ ему жалко станетъ отдавать все чужимъ. Выходитъ, что вы и для самого Горѣлова, и для его семьи хорошее дѣло сдѣлаете.

Ленка оживилась. Слушала съ интересомъ. Выспрашивала подробности. Наконецъ, когда уже видно было, что Шубниковъ разсказалъ все, Ленка вздохнула и сказала:

— Если рабочимъ, такъ это — дѣло хорошее, я мѣшать не стану. Не все господамъ хорошимъ, пусть иногда и простому люду рабочему вкусный кусокъ достанется. Думка мнѣ сказывала, — въ Горѣловскихъ погребахъ, да въ ледникахъ, да въ подвалахъ, да въ чуланчикахъ всякихъ чего чего не напасено, да всего помногу, точнона цѣлый полкъ, — и мясо соленое, и мясо копченое, и ветчина, и сыры, масло бочками на льду стоитъ, бочки меду, сахару, кофе пудами, чай самый лучшій цыбиками, всякое соленье, варенье, — цѣлыя сотни банокъ большихъ и малыхъ, съ рыжичками, съ груздочками, съ брусникой, съ яблоками мочеными, — муки всякой, крупъ разныхъ столько, что въ три года не прожрать, бѣлые грибы сушеные, точно на большой монастырь, висятъ саженными нитками, и привознаго товару обжорнаго самого хорошаго столько, что въ часъ не перечтешь, консервы рыбные, консервы мясные, сибирскіе рыбные Плотникова и французскія сардины Кано, и большой погребъ винъ шампанскихъ, бургонскихъ, бордосскихъ, рейнскихъ, венгерскихъ, кахетинскихъ, малаги, хереса бочки, кіанти, асти, лакримакристи, ликеры, наливки, настойки, водки, меда польскіе лежалые, — ѣдятъ, пьютъ, какъ богатыри свято-русскіе. Все на доходъ отъ фабрикъ. А у рабочихъ рѣдечка триха, да рѣдечка ломтиха, да рѣдечка такъ, а покушать вкусно да сладко и они бы сумѣли.

Шубниковъ прослушалъ не безъ удовольствія этотъ перечень Горѣловскихъ съѣстныхъ и питейныхъ запасовъ, смакуя въ своемъ воображе-

нія всѣ эти прелести. Но вдругъ вспомнилъ, зачѣмъ сюда пришелъ. Принялся уговаривать:

— Поймите, Леночка, рабочіе вамъ ни копейки не дадутъ, а Николай Ивановичъ вамъ будетъ благодаренъ. Кромѣ того, что̀ вамъ дастъ Иванъ Андреевичъ, — а вы знаете, онъ щедрый, — и отъ Николая Ивановича вы получите.

— Сколько? — спросила Ленка со спокойнымъ любопытствомъ.

— Ну, онъ не пожалѣетъ. Пятьсотъ рублей дастъ, — отвѣчалъ Шубниковъ.

Ленка пренебрежительно усмѣхнулась. Шубниковъ сообразилъ, что, хотя для Ленки пятьсотъ рублей должны быть большія деньги, но вѣдь дѣло идетъ о наслѣдствѣ въ нѣсколько милліоновъ. И онъ прибавилъ:

— Даже тысячу рублей дастъ.

— Не густо! — сказала Ленка. — Да и то когда онъ дастъ?

— Какъ только дѣло будетъ сдѣлано, — сказалъ Шубниковъ.

— На посулѣ, какъ на стулѣ, — отвѣчала Ленка. — Нѣтъ, что-то мнѣ не хочется въ это дѣло путаться. Еще что изъ этого выдетъ, а меня Богъ знаетъ какъ назовутъ.

— Кто назоветъ, рабочіе, что-ли? — презрительно сказалъ Шубниковъ. — Плюньте на нихъ!

— Не одни рабочіе, и въ городѣ могутъ осудить, — сказала Ленка. — Будутъ кликать фабрикантовою услужницею.

Шубниковъ покраснѣлъ отъ злости:

— Ну, хорошо, — шипѣлъ онъ, — я буду помнить, что вы не хотѣли мнѣ помочь. Да и не мнѣ, — что тутъ я! — и Милочкѣ, и Любови Николаевнѣ.

— Что мнѣ въ чужія семейныя дѣла путаться! — упрямо говорила Ленка.

* * *

Въ это время на порогѣ появилась Диночка. Негромко сказала:

— Простите, барышня. На одну минутку, пожалуйста, выдите.

Ленка извинилась и вышла. Сразу догадалась, что ее зоветъ мать. Знала, что все это время старуха, жуя свой завтракъ, то и дѣло подбѣгала тихонько въ мягкихъ туфляхъ къ запертой двери, таилась за дверью и слушала. Ленка прибѣжала въ кухню.

Тамъ сидѣла на деревянномъ стулѣ у большого бѣлаго стола Ленкина мать, тощая высокая старуха. Ея лицо изобличало долголѣтнюю привязанность къ водкѣ, а порядливый новый костюмъ свидѣтельствовалъ о заботахъ дочери. Край стола, гдѣ сидѣла старуха, былъ прикрытъ салфеткою; здѣсь стояла бутылка пива, изъ которой послѣднее уже было вылито въ стаканъ; видны были остатки завтрака и сыръ. На плитѣ грѣлся объемистый коричневый кофейникъ, — старуха расширила теперь кругъ своихъ привязанностей, и, оставаясь пьяницею, стала кофейницею.

Старая кофейница свирѣпо зашептала навстрѣчу дочери:

— Глупая, зачѣмъ отказываешься?

— Подслушивала! — такимъ же свирѣпымъ шопотомъ отвѣчала Ленка, подходя къ матери.

— Какъ же не подслушивать-то, коли ты глупишь! — говорила старая, опасливо посматривая на дверь. — Деньги сами въ руки тебѣ плывутъ, ты ихъ, дура, отпихиваешь. Отъ денегъ никогда не отказывайся, глупая, береги деньгу на черный день. Безъ денегъ-то ой какъ не сладко на свѣтѣ живется! Нешто забыла, какъ мы въ бѣдности-то жили?

— Что жъ, ты хочешь, чтобъ я за какіе-то гроши совѣсть позабыла, и продала хозяину и Вѣру, и рабочихъ? — сердито говорила Ленка. — Да что, я безъ Горѣловскихъ подачекъ съ голоду подохну, что-ли?

Такъ увлеклась, что заговорила громко. Старуха сдѣлала большіе глаза, и схватила ее за руку. Посадила на стулъ, зашептала ей совсѣмъ на ухо:

— Тише, ты, оглашенная! Нужно тебѣ, что-ли, чтобы онъ наши разговоры подслушивалъ?

Ленка тоже зашептала:

— Сама подслушиваешь, такъ воображаешь, что и всѣ подслушиваютъ. Очень ему надо! Занятно ему наши разговоры слушать, — вотъ-то вообразила!

— Воображать мнѣ тутъ нечего, — резонно отвѣчала старуха. — Ужъ коли молодой образованный господинъ на такое послѣднее дѣло пошелъ своему хозяину кралей въ масть подбирать, такъ онъ и подслушивать не дорого возьметъ. Не знаешь, не видишь развѣ, что это за человѣкъ?

Ты только на рожу-то его погляди, на ухмылки его анаѳемскія полюбуйся, да на весь его обычай на поганый, на хрюкъ-то его свинячій, на глумъ-то его скаредный обрати вниманіе, сдѣлай милость. Тѣмъ только отъ чернаго и отличается, что хвоста да копытъ нѣтъ, — прости, Господи, мое великое согрѣшеніе!

И старуха истово открестилась отъ представленій нечистыхъ, отъ чаръ вражьей силы. Ленка засмѣялась:

— Еще что придумаешь?

— Да правда, сущій испанецъ, — уже добродушно говорила старуха, утихомиренная призванною ею силою святого имени и креста Господня. — Нѣтъ, а ты, Ленка, послушай-ка, что тебѣ мать то скажетъ.

— Такой мерзости я не сдѣлаю, — упрямо шептала Ленка.

Мать махнула на нее рукою.

— Вотъ, поговори съ дурою! Слова молвить не даешь. Я развѣ это тебѣ хочу сказать, чтобы ты бѣдныхъ людей купчишкѣ продала? Ты только видъ такой ему подай, аспиду-то этому безрогому, приспѣшнику комолому, будто ты съ нимъ согласна.

— Что -жъ я ему врать-то стану! — недовольнымъ голосомъ сказала Ленка.

— И ври, ври поглаже, прямо въ глаза ему со всѣмъ твоимъ нахальствомъ ври, бойко ври, какъ на кобылѣ будто ѣдешь, — настаивала старуха. — Ареда этакого обмануть вовсе даже и не грѣхъ, совсѣмъ даже напротивъ. А онъ тебѣ сразу повѣритъ, — эта анаѳемская команда злому слову всегда повѣритъ, потому-

что настоящій разумъ только отъ Бога, а у нихъ, у недобрыхъ-то, вмѣсто ума одно мечтаніе. Онъ поведетъ тебя къ хозяину-то своему. А ты, какъ придешь къ Горѣлову, ты не будь глупа, да Горѣлову-то всю ихъ подлую интригу возьми да и докажи. Только попроси, чтобы онъ тебя не выдавалъ. Вотъ и останутся они такимъ манеромъ въ дуракахъ.

Ленка засмѣялась. Поцѣловала старуху. Сказала:

— Ты у меня, мамочка, министръ, — посовѣтуешь, тебя только слушайся. А я, пожалуй, и вправду такъ сдѣлаю, натяну носъ господину инженеру. Да еще такой большой!

Мать была очень довольна, — сидѣла и надмевалась: не часто бывало, что Ленка ее слушалась. Она повторяла:

— Ты мать-то свою слушайся, она тебѣ худого не посовѣтуетъ, Леночка!

* * *

Ленка вернулась къ своему гостю. Смѣшливо глянула на него, закурила папироску, сѣла на диванъ, налила себѣ чашечку кофе.

Шубниковъ свирѣпо шагалъ изъ угла въ уголъ, и дымилъ папироскою. Пока Ленка ходила, онъ успѣлъ наскоро проглотить нѣсколько рюмокъ бенедиктина. Торопился допить ликеръ, чтобы дорогая влага не досталась упрямой дѣвченкѣ. Но упоенное бытіе не оставило безъ утѣшенія упоеннаго сознанія. Шубникову вдругъ представилось, что Ленка еще не безнадежна, стоитъ только поговорить

съ нею поубѣдительнѣе. Цѣль стоила лишняго усилія. Онъ подошелъ къ Ленкѣ близко, дохнулъ на нее сладкимъ перегаромъ, ухватилъ ее за руку около голаго смуглаго локтя, точно котъ добычу сцапалъ, и умильнымъ голосомъ заговорилъ:

— Леночка, да перестаньте глупить! Вѣдь это-же — ерундища ужасная, что вы тамъ вбили себѣ въ голову о рабочихъ. Какое вамъ до нихъ дѣло? Всякій заботится о себѣ, и больше никакихъ.

— Правильно! — насмѣшливо сказала Ленка.

Хотѣла было налить себѣ ликеру, но въ крохотную узкую рюмочку только немножко упало сладкихъ капелекъ. Ленка опрокинула ихъ на свой узкій розовый языкъ.

— Никто о васъ не позаботится, — продолжалъ Шубниковъ, — если вы сами о себѣ не позаботитесь. Завѣщаніе! Важное кушанье! Не будетъ такъ, какъ Вѣра хочетъ. Или мы завѣщаніе уничтожимъ, или судъ его не утвердитъ, или мало-ли что еще мы придумаемъ. Съ деньгами все можно сдѣлать, и у Николая Иваныча вездѣ ходы есть. А вы, Леночка, пропустите случай хапнуть кушикъ. Соглашайтесь-ка лучше. На всю жизнь будете обезпечены. Вѣдь дѣло большими милліонами пахнетъ.

— И то правда! Уговорили! — отвѣчала Ленка. — Хорошо, я согласна. Если только вашъ Горѣловъ на меня глядѣть захочетъ, не выставитъ сразу за двери.

Шубниковъ даже не сообразилъ, что ужъ слишкомъ круто перемѣнила Ленка свое рѣшеніе, — бытіе, переслащенное бенедиктиномъ,

пересластило его сознаніе и окрасило его въ цвѣтъ еще болѣе золотой, чѣмъ проглоченый ликеръ. Инженеръ заликовалъ и запрыгалъ, но скромные размѣры комнаты скоро умѣрили его азартъ. Онъ взглянулъ на часы. Заговорилъ суетливою скороговоркою:

— Милая Леночка, мы вотъ какъ сдѣлаемъ, — я кое-куда сбѣгаю, тутъ у меня дѣльце есть, а вы пока собирайтесь. Одѣньтесь поочаровательнѣе, къ лицу, — ну, да васъ этому не учить! Я къ вамъ зайду, и мы вмѣстѣ на четырехчасовомъ поѣдемъ. Можетъ быть, на наше счастіе и Горѣловъ на томъ же пароходѣ возвращается. Коли спроситъ, скажемъ, что я встрѣтилъ васъ на бульварѣ, и что вы ѣдете къ вологодской кружевницѣ въ нашу слободку. Ладно?

Ленка отрицательно покачала головою, и сказала:

— Сегодня не могу. Я сегодня вечеромъ должна быть совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

— Голубушка! — взмолился Шубниковъ, — да развѣ же мыслимо откладывать! Надо торопиться во что бы то ни стало. Поймите, Леночка, — вѣдь онъ пріѣхалъ сюда завѣщаніе писать. Надо сегодня же на него аттаку произвести. А то вѣдь онъ завѣщаніе отдастъ Вѣрѣ, и это страшно затруднитъ дѣло. Теперь это можно тихимъ манеромъ уладить, а тогда рабочіе узнаютъ, и безъ большого скандала дѣло не обойдется.

— Да я сегодня не свободна, — отвѣчала Ленка.

— Плюньте вы на все! — кричалъ въ азартѣ Шубниковъ. — Поймите, время не ждетъ. Вѣдь за одинъ вечеръ сегодня вы можете взять столько, сколько во всю жизнь не достанете.

Но Ленка хотѣла сначала повидаться съ Вѣрою и сказать ей объ умыслѣ Шубникова. Надобно было оттянуть хоть до завтра.

— Можетъ быть, сегодня ему и не сдѣлаютъ, — спорила она. — Онъ такой страшно богатый, — пока все по порядку перепишутъ, сколько времени пройдетъ! Лучше я завтра пріѣду.

Шубниковъ подумалъ. Мефистофель скромно отошелъ въ сторонку, уступилъ мѣсто Сганарелю.

— Нельзя завтра, — досадливо сказалъ онъ. — А впрочемъ, вотъ мы что сдѣлаемъ. Я зайду къ нотаріусу, тамъ у меня знакомый человѣчекъ есть, онъ мнѣ разскажетъ, какъ и что.

— А если ему не велѣно разсказывать, потому, секретъ? — спросила Ленка.

Мефистофель высунулся впередъ, и запѣлъ козлотономъ:

— Денегъ дай, денегъ дай, и успѣха ожидай.

А потомъ заверещалъ озабоченный и шустрый Сганарель:

— Ужъ мнѣ-то онъ скажетъ. Если завѣщаніе готово, то ждать нельзя, и ужъ вы какъ хотите, Леночка, а я васъ сегодня же съ собою возьму. Такъ что вы меня до безъ четверти четыре подождите, никуда не уходите.

— Хорошо, — сказала Ленка. — Лучше бы мнѣ завтра. Сегодня мнѣ совсѣмъ неудобно.

Но ужъ если вамъ такъ приспичитъ, поѣду и сегодня, такъ и быть.

И думала:

«Нашелъ дуру, стану я тебя ждать!»

* * *

Прямо отъ Ленки Шубниковъ отправился на извозчикѣ за двугривенный на Горохвалову улицу. Тамъ противъ дома, гдѣ помѣщалась контора нотаріуса Черноклеина, была гостинница и при ней ресторанъ. На просторномъ балконѣ Шубниковъ занялъ столикъ, полузакрытый отъ улицы полотняною бѣлою занавѣскою, и заказалъ себѣ пива и сыру. Было вѣтрено и пыльно, ликерный чадъ обдуло съ Шубникова вѣтромъ и стрясло на дребезжащей пролеткѣ, и Шубниковъ опять соображалъ и сознавалъ соотвѣтственно преходящимъ моментамъ бытія.

Если Горѣловъ выдетъ отъ нотаріуса, Шубниковъ это увидитъ. Если вѣтеръ некстати отдернетъ занавѣску, а Горѣловъ случайно взглянетъ сюда и увидитъ его, то ничего подозрительнаго въ этомъ не найдетъ: ужъ такое центральное въ дѣловой части города мѣсто, и такой извѣстный ресторанъ, что сюда многіе заходятъ. И ужъ если Шубниковъ въ городѣ, то гдѣ же ему позавтракать, какъ не здѣсь? Да врядъ-ли и станетъ Горѣловъ смотрѣть на балконъ, — озабоченъ своими мыслями, не до того ему.

Но вѣдь могло случиться, что Горѣловъ уже уѣхалъ, такъ не сидѣть же безъ конца! Было

уже пять минутъ третьяго, когда подали пиво и сыръ, и терять времени не стоило. На всякій случай Шубниковъ заговорилъ съ офиціантомъ, благо онъ былъ знакомъ. О томъ, о семъ. И уже по четвертой репликѣ узналъ, что Горѣлова видѣли:

— Надо быть, въ банкъ Иванъ Андреевичъ утромъ пріѣзжали.

Шубниковъ сдѣлалъ знающее лицо, и спросилъ:

— Еще тамъ?

— Нѣтъ, уѣхали.

— Давно?

— Да такъ, съ часъ времени.

Послышался рядомъ призывающій стукъ ложечкою по стакану. Окрыливъ себя изъ-подъ мышки мятою салфеткою, офиціантъ порхнулъ легче чижика къ сосѣднему столу. А Шубниковъ на вырванномъ изъ записной книжки листкѣ написалъ карандашомъ записку знакомому клерку отъ Черноклеина, — просьбу зайти сюда на четверть часика, «раздавить за компанію бутылочку пивца.» Послалъ записку съ рестораннымъ мальчикомъ.

Клеркъ пришелъ скоро. Это былъ просто двадцатилѣтній парнишка въ куцомъ синенькомъ пиджачкѣ, въ крахмальномъ воротничкѣ съ голубымъ галстучкомъ, свѣтловолосый и мягкогубый, весь мягонькій, пухленькій, веснушчатый, и такой веселый, точно сейчасъ только выпилъ стаканъ густыхъ сливокъ потихоньку, обманувши маменькину хозяйственную бдительность. Теперь онъ весь сіялъ, даже его ботиночки казались только-что покрытыми

лакомъ и надѣтыми въ первый разъ, и у него былъ такой видъ, какъ будто онъ знаетъ что-то необыкновенно важное и едва удерживается отъ желанія разсказать это. И точно, едва успѣлъ онъ поздороваться съ Шубниковымъ, какъ началъ:

— Хотите, я скажу вамъ что-то совсѣмъ новенькое?

— Ну, ну, говорите, — отвѣчалъ Шубниковъ, наливая ему пива, придвигая сыръ, и уже впередъ ласково улыбаясь ему.

Что могло быть новенькаго у человѣчка изъ конторы нотаріуса, кромѣ посѣщенія Горѣлова по такому важному дѣлу?

Клеркъ зарадовался, захихикалъ и заговорилъ:

— Что вы должны отвѣтить, если вамъ скажутъ: добрѣй Ивана Андреевича?

Шубниковъ увидѣлъ въ этомъ прямой подходъ къ дѣлу: доброта Ивана Андреевича доказывается его завѣщаніемъ въ пользу рабочихъ. Инженеръ измефистофелился, насколько это можно было сдѣлать на ресторанномъ балконѣ, и отвѣчалъ:

— Нельзя быть добрѣй Ивана Андреевича.

Но у клерка былъ совсѣмъ другой умыселъ. Онъ долго и основательно кисъ и пузырился отъ смѣха, наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, выпалилъ:

— Ничего подобнаго. Отвѣчайте: — Не добрею! Не умѣю брить.

И тутъ уже клеркъ совсѣмъ погибъ отъ смѣха. Пуская пузыри, выкрикивалъ:

— А? что? вотъ такъ каламбуръ!

* * *

Шубниковъ мгновенно размефистофелился, обозлился совсѣмъ по-обывательски, и чуть было не обругалъ клерка желтогубымъ идіотомъ. Да вспомнилъ во-время, что теперь ссориться съ клеркомъ нельзя. Принудилъ себя даже посмѣяться для приличія, а потомъ, не давая времени клерку киснуть надъ другими каламбурами, если они припасены, перешелъ прямо къ дѣлу. Придвинулся поближе къ клерку, и шепнулъ:

— Зачѣмъ у васъ сегодня утромъ Иванъ Андреевичъ былъ?

Клеркъ попытался замкнуть зеркало своей души на замокъ, но зайчики, брошенные солнцемъ служебной тайны, все же запрыгали на Шубникова. Замкнутая совсѣмъ не прочно клеркова душа сигнализировала проворными зайчиками:

«Я беременна такою большою тайною, что жду акушера сдѣлать кесарево сѣченіе.»

А губы, мягкія и добрыя притворяясь, давно привыкшими къ противной и горькой ему, какъ и пиво, папироскѣ, произносили неспѣша и важно:

— Я этого не знаю, а если бы и зналъ, то не могъ бы сказать. Что мнѣ довѣряется по службѣ, то я обязанъ хранить въ строжайшей тайнѣ. Иначе я буду не клеркъ нотаріуса, а паршивая собака, и мой патронъ будетъ мнѣ говорить не Николай Сергѣевичъ, а просто: Ника! лай!

И, очень довольный, началъ киснуть. На этотъ разъ Шубниковъ изъ вѣжливости подхихикнулъ, потомъ нагнулся къ уху клерка, и прошепталъ:

— Голубчикъ, да вѣдь я знаю. Горѣловъ пріѣзжалъ къ вамъ писать завѣщаніе.

Клеркъ вдругъ пересталъ киснуть, и даже нахмурился. Ему не понравилось, что тайна извѣстна. А Шубниковъ продолжалъ шептать:

— И знаю даже, въ чью пользу. Николаю Ивановичу — ничего, Любови Николаевнѣ и Людмилѣ Ивановнѣ — нѣчто, а существенное — фабричнымъ рабочимъ.

Клеркъ засіялъ отъ радости.

— Ничего подобнаго, — воскликнулъ онъ, — и вовсе не рабочимъ, а какой-то дѣвицѣ. Звать Вѣрой, а фамилію не запомнилъ. Моему патрону, кажется, это не совсѣмъ понравилось. Они съ Иваномъ Андреевичемъ долго спорили о чемъ-то. Заперлись въ кабинетѣ. Законы требовали, сенатскія разъясненія. Часа два проговорили. Я, конечно, старался кое-что услышать, но, вы сами понимаете, передъ дверью не совсѣмъ удобно торчать.

Шубниковъ увѣренно сказалъ:

— Ну, значитъ, о томъ и спорили, въ чью пользу писать, должно быть, на эту самую Вѣру удобнѣе.

— Кто такая эта Вѣра? — спросилъ клеркъ.

— Горѣловская новенькая, — съ поганою улыбкою отвѣчалъ Шубниковъ. — Изъ нашихъ фабричныхъ работницъ.

Клеркъ осклабился.

— Чѣмъ же она такъ Ивана Андреевича очаровала, что онъ ей завѣщаніе дѣлаетъ? — спросилъ онъ. — Очень хороша, что-ли?

— Ну, на чей вкусъ! — пожимая плечами, сказалъ Шубниковъ. — Рыжая, рослая, голосъ

звонкій, сама веселая да бойкая, даже слишкомъ бойкая. А когда завѣщаніе будетъ готово?

Клеркъ состроилъ непроницаемое лицо, и замолкъ. Шубниковъ запустилъ пальцы въ жилетный карманъ, и тамъ что-то хрустнуло. Клеркъ глазами и бровями выкинулъ сигналъ ожиданія. Пальцы Шубникова извлекли нѣчто изъ жилетнаго кармана, и всунули клерку въ руку подъ столомъ. Клеркъ кинулъ быстрый взоръ на цвѣтъ зажатой въ его рукѣ бумажки, и сказалъ:

— Ровно черезъ недѣлю. Знаете, нашъ патронъ торопиться не любитъ.

* * *

Шубниковъ рѣшилъ не давать Ленкѣ никакой отсрочки. Чѣмъ раньше начнется ея приступъ на Горѣлова, тѣмъ лучше. И, конечно, надо начать теперь же: Горѣловъ цѣлую недѣлю не увидится съ Вѣрою, и потому легче приметъ теперь Ленку, какъ минутную забаву, а ужъ Ленка должна увлечь его прочно. Когда пройдутъ дни, и срокъ ожиданія для Горѣлова сократится, итти къ нему съ Ленкою будетъ гораздо труднѣе.

Попрощавшись наскоро съ клеркомъ, Шубниковъ нанялъ извозчика къ Ленкѣ и оттуда на дачную пристань. Времени оставалось въ обрѣзъ.

Но на Ленкиной квартирѣ Шубникова ждало разочарованіе, — Ленки уже не было. Старуха сама вышла на звонокъ, и говорила:

— Вотъ только, только что вышла. Какъ вы ее не встрѣтили? Только я за нею дверь на крючокъ заложила, — Диночку-то Ленка послала куда-то, такъ я одна осталась, — налила себѣ кофею, вдругъ вы звоните. Ну вотъ всего какихъ-нибудь двѣ минуты не застали.

— Куда она пошла? Скоро вернется? — торопливо спрашивалъ Шубниковъ.

— Развѣ она скажетъ, куда пошла? — отвѣчала старуха. — Сказала, что ночевать дома не будетъ. Да вы не господинъ ли Шубниковъ будете?

— Ну, да, я — Шубниковъ. Она мнѣ записку оставила?

— Записки нѣтъ, а такъ на словахъ велѣла передать, что она къ вамъ завтра съ утреннимъ пароходомъ пріѣдетъ.

Такъ Шубникову пришлось уѣхать ни съ чѣмъ. Дорожныя размышленія привели его къ мысли, которая показалась ему чрезвычайно-удачною.

У Вѣры ключъ отъ завѣтнаго домика. Она взбалмошная. Ей ничего не стоитъ самой вдругъ притти въ домикъ и вызвать Горѣлова свѣтовымъ сигналомъ. Заградить калитку — невозможно: Горѣловъ можетъ это замѣтить. Надо иначе затруднить ей входъ въ домикъ. Но какъ? Вызвать подозрѣніе въ Соснягинѣ.

Самъ Шубниковъ говорить съ Соснягинымъ не рѣшался. Это казалось ему по многимъ основаніямъ опаснымъ. Придумалъ поговорить съ Пучковымъ, чтобы тотъ передалъ, что надо, Соснягину.

* * *

А Ленка уже давно шла по дорогѣ изъ города въ фабричную слободку, босая, въ бѣлой блузкѣ и недлинной голубой юбочкѣ, накрывшись голубымъ платочкомъ, однако, тонкимъ шелковымъ и дорогимъ. Въ рукахъ она несла корзинку съ кое-какою пищею, чтобы въ слободкѣ никого не стѣснить своимъ прокормленіемъ; тамъ же, завернутые въ газетную бумагу, лежали ея чулки и бѣлыя туфли на каблучкахъ, — тропинка вдоль дороги была гладка и мягка. Раньше, чѣмъ пароходъ съ Шубниковымъ подошелъ къ Горѣловской пристани, Ленка уже была въ слободкѣ. Работа на фабрикѣ кончилась. Ленка постояла у воротъ въ церковной оградѣ, мимо которой шла дорога изъ фабрики въ слободку. Дождалась Вѣры. Сказала ей тихо:

— Мнѣ съ тобой поговорить надо о важномъ дѣлѣ по секрету. Такъ я къ тебѣ, пожалуй, не пойду, а ты ко мнѣ выди, я тебя подожду гдѣ-нибудь за слободкой, ну хоть въ лѣсной сторожкѣ у дяди Михея.

— Пойдемъ лучше къ намъ, поужинаемъ, — отвѣчала Вѣра, — такъ будетъ удобнѣе. Въ саду поговоримъ.

Ленка не спорила. Что подождетъ за слободкой, говорила только затѣмъ, чтобы не стѣснить Вѣры, если у той дома что не ладно.

— Ладно, — сказала она — Только я со своими харчами пришла, — ветчины принесла, балычку, телятинки холодной, да миндальнаго пирожнаго къ чаю.

Вѣра засмѣялась.

— Миндальничаешь! — смѣшливо сказала она. — Ну, а мы тебя щами угостимъ съ убоинкою, — вкусныя сегодня у насъ щи, въ русской печкѣ стоятъ, совсѣмъ еще горячія, наварныя.

Пошли вдоль берега, и Ленка, съ корзинкою въ рукѣ, въ голубомъ платочкѣ, похожа была на работницу-писариху, дѣвушку простую, кокетливую, веселую и милую. Кто встрѣчался съ нею знакомый, улыбался ей ласково, и, — странное дѣло! — никто изъ этихъ суровыхъ, тяжелыхъ, всегда раздраженныхъ и, въ общемъ, весьма нравственныхъ людей не сердился на нее за то, что она не столько наѣздница цирковая, сколько городская веселая блудница.

Вечеромъ Вѣра и Ленка сидѣли въ саду, и тихо разговаривали. Ленка передавала Вѣрѣ весь свой разговоръ съ Шубниковымъ и съ матерью. Разсказала и Вѣра про свой замыселъ и про все, что уже было.

— Ну, дастъ онъ тебѣ бумагу, а потомъ что? — спросила Ленка.

— Не знаю, — мрачно сказала Вѣра. — Добромъ не кончится. Да только бы бумагу передать въ вѣрныя руки, а о себѣ что думать! А вотъ что мнѣ странно, — Горѣловъ самъ сказалъ, что Шубникова не надо въ это дѣло путать. Не могъ онъ сказать Шубникову про завѣщаніе. Да и никому не сказалъ.

— Откуда же узналъ Шубниковъ? — спросила Ленка.

— Дрянной человѣчишка, — отвѣчала Вѣра, — Не иначе, какъ подслушалъ. Вѣдь онъ мнѣ и ключъ отъ калитки далъ. Онъ тамъ всѣ входы и выходы знаетъ. Онъ и здѣсь вездѣ

шныряетъ, все старается узнать, одного только узнать не сумѣлъ, что у насъ завтра въ два часа забастовка начнется.

* * *

Нотаріусъ Черноклеинъ наговорилъ Горѣлову много законныхъ доводовъ, препятствующихъ составленію завѣщанія въ пользу всѣхъ рабочихъ Горѣловскихъ фабрикъ, и все дѣло съ завѣщаніемъ представилъ чрезвычайно сложнымъ и труднымъ. Поэтому послѣ долгихъ споровъ Горѣловъ согласился на то, чтобы завѣщаніе было написано въ пользу Вѣры, — вѣдь она уже отъ себя можетъ подарить фабрики, кому вздумаетъ, — согласился и на то, что завѣщаніе будетъ готово черезъ пять дней. Относительно недѣли клеркъ привралъ и для того, чтобы его сообщеніе казалось значительнѣе и для того, чтобы все-таки не выдать служебной тайны.

Разговоръ съ нотаріусомъ очень утомилъ и взволновалъ Горѣлова. Хотя съ Черноклеинымъ онъ былъ очень хорошъ, почти друженъ, но все-таки тяжело было говорить съ посторроннимъ человѣкомъ о томъ, что онъ своего сына лишаетъ наслѣдства. И другое: самъ Черноклеинъ — вѣрный человѣкъ, онъ никому не разскажетъ. Онъ самъ про себя говорилъ:

— Я не изъ болтливыхъ; что мнѣ довѣрено, какъ въ могилу зарыто.

Но Горѣловъ зналъ, что людишки всегда и вездѣ подсматриваютъ и подслушиваютъ. Прав-

да, двери притворяли, старались говорить потише, но порою и фабрикантъ, и нотаріусъ увлекались и начинали говорить вслухъ, а голоса у обоихъ были зычные, волжскіе.

Сидя въ своей быстро мчащейся коляскѣ и всматриваясь въ мелькающія по обѣ стороны лица горожанъ, изъ которыхъ многіе торопливо и почтительно сдергивали передъ нимъ шапки, Горѣловъ думалъ:

«То-то будутъ языки чесать.»

И эта мысль такъ крапивно язвила его самолюбіе, что иногда въ душѣ его вспыхивала злоба на заклинательницу змѣй. Но встанетъ передъ закрытыми глазами яркій, словно изъ солнца скованный образъ, — и гаснетъ злоба, и что ему вся слава и молва людская лукавая!

И еще томило то, что Черноклеинъ насказалъ ему о возможности оспаривать это завѣщаніе. Нотаріусъ говорилъ:

— Всѣ фабриканты всполошатся, правительство обезпокоится, на судъ будетъ оказано большое давленіе.

Итакъ, значитъ, все впереди неопредѣленно и зыбко. И при этомъ — пять долгихъ дней ожиданія!

Неровная, тяжелая работа сердца, — быстрый бѣгъ коляски, — настойчиво бьющійся въ лицо теплый, тревожный вѣтеръ, — мелькающіе мимо поля и рощи, холмы, извивы Волги, пѣшеходы и проѣзжіе, непріятная пыль изъподъ колесъ встрѣчниковъ, вскрики и всмѣхи ребятишекъ въ перелѣскахъ, сухой шорохъ колосьевъ, внезапное карканье воронъ, и рѣзкій клекотъ ястреба надъ дворомъ попутной усадьбы, и бабій испу-

ганный и злой крикъ, — все привычное и все странно-новое, волновало и томило. И жутко замерло сердце, когда коляска понеслась, ускоряя ходъ, по широкой березовой аллеѣ къ сложеннымъ изъ тяжелыхъ сѣрыхъ глыбъ воротамъ его владѣнія.

Звуки рояля сквозь раскрытыя окна дома внятно разсказали ему въ нѣсколькихъ тактахъ всю исторію его жизни, и втѣснили въ свое зыбкое теченіе все, чѣмъ отравлена душа, — скука надоѣдливыхъ повтореній, суета и маета тщетныхъ заботъ и трудовъ, сожалѣніе о рядѣ совершенныхъ ошибокъ, печаль о невозможномъ счастіи, котораго все еще жаждетъ страстное сердце, скорбь о невозвратно утраченномъ, горе отца, пустынное невѣріе и обманутая вѣра, робкая боязнь стерегущихъ бѣдъ, суетный страхъ мірскихъ осужденій, лукавый стыдъ передъ всякою тупоглазою ухмылкою, тоска гнетущихъ предчувствій, непобѣдимый ужасъ, неожиданно воздвигающій сонмы грозящихъ призраковъ, отчаяніе души, вдругъ ставшей на краю невозможной бездны, томительное безсиліе, гнетущее безволіе, — все переливалось въ немъ, и онъ казался себѣ растворенным въ этой прозрачной, звучащей стихіи. Она владѣла имъ, какъ страсть, она переплавила пламенно всю сумятицу противорѣчивыхъ чувствъ, изъ всѣхъ угнетенностей и слабостей извлекла сладчайшій и крѣпчайшій ядъ, всѣ муки душевныя сплела въ одинъ узелъ, зажгла однимъ костромъ, пылающимъ выше небесъ, и жажда обладанія побѣдно всплыла надъ моремъ этихъ плѣнительныхъ звуковъ, надъ бушеваніемъ печалей

и страстей. Настойчивый и волевой характеръ стремительныхъ звуковъ все ярче и сильнѣе дѣйствовалъ на Горѣлова, какъ заклинаніе ночной волшебницы, изъ мрака и бури творящей пламенные лики. И въ душѣ стараго человѣка желаемое властно требовало осуществленія.

Намѣренно замедляя шаги на лѣстницѣ и ни съ кѣмъ не говоря, онъ прошелъ прямо къ себѣ съ такимъ чувствомъ, какъ будто несъ глубокую и полную чашу напитка, который нельзя разлить. У себя въ кабинетѣ онъ сѣлъ въ покойное кресло у телефона, соединился съ Черноклеинымъ, и потребовалъ, чтобы документъ былъ во что бы то ни стало изготовленъ къ завтрашнему утру.

— Въ десять часовъ я за нимъ пріѣду.

Черноклеинъ пытался поспорить. Но голосъ Горѣлова звучалъ такъ страстно и настойчиво, что Черноклеинъ вдругъ понялъ неодолимость этой поздней страсти, заразился этимъ прянымъ ядомъ непреклоннаго желанія, и дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, хорошо, Иванъ Андреевичъ, сдѣлаю.

Самъ принялся за дѣло, и подъ его сѣдыми стриженными жестко усами дрожала жалостливая улыбка.

* * *

Прямо съ парохода Шубниковъ отправился въ фабричную контору. Управляющій, Василій Ермиловичъ, уже ушелъ, два-три оставшихся конторщика любезничали съ вертлявою

кассиршею потребительной лавки, и до упаду смѣшили ее незатѣйливыми выдумками. Когда Шубниковъ вошелъ, они притворились, будто перестали любезничать только потому, что подходитъ время уходить. Кассирша выпорхнула, какъ ласточка весьма тяжеловѣсная, но все же быстрокрылая. Конторщики, тихонько переговариваясь, убирали свои бумаги.

Шубниковъ отозвалъ къ сторонкѣ Пучкова. Спросилъ его тихо:

— Вы сегодня къ Людмилѣ Ивановнѣ не думаете зайти?

Пучковъ медлилъ отвѣтомъ. Шубниковъ сказалъ:

— Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: мнѣ надобно съ вами переговорить объ одномъ очень важномъ и щекотливомъ дѣлѣ. Здѣсь и въ слободкѣ неудобно. Вопросъ, видите-ли, довольно личнаго, интимнаго, такъ сказать, характера.

— Что-нибудь относящееся къ Людмилѣ Ивановнѣ? — съ безпокойствомъ спросилъ Пучковъ.

Нѣжное лицо его слегка покраснѣло, и мечтательные глаза на минуту стали острыми: ему было досадно съ Шубниковымъ говорить о Милочкѣ. Шубниковъ съ трудомъ подавилъ мефистофелевскую усмѣшку, думая о томъ, что Пучковъ этимъ вопросомъ выдалъ свою смѣшную влюбленность. Онъ говорилъ:

— Нѣтъ, это касается Людмилы Ивановны только косвенно. Я хотѣлъ просить васъ зайти ко мнѣ. А впрочемъ...

Онъ оглядѣлся, — изъ конторы уже всѣ ушли.

— Пожалуй, можно и здѣсь — продолжалъ онъ. — Дѣло, видите — ли, вотъ въ чемъ...

И онъ принялся полушопотомъ, многословно и запутанно, подводить Пучкова къ опасной темѣ. Говорилъ, что ему, по его положенію на фабрикѣ и въ домѣ, становится иногда случайно извѣстнымъ многое такое, чего онъ не хотѣлъ бы и знать; бываетъ иногда ужасно непріятно входить въ чужія дѣла, но все же долгъ порядочнаго человѣка заставляетъ, въ случаѣ необходимости, не оставаться безучастнымъ къ тому, что можетъ отразиться тяжело на чьей-нибудь судьбѣ. Говорилъ, что онъ всегда былъ другомъ рабочихъ, что онъ — соціалъ-демократъ по убѣжденіямъ, но что нѣкоторые изъ рабочихъ относятся къ нему недовѣрчиво. Онъ не винитъ въ этомъ рабочихъ, — имъ, конечно, иногда трудно разобраться въ томъ, кто имъ другъ и кто имъ врагъ, но ему все-таки это очень горько, и онъ этого не заслуживаетъ. Ему очень печально, что такой, напримѣръ, сознательный рабочій и симпатичный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, какъ Соснягинъ, смотритъ на него подозрительно и непріязненно. Потому онъ, Шубниковъ, не можетъ поговорить съ Соснягинымъ откровенно о такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, гдѣ всѣ его симпатіи на сторонѣ рабочаго противъ хозяина, такъ какъ Соснягинъ могъ бы заподозрить искренность и правдивость его словъ. Потому-то Шубникову и приходится обратиться къ посредничеству Пучкова. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый потокъ комплиментовъ Пучкову, его интеллигентности, деликатности, тактич-

ности, понятливости, умѣнью говорить съ разными людьми и прочимъ его прекраснымъ душевнымъ свойствамъ. Дальше — смутный, сбивчивый разсказъ о любовныхъ увлеченіяхъ Горѣлова, о его новой внезапной страсти къ одной изъ фабричныхъ работницъ, — но имя Вѣры не было названо ни разу. Потомъ Шубниковъ сдѣлалъ предположеніе, что Горѣловъ въ одну изъ ближайшихъ ночей, можетъ быть, даже нынче, будетъ ждать нѣжнаго свиданія въ своемъ саду, въ той его части, которая выходитъ въ сторону къ фабричной слободкѣ: это Шубниковъ заключилъ будто бы изъ того, что хозяинъ освѣдомлялся, о какой-то калиткѣ въ томъ мѣстѣ и ключъ потребовалъ себѣ, а такъ же изъ того, что Горѣловъ сегодня съ утра очень взволнованъ, дѣлами не интересуется, и поѣхалъ въ городъ, надо полагать, съ цѣлью купить подарокъ своей новой возлюбленной.

Ошеломленный этимъ потокомъ неожиданныхъ изліяній, Пучковъ слушалъ молча. Какъ въ туманѣ, далъ онъ Шубникову честное слово хранить все это въ тайнѣ и только одному Соснягину, и то подъ большимъ секретомъ, сказать о калиткѣ и о хозяйскихъ вожделѣніяхъ, отнюдь не говоря при этомъ, что получилъ эти свѣдѣнія отъ Шубникова, — Соснягинъ же пойметъ, что Пучковъ, часто бывая въ домѣ Горѣловыхъ, мало-ли отъ кого могъ узнать это, но не можетъ выдавать сообщившаго, чтобы не подвести его подъ непріятность.

Получивши отъ Пучкова это обѣщаніе, скрѣпленное неоднократно честнымъ словомъ и крѣпкимъ рукопожатіемъ, Шубниковъ быстро ушелъ.

Пучковъ надѣлъ соломенную шляпу, взялъ свою тросточку, и отправился домой. По дорогѣ онъ думалъ, что рѣчь идетъ о Вѣрѣ, и пенялъ на себя, что взялся за такое щекотливое и непріятное дѣло. Въ глазахъ его было мечтательное болѣе обычнаго выраженіе, тросточка особенно нервически и тонко посвистывала, описывая быстрые круги въ воздухѣ, а иногда вырывалась изъ рукъ. Пучковъ не безъ робости соображалъ, какъ же это онъ станетъ говорить съ такимъ рѣзкимъ, суровымъ и гордымъ человѣкомъ, какъ Соснягинъ, о такомъ дѣлѣ. Думалъ, не лучше-ли сказать это сначала Вѣриной матери. Хотѣлъ-бы отложить до завтра, потому-что утро вечера мудренѣе, но тотчасъ же ему пришла въ голову мысль, что непоправимое событіе можетъ совершиться въ любую ночь, даже и въ эту. При этой мысли у него отъ страха похолодѣли ноги, тросточка вырвалась изъ рукъ и угодила прямо въ спину высокому и тонкому человѣку въ блузѣ, засыпанной фарфоровою пылью. Тотъ обернулся, — Пучковъ узналъ Соснягина.

«Поразительное совпаденіе!» — думалъ Пучковъ, холодѣя.

* * *

Послѣ обѣда Шубниковъ, многозначительно подмигнувши Николаю, пошелъ къ нему. Тамъ, съ обычными гримасами и ужимками, онъ разсказалъ Николаю, будто-бы отъ одного знакомаго человѣчка, который служитъ у нотаріуса,

узналъ о завѣщаніи Горѣлова въ пользу рабочихъ. Не сказалъ, что въ пользу Вѣры, потому-что это могло-бы смягчить злость Николая: пожалуй, рѣшилъ бы, что если Вѣра и отвергаетъ его свободную любовь, то согласится вытти за него замужъ, да еще будетъ рада такой чести.

Николай осатанѣлъ отъ злости. Вопилъ, неистово мечась по комнатѣ и бѣшено топая ногами при каждомъ сильномъ словѣ:

— Да онъ съ ума сошелъ, старый чортъ! Да это грабежъ на большой дорогѣ! Да на него надобно опеку наложить!

— Вы подумайте еще и о томъ, — говорилъ Шубниковъ, — какія волненія поднимутся на другихъ фабрикахъ, когда тамъ прослышатъ, какое счастье привалило Горѣловскимъ рабочимъ.

— На чужія фабрики мнѣ наплевать, — злобно говорилъ Николай, — пусть хоть всѣ онѣ къ черту провалятся! Моихъ фабрикъ пусть онъ отъ меня отнимать не смѣетъ! Я его осрамлю, я это на весь свѣтъ разблаговѣщу! Я буду просить, чтобы назначили опеку.

— Опека опекой, — отвѣчалъ Шубниковъ, — но это исторія длинная и довольно скандальная.

— Плевать мнѣ на скандалъ! — вопилъ Николай, — я на все пойду, я у него изъ горла мой кусокъ вырву!

Шубниковъ настойчиво продолжалъ:

— Но вы все-таки обратите вниманіе пока и на это обстоятельство, относительно другихъ фабрикъ. Вѣдь это бунтомъ пахнетъ. Будь я

на вашемъ мѣстѣ, я бы поговорилъ по секрету съ жандармскимъ полковникомъ. Онъ, можетъ быть, прекратитъ всю эту затѣю безъ малѣйшаго шума.

— Идея! — радостно воскликнулъ Николай. — Сейчасъ же ѣду въ городъ!

— Теперь поздно, можете и не застать Солодовскаго, лучше завтра утромъ, — сказалъ Шубниковъ.

Но до утра ждать Николаю не терпѣлось.

— Все равно, зайду къ Грабилину, перехвачу хоть сотни двѣ, переночую гдѣ-нибудь въ городѣ.

И неистовымъ голосомъ завопилъ въ домашній телефонъ, чтобы ему заложили немедленно пролетку ѣхать въ городъ.

* * *

Николай потратилъ полчаса на тщательный туалетъ, и спустился въ обширный и темноватый холъ. Тамъ онъ засталъ Башарова и Елизавету, одѣтыхъ по-городскому. Елизавета стояла передъ узкимъ окномъ рядомъ съ выходною дверью, постукивая концомъ розоваго китайскаго зонтика, ни на какую потребу, кромѣ зависти пустыхъ дѣвченокъ, не годную. Башаровъ сидѣлъ въ креслѣ у празднаго камина, и докуривалъ сигару. Онъ сказалъ:

— Я слышалъ отъ кучера, что ты ѣдешь въ городъ. Вотъ и кстати, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Но у меня пролетка, — началъ было Николай.

Башаровъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его недовольнаго вида, сказалъ:

— Я уже распорядился, чтобы дали не пролетку, а коляску. Мы съ Елизаветою собрались въ театръ, тамъ сегодня гастрольный спектакль, для Сонохты и то — нѣчто въ родѣ чего-то.

Николаю было досадно, но ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться. Подана была четырехмѣстная коляска, и Николай усѣлся на переднемъ сидѣньи, спиною къ кучеру, что ему всегда не нравилось.

Елизавета все еще дулась, и почти ничего не говорила. Башаровъ говорилъ по-французски, — чтобы не понялъ сурово торчавшій на козлахъ кучеръ:

— Объясни мнѣ, пожалуйста, Николай, что происходитъ въ вашемъ домѣ? Всѣ движутся и говорятъ, какъ автоматы, внутри которыхъ самое интересное замкнуто и ключъ спрятали. Твоя мать ходитъ съ нездѣшнимъ видомъ, Милочка ничего не понимаетъ, ты чѣмъ-то наполненъ взрывчатымъ, профессоръ печаленъ и великолѣпенъ, какъ Герценъ на могилѣ Огарева, у твоего отца удивительно странный видъ.

— Мой отецъ сошелъ съ ума! — яростно закричалъ Николай.

— О! — протяжно сказала Елизавета.

И съ видомъ страдалицы приложила тонкій палецъ въ тѣсной лайкѣ къ правому виску, точно вскрикъ Николая причинилъ ей жестокую мигрень.

— О! — повторилъ за нею и Башаровъ, — ты выражаешься слишкомъ сильно. Скажи, ради

Бога, по возможности спокойно, въ чемъ дѣло.

Николай, ни минуты не думая о томъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, стремительно и злобно разсказалъ, что отецъ влюбился въ фабричную работницу, что по этой причинѣ онъ равнодушенъ къ адюльтеру своей жены съ профессоромъ, когда же Николай, оберегая честь семьи, попытался открыть отцу глаза на эту связь, отецъ на него же взбѣсился, сдѣлалъ ему страшную сцену, совсѣмъ неприлично сталъ обниматься и лизаться съ любовникомъ своей жены, а его, Николая, намѣревается лишить наслѣдства и съ этою цѣлью пишетъ завѣщаніе въ пользу рабочихъ.

Елизавета, слушая все это съ очевиднымъ удовольствіемъ, то и дѣло вставляла язвительныя словечки:

— Какъ все это неприлично! Какъ все это скандально! Это можетъ быть только въ Россіи! Какъ это похоже на кузину, которая дерется!

Башаровъ слушалъ молча и съ большимъ любопытствомъ. Онъ долженъ былъ сначала узнать все до конца, и уже только потомъ подумать, почувствовать и реагировать. А вообще-то все это ничуть не противорѣчило его общему настроенію въ этотъ пріѣздъ къ брату, — не нравилось, сразу казалось неприличнымъ.

Окончивши разсказъ, Николай долго еще изливалъ свои чувства. Елизавета замолчала и сидѣла, презрительно поджимая губы. Она думала, что сынъ стоитъ своего отца и не лучше своей сестры, и что вся эта родственная ей, къ сожалѣнію, волжская семья не можетъ выдержать никакого сравненія съ почтенными семья-

ми того же круга въ Германіи, Франціи и Англіи.

Вдругъ изъ-за поворота дороги послышалось негромкое и не совсѣмъ стройное пѣніе:

«Вставай, поднимайся, рабочій народъ.»

Башаровъ позеленѣлъ отъ злости и отъ страха. Елизавета испуганно вскрикнула и прижалась къ отцу, пытаясь въ то же время скрыть подъ легкою накидкою цвѣта сомонъ надѣтыя на ней цѣнныя побрякушки: осыпанные брилліантами золотые часики на паутинно-тонкой золотой цѣпочкѣ, брошь, браслетъ, — какъ бы не ограбили.

— Что же это, опять здѣсь бунтъ начинается? — спросилъ Башаровъ скрипучимъ болѣе обычнаго голосомъ.

Николай повернулся на своемъ мѣстѣ, и злобно смотрѣлъ на дорогу. Изъ-за кустовъ выдвинулось десятка два рабочихъ. Увидѣвъ Горѣловскую коляску, они замолчали и угрюмо смотрѣли на проѣзжающихъ. Когда коляска проѣхала мимо нихъ, послышался отрывочный говоръ, смѣхъ. До ушей Николая донеслось слово:

— Лоботрясъ!

Николай сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и говорилъ:

— Нѣтъ, это не бунтъ, а просто прогуливаются апаши съ нашей или съ какой-нибудь другой фабрики. Но я бы не хотѣлъ встрѣтиться съ ними гдѣ-нибудь въ пустомъ мѣстѣ. И эти разбойники — наслѣдники нашихъ фабрикъ! Для этихъ господъ я долженъ уступить

мое достояніе! Нѣтъ, я на это никогда не соглашусь. Я приму свои мѣры.

— Что же ты хочешь сдѣлать? — спросилъ Башаровъ.

— Поговорю прежде всего съ Солодовскимъ, — отвѣчалъ Николай.

— Это кто-же?

— Здѣшній начальникъ жандармовъ.

Елизавета презрительно глянула на Николая, и отвернулась. Николай вытаращилъ глаза, выпрямился и приготовился отразить всѣ возраженія. Башаровъ подумалъ, поморщился, пожевалъ губами, потомъ сказалъ тихо и вѣско:

— Пожалуй, — это самое умное, что можно сдѣлать. Конечно, такое завѣщаніе колеблетъ фундаментъ общественнаго порядка.

Въ это время коляска обогнала двухъ Горѣловскихъ рабочихъ, которые быстро шли по дорогѣ въ городъ. Николай язвительно засмѣялся и сказалъ:

— Ходятъ наслѣдники, точно добычу почуяли.

* * *

Утромъ Горѣловъ позвонилъ къ Черноклеину по телефону:

— Готово?

— Къ десяти будетъ готово, какъ сказано. Пріѣдете сами, или я вечеромъ пріѣду съ книгами?

— Пріѣду самъ.

Радостно взволнованный, Горѣловъ велѣлъ подать коляску. Поѣхалъ сначала на фабрику. Тамъ сидѣлъ недолго въ конторѣ, сдѣлалъ дватри распоряженія, едва вникая въ то, что говоритъ онъ и что ему говорятъ, оттуда прошелъ прямо въ отдѣленіе, гдѣ было тихо, не пылалъ огонь, не громыхали машины, гдѣ писарихи чинно сидѣли за станками и разрисовывали блюдечки и чашки идиллическими, шаблонными цвѣточками или на поворотномъ кругѣ выводили золотые ободки и кружочки. Прошелъ мимо Вѣры. Едва глянулъ на нее, но отчетливо замѣтилъ, что̀ она дѣлаетъ, и видѣлъ, что она его видитъ. Значитъ, сегодня ночью придетъ.

Сердце сильно забилось, и онъ почувствовалъ, что не можетъ пройти по другимъ отдѣленіямъ. Да и не надо, ничего теперь не надо, — какія тамъ дѣла, когда такое солнце восходитъ, и такая райская птица сладостно поетъ въ душѣ, поетъ-заливается! Горѣловъ опять прошелъ въ свой небольшой кабинетъ при конторѣ. Пришли съ какими-то дѣлами, но онъ коротко сказалъ:

— Потомъ. Къ вечеру еще разъ заѣду. Теперь тороплюсь въ городъ.

Съ минуту посидѣлъ одинъ, и уже хотѣлъ было подняться и итти къ выходу, какъ появился Шубниковъ. Горѣловъ недружелюбно глянулъ на него, но это не смутило Шубникова. Придавши своему лицу необычайно скабрезное выраженіе и изгибаясь съ удивительною выворотностью, не хуже угря или балерины, онъ нагнулся къ уху Горѣлова, и съ почтительною фамиліярностью доложилъ:

— Иванъ Андреевичъ, сегодня ночью васъ ждутъ въ домикѣ.

Горѣловъ нахмурился. Подумалъ:

«Да что это Вѣра выдумала, черезъ Шубникова передавать? Вѣдь она же меня видѣла!»

Потомъ сообразилъ, что Вѣра могла сказать это Шубникову съ самого утра, когда Горѣлова еще не было здѣсь, и что, значитъ, она хочетъ притти къ нему, не дожидаясь завѣщанія. Что же это можетъ значить? Повѣрила? полюбила? Сердце Горѣлова наполнилось радостью, гордостью, надеждою; страсть къ Вѣрѣ загорѣлась въ немъ съ удесятеренною силою, отгоняя всякую скорбь, и всякое зло, и даже злое предвкушеніе смерти обращая въ восторгъ. Онъ съ восхищеніемъ вспомнилъ, какъ видѣлъ ее сейчасъ, когда она расписывала чайную чашку съ широкимъ золотымъ ободкомъ, и подумалъ, что она вся удивительная, — и отъ того, что она сегодня придетъ, и сама захотѣла притти, мгновеннымъ ужасомъ захолонуло сердце.

Но не съ Шубниковымъ же дѣлиться своимъ восторгомъ!

Горѣловъ сурово нахмурился, коротко сказалъ:

— Приду, —

И торопливо вышелъ, чтобы сѣсть въ коляску и ѣхать въ городъ.

* * *

Утромъ Ленка поднялась рано и ушла въ городъ. Съ Вѣрою все было сговорено и условлено, и теперь Ленка знала, что ей дѣлать.

Когда ея порозовѣвшія отъ утренней росы легкія ноги быстро бѣжали по тропинкѣ вдоль знакомаго пути, она весело думала, что и грѣшница иногда можетъ если не сдѣлать доброе дѣло, то хотя помѣшать лукавому.

По одному направленію съ нею, на базаръ въ городъ, шли и ѣхали деревенскіе люди, то обгоняя, то отставая. Иногда они переговаривались съ нею лѣнивыми голосами. Иногда безъ всякой нужды въ воздухѣ висѣла крѣпкая брань. Но всѣ эти люди казались Ленкѣ неподвижными, косными, почти не коснувшимися жизни и не сознавшими той ея тяготы, которую несли хрупкія Ленкины плечики. Всѣ эти частые попутчики и рѣдкіе встрѣчники не мѣшали ей тревожно думать о томъ, что будетъ нынче вечеромъ, и мысли ея были быстры и точны, какъ длинный бичъ въ ловкой рукѣ наѣздницы.

Дома Ленка тщательно и нарядно одѣлась, и отправилась на пароходъ. На Горѣловской пристани ее встрѣтилъ Шубниковъ.

— Ну вотъ спасибо, что не обманули, — тихо говорилъ онъ, пожимая ея руку, — я его уже подготовилъ.

Но видно было, что онъ озабоченъ и еще чѣмъ-то другимъ: глаза его то и дѣло обращались къ тѣснившимся на пристани. Ленка оглядѣлась, и увидѣла Малицына. Повидимому, онъ ѣхалъ внизъ. Въ его рукахъ ничего не было. Но вслѣдъ за нимъ прошла на пароходъ незнакомая никому здѣсь дѣвушка въ синихъ очкахъ; она несла парусиновый чемоданчикъ. Ленка вспомнила, что Вѣра разсказала ей

вчера о рѣшеніи рабочихъ передъ забастовкою отправить Малицына изъ слободки, чтобы сохранить нужнаго человѣка. Быстроглазая Ленка замѣтила, что Шубниковъ украдкой смотритъ и на Малицына, и на дѣвицу въ очкахъ. Подумала съ досадою:

«Ну, зачѣмъ же они его на пароходъ направили!»

Пароходъ отошелъ, пристань опустѣла, Шубниковъ повелъ Ленку въ Горѣловскую усадьбу. Долго шли мимо заборовъ, сараевъ, какими-то окольными тропками. Черезъ калитку у запертыхъ воротъ прошли на пустынный дворъ, оттуда черезъ ворота въ садъ, и опять шли по тропкѣ вдоль забора. У другой калитки, закрытой со всѣхъ сторонъ кустами сирени, Шубниковъ остановился, досталъ изъ кармана ключъ, — и черезъ минуту Ленка очутилась въ томъ самомъ уютномъ саду, куда недавно съ противоположной стороны вошла ночью Вѣра.

— Вотъ, Леночка, здѣсь вамъ придется проскучать до вечера, — говорилъ Шубниковъ, вводя Ленку въ домъ.

Ленка съ любопытствомъ осматривалась.

— Ну, что жъ, поскучаю, — сказала она. — Можетъ быть, книжка найдется.

Шубниковъ скабрезно осклабился, и отвѣчалъ:

— Найдутся здѣсь и книжки, и картинки. Пока позавтракайте, потомъ вамъ обѣдъ принесутъ.

* * *

Отъ ранней прогулки Ленка проголодалась, и съ удовольствіемъ сѣла за столъ. Что еще будетъ вечеромъ, — но теперь надо хорошенько отдохнуть, выкинуть изъ головы тревожныя мысли, быть беззаботною, собрать силу и вниманіе для труднаго сеанса.

— Пока вы кушаете, Леночка, я тутъ коечто посмотрю въ домѣ, — сказалъ Шубниковъ, и вышелъ въ коридоръ.

Ушелъ, и точно потонулъ: ковры, застилавшіе полы въ комнатахъ и въ коридорѣ, скрадывали звукъ шаговъ. Ленка положила себѣ осетрины, облила ее бѣлымъ соусомъ, потомъ тихонько подбѣжала къ двери, прислушалась. Звякнулъ телефонный звонокъ, и замеръ, задушенный нажимомъ кнопки, только слышно было гудѣніе быстро поворачиваемой ручки, потомъ голосъ Шубникова:

— Пожалуйста, 37.

Ленка осторожно высунула голову, — въ коридорѣ никого, голосъ слышенъ изъ комнаты въ дальнемъ темномъ концѣ коридора. Опять заглушенный звонокъ, — ожиданіе, — голосъ Шубникова, слова неотчетливо слышны. Ленка сдѣлала нѣсколько шаговъ по коридору, — сквозь гудѣніе негромкой рѣчи какъ-будто слова:

— Агитаторъ, — пароходъ, — дѣвица въ синихъ очкахъ, — парусиновый чемоданчикъ, — да, внизъ, — тамъ можетъ на Самолетъ...

Не столько слышала эти слова, сколько догадывалась, что они могутъ быть такими.

Молчаніе, короткій трескъ отбоя.

Ленка мигомъ очутилась опять за столомъ. Когда вскорѣ вошелъ Шубниковъ, Ленка, не спѣша, съ видимымъ удовольствіемъ ѣла осетрину, и такъ была углублена въ это занятіе, что даже, казалось Шубникову, не сразу замѣтила его появленіе. Онъ спросилъ:

— Ну, что, какъ? отдаете должную дань Горѣловской кухнѣ? Такъ въ ресторанѣ нигдѣ не накормятъ. Какова рыбка, а?

Онъ расхваливалъ Горѣловскую кухню съ усердіемъ вѣрнаго слуги и съ удовольствіемъ будущаго участника такихъ же богатствъ. Ленка улыбаясь посмотрѣла на него, и сказала:

— Вкусненькая. Все здѣсь вкусненькое.

— Обѣдъ еще вкуснѣе будетъ, — говорилъ Шубниковъ, присаживаясь къ столу и принимаясь за водку и закуски. — А что же вы икорки не попробовали? Дайте-ка я вамъ положу вотъ этой. Я сейчасъ сказалъ по домашнему телефону Анфисѣ Егоровнѣ, чтобы вамъ часовъ въ шесть принесли обѣдъ. Самъ-то я въ домѣ не буду до обѣда, на кирпичный заводъ надо пройти, такъ пришлось по телефону сказать.

— Я сегодня плохо спала, рано встала, — говорила Ленка, — хорошо бы соснуть до обѣда.

— Вотъ позавтракаемъ, я васъ провожу въ спальню. Тамъ же рядомъ ванная комната, можете передъ обѣдомъ ванну взять.

— Лучше теперь, а потомъ я посплю.

— Сразу-то послѣ завтрака? — спросилъ Шубниковъ. — Это, Леночка, не гигіенично. А впрочемъ, надо сначала печку затопить. Пока вода согрѣется, время пройдетъ.

Послѣ завтрака Шубниковъ провелъ Ленку въ спальню, откуда былъ ходъ въ комнату съ ванною, умывальникомъ, туалетными принадлежностями.

— Печку я самъ затоплю, Леночка, — сказалъ онъ, — не надо, чтобы лишніе люди здѣсь видѣли васъ.

И принялся за дѣло. Скоро дрова, уже наложенныя въ печку заранѣе, запылали.

Ленка прошлась по спальнѣ, по уборной. Ужъ очень все здѣсь было бѣло, нѣжно, мягко, пушисто, легко, свѣтло, свѣжо, празднично, уютно, все такъ располагало къ отдыху и лѣни. Этотъ уютъ, потрескиваніе дровъ, спущенныя на окнахъ занавѣски, яркое въ окно спальни солнце, пронизавшее легкую занавѣску, да еще къ этому ощущеніе нетяжелой сытости, да истома отъ рано прерваннаго сна, — не устоять отъ ихъ искушенія. Ленка зѣвнула.

— Нѣтъ, — сказала она, — пожалуй, я сначала высплюсь. Здѣсь, я вижу, припасены за печкой полѣнца, — такъ я сама подтоплю потомъ.

— Ну, ну, ваше дѣло!

* * *

Шубниковъ распростился съ Ленкою, улыбаясь весьма скабрезно, и ушелъ. Ленка замкнула дверь спальни, опустила штофную малиноваго цвѣта портьеру, и начала было раздѣваться, чтобы полежать въ постели, сняла платье и башмаки, и вдругъ услышала какой-то шорохъ. Ужъ не вывалилось-ли полѣнце изъ

печки? Какъ-бы не надѣлать пожара! Ленка вошла въ уборную. Но тамъ все было въ порядкѣ. Что же ей послышалось? Не мышка-ли здѣсь бѣгаетъ? И Ленка внимательно обшарила глазами всю уборную.

На бѣломъ лакированномъ столикѣ возлѣ нарядной бѣлой кушетки лежала маленькая книжка въ сиреневомъ съ золотыми звѣздочками мягкомъ сафьяновомъ переплетѣ. Ленка взяла ее, первая страничка была занятная, картинка за нею забавная и чуть-чуть неприличная, — Ленка сѣла на кушетку, увлеклась было чтеніемъ. Но не прошло и пяти минутъ, какъ за стѣною послышался шумъ, какъ отъ паденія тяжелаго тѣла, соединенный со стукомъ, точно упалъ стулъ, потомъ заглушенный вскрикъ. Ленка въ испугѣ вскочила. Въ домѣ кто-то есть: или Шубниковъ еще не ушелъ, или кто-то забрался чужой. Но что-же здѣсь дѣлаетъ Шубниковъ? Подслушивать пока еще нечего.

Впрочемъ, чего же ей бояться? Дверь замкнута, оба окна спальни, одно по фасаду, другое на боковой стѣнѣ, и окно уборной закрыты и занавѣшены. Ленка подошла къ окну въ уборной. Ярко освѣщенный солнцемъ, — было часа два, — лежалъ передъ нею садъ. Сквозь неплотную занавѣску изъ прозрачной свѣтло-розовой ткани она видѣла все ясно, хотя и слегка затуманеннымъ, — жаркіе лучи солнца падали слѣва, скользя по боковой стѣнѣ и зажигая острою золотою полоскою правый край рамы, — Ленку же никто изъ сада не увидѣлъ бы. А если бы она захотѣла спрятаться еще лучше, —

если бы, напримѣръ, кто-нибудь взлѣзъ на каменный приступокъ и сталъ бы всматриваться въ окно, заслоняя глаза отъ солнца руками, — то Ленка могла бы задернуть замѣченную ею только теперь ярко красную плотную занавѣску. Прямо передъ окномъ шла, немного понижаясь, недлинная дорожка, все прямая, къ забору и калиткѣ; за заборомъ изъ-за деревьевъ виднѣлась вдали часть Горѣловскаго дома. Одно окно тамъ было открыто, и казалось, что большой домъ внимательно смотритъ этимъ окномъ прямо сюда.

Ленка стояла и ждала, не отводя глазъ отъ дорожки. Прошло нѣсколько минутъ. Вдугъ у самаго забора изъ-за куста сирени выдвинулся Шубниковъ, быстро отомкнулъ калитку, и вышелъ.

Ленка надѣла платье и башмаки, выбѣжала въ садъ къ калиткѣ, потрогала ее, — она была замкнута. Ленка подумала:

«Господинъ инженеръ взялъ меня въ плѣнъ. Ну, а самъ-то онъ что дѣлалъ сейчасъ?

Вернулась, обошла весь домъ. По фасаду три комнаты: съ крыльца проходная гостиная, направо столовая, налѣво спальня и отъ нея отдѣленная уборная. Позади этихъ трехъ комнатъ поперекъ всего дома коридоръ, въ него двери изъ гостиной и столовой, — уборная имѣетъ выходъ только въ спальню, — по другой стѣнѣ три двери. Въ правомъ концѣ коридора, около столовой, двойная дверь съ большими застекленными рамами, выходъ въ садъ. Дверь противъ столовой вела въ буфетную, вторая дверь въ кухню; между кухнею и бу-

фетною — арка безъ двери; въ кухнѣ одно окно и рядомъ съ нимъ дверь на заднее крыльцо. Третья дверь въ комнату тоже угловую и тоже съ двумя окнами, какъ и буфетная. Въ ней телефонъ съ городомъ и телефонъ домашній, оба на стѣнѣ. На столикѣ около телефоновъ — книжка, списокъ абонентовъ сначала по порядку номеровъ, потомъ по алфавиту. На стѣнѣ рядомъ съ домашнимъ телефономъ ровно прикрѣпленъ четырьмя кнопками листъ съ номерами и названіями помѣщеній, гдѣ стоятъ аппараты, дома и на фабрикѣ, всего 31 названіе.

Ну вотъ и весь домикъ. Гдѣ тутъ прятаться и подслушивать? Надо поискать. Но сперва телефонъ. Анфиса Егоровна — экономка; какой ея номеръ? Девятый. А кто-же тридцать седьмой? Да и нѣтъ здѣсь такого.

Ленка взяла городской списокъ. Нашла строчку:

37. Солодовскій, Вл. Ник., полк., нач. Сон. губ. жанд. упр.

Ленка подумала:

«Правду мама говоритъ, что у этихъ людей нѣтъ ума, а только одно мечтаніе.»

Что жъ, Малицына сцапаютъ, этому не помѣшать никакъ, — развѣ только сойдетъ на одной изъ ближайшихъ дачныхъ пристаней и поѣдетъ дальше не на пароходѣ, — но зато рабочіе узнаютъ, что за птица — инженеръ Шубниковъ.

*

* *

Обойдя еще разъ весь домъ, Ленка сообразила, что шумъ, который она слышала, шелъ изъ темнаго конца коридора. Внимательно высмотрѣла она тамъ всѣ стѣны и уголки, провозилась болѣе получаса, сначала въ полусвѣтѣ отъ дальней двери, потомъ догадалась зажечь электрическую лампочку, и наконецъ увидѣла люкъ.

«Не чердакъ-ли?» — подумала она.

Окинула быстрымъ взглядомъ платье, сбѣгала въ спальню, платье скинула, да и башмаки и чулки, чтобы не запылить, вернулась въ коридоръ. Взобраться на шкапъ и оттуда проникнить на чердакъ было для нея дѣломъ одной минуты.

Сквозь слуховое окно ложился короткій, пропыленный снопъ высокихъ солнечныхъ лучей. Было свѣтло, сухо, и, какъ всегда на чердакахъ, почему-то грустно и жутко.

Ленка прошла по чердаку нѣсколько разъ по всѣмъ направленіямъ. Въ нѣсколькимъ мѣстахъ ложилась на полъ, прижимаясь къ полу ухомъ, — не услышитъ-ли случайнаго звука. Вспомнила, что въ столовой есть часы, стѣнные, въ футлярѣ краснаго дерева, съ тяжелымъ и звучнымъ ходомъ. Пошла въ тотъ уголъ чердака, который, по ея расчету, былъ надъ столовой. Тамъ долго слушала въ разныхъ мѣстахъ, — ничего не слышно. Не коврикъ-ли мѣшаетъ? Отбросила его, и тотчасъ же увидѣла крышку глазка.

Такъ вотъ для чего здѣсь два коврика!

Откинула и другой. Такъ, одинъ надъ столовой, другой надъ спальнею. Видно неважно,

открывается небольшая площадь для наблюденій, — здѣсь столъ и передъ нимъ диванъ, вокругъ стулья, тамъ постель. Зато хорошо слушать.

Обшарила весь полъ, больше ничего не нашла. Ну что-жъ, гостиная — проходная, въ ней не засиживаются.

Ленка спустилась внизъ. Помылась, одѣлась. Обошла весь садъ, — нѣтъ-ли чего интереснаго. Нашла три бесѣдки, — всѣ скрыты въ кустахъ, но изъ одной видна часть берега съ пристанью, изъ другой — фабрика, изъ третьей — Горѣловскій домъ.

Было четыре часа. Передъ фабрикою небольшими толпами стояли рабочіе, работницы, сновали дѣти. По всему видно было, что забастовка началась. Въ Горѣловскомъ домѣ всѣ окна закрыты. На пристани люди ждутъ парохода, стоятъ, какъ всегда, точно сонные, только около воды ребятишки балуются, да и то безъ особеннаго оживленія.

Что жъ теперь дѣлать Ленкѣ? Замкнутъ садъ, ни ей вытти, ни къ ней никто не придетъ. Ленка пошла въ спальню, открыла окно, чтобы не было душно, и чтобы услышать, если будетъ какой-нибудь особенный шумъ, раздѣлась и легла въ постель. Спала до половины седьмого.

Разбудилъ ее какой-то монотонный звукъ. Она полежала вслушиваясь, — похоже на далекій барабанный бой, какъ будто гдѣ-то идутъ солдаты. Спальня была пронизана лучами солнца изъ обоихъ оконъ. Ленка встала. Было грустно, какъ всегда, когда просыпаешься

днемъ. Или, можетъ быть, этотъ сухой звукъ барабановъ нагонялъ на нее грусть?

Ленка подтопила печку, посидѣла въ теплой ваннѣ минутъ десять, потомъ облилась холодною водою, одѣлась, вышла въ столовую. Тамъ уже ожидалъ ее обѣдъ.

Послѣ обѣда она взяла опять ту же занятную книжку, и вышла съ нею въ садъ. Солнце было уже низко. Время отъ времени слышны были издалека громкіе голоса, — какъ-будто тамъ за оградою и около ручья ходили толпы; ничего не было угрожающаго въ этихъ звукахъ, иногда весело взвизгивала гармоника, доносилось пѣніе, смѣхъ, — но Ленкѣ было жутко. Она поднялась въ бесѣдку, глянула къ фабрикѣ, — на дворѣ и передъ оградою было пусто, у воротъ стоялъ часовой съ ружьемъ. Ленка сѣла, взялась за книгу. Но ея хватило не больше, какъ на полчаса.

Ленка вышла изъ бесѣдки, посидѣла на скамейкѣ, потомъ пошла по дорожкамъ вдоль забора. Дошла до внѣшняго забора, подивилась на ровъ. Потомъ прислушалась, — кто-то шелъ недалеко, нарочно громко переговариваясь. Голоса все ближе, слышенъ шумъ и трескъ вѣтвей. Звонкій голосъ подростка закричалъ:

— Хозяинъ, а хозяинъ, гдѣ полюбовницъ принимаешь?

Смѣхъ, топотъ убѣгающихъ ногъ, и въ то же время шагахъ въ двадцати отъ Ленки упалъ на дорожку небольшой камень. Ленка подобрала его, вернулась съ нимъ въ домъ, легла въ гостиной на диванѣ, и опять заснула.

* * *

Она проснулась, точно отъ толчка. Вскочила на ноги. Было уже темно. Въ столовой звенѣла посуда.

— Кто тамъ? — спросила Ленка.

Вошелъ Шубниковъ, повернулъ выключатель электрической люстры. Ленка окинула его внимательнымъ и быстрымъ взглядомъ. Онъ былъ красенъ, взъерошенъ, взбудораженъ. Отъ Мефистофеля въ немъ теперь ничего не оставалось, и изъ оперныхъ персонажей онъ напоминалъ скорѣе всего Лепорелло черезъ часъ послѣ испуга передъ гробницею командора, — на его лицѣ еще не улеглись судороги, и въ рукахъ не успокоилась дрожь, и весь онъ иногда чуть-чуть передергивался.

— Ужинъ вамъ принесъ, Леночка, — говорилъ онъ. — Такъ черезъ полчасика Иванъ Андреевичъ припожалуетъ.

— А что на фабрикѣ? — спросила Ленка.

Шубниковъ воззрился на нее сердито и тревожно.

— На какой фабрикѣ? При чемъ тутъ фабрика!

Голосъ его дребезжалъ, карабкаясь и срываясь на всѣхъ ступеняхъ неширокой гаммы. Ленка говорила съ усмѣшкою:

— Я слышала, барабаны били, думала, солдаты пришли, забастовщиковъ унимать.

Шубниковъ хмурился и злобно ерошилъ волосы.

— Какіе тамъ солдаты! — угрюмо бормоталъ онъ, и лицо его передернулось злою гримасою. — Это вы во снѣ видѣли, ужъ очень крѣпко заснули, надо полагать.

— А забастовка? — спросила Ленка.

Шубниковъ совсѣмъ обозлился, и задрожалъ мелкою дрожью.

— Да что вы мнѣ все про забастовку толкуете! — закричалъ онъ. — Далась вамъ эта забастовка! Ни забастовки, ни солдатъ нѣтъ, а вы это выбросьте изъ головы. Думайте о вашемъ дѣлѣ, и больше никакихъ.

Ленка поискала глазами принесенный ею сюда изъ сада камень, — вотъ онъ, лежитъ на креслѣ около дивана. Подала его Шубникову. Сказала:

— Мнѣ страшно, — тутъ и днемъ-то не дай Богъ сидѣть. Въ садъ послѣ обѣда ненадолго вышла, а тутъ мимо какіе-то шлялись, камнемъ черезъ заборъ швырнули.

Шубниковъ испуганно оглядывалъ камень. Потомъ вдругъ набросился на Ленку съ упреками:

— Что же вы, на заборъ, что-ли, полѣзли? Или такъ переговаривались съ ними? Они васъ видѣли? Слышали? Не могли вы посидѣть спокойно? Этакъ вы всѣхъ этихъ хулигановъ сюда подманите, начнутъ заборъ ломать.

— Да вы не волнуйтесь, Андрей Өедоровичъ, — спокойно отвѣчала Ленка, — видѣть и слышать они меня не могли, заборъ высокій, я не шумѣла, они такъ просто озорничали, да и камень пустяковый, и попалъ бы, не убилъ бы, и всего-то бы дѣла — синякъ пашибъ. А только напрасно вы меня въ такое время сюда привели, когда на фабрикѣ неспокойно. Еще сюда ворвутся, и меня изобьютъ, да и хозяина грѣш-

нымъ дѣломъ зашибутъ до смерти, — много-ли старому человѣку надобно!

— Ну, ну, поѣхала коза съ орѣхами! — сердито бормоталъ Шубниковъ. — Никто васъ не тронетъ, и никому сюда не попасть.

— Сами сейчасъ говорили, заборъ ломать станутъ.

Шубниковъ сердито козломъ глянулъ на Ленку. Она смѣялась.

— Вы ко мнѣ не придирайтесь! — визгливо крикнулъ онъ. — И такъ голова кругомъ идетъ. Я говорилъ, еслибы вы ихъ дразнить вздумали. А такъ зачѣмъ сюда пойдутъ? Кто на Горѣлова захочетъ напасть, тотъ въ домъ къ нему пойдетъ, а этого мѣста никто и не знаетъ.

— А камень? — спросила Ленка.

— Ну, просто озорники-мальчишки мимо шли, откуда-то и швырнули. Потому и бросили, — думали, никого нѣтъ. Ближе къ дому не посмѣли-бы. Да и вообще, теперь ужъ поздно разсуждать. Пришли, и онъ сейчасъ придетъ. Сидите и ждите.

Шубниковъ вдругъ измѣнилъ ворчливый тонъ на просительный.

— Леночка, миленькая, ангелъ дорогой, будьте душенькой, постарайтесь. У Николая Ивановича сегодня опять съ Иваномъ Андреевичемъ непріятность вышла. Такъ досадно! Николай Ивановичъ — такой неосторожный и несдержанный человѣкъ. Въ глаза отцу про Вѣру брякнулъ, да еще при Солодовскомъ.

— А зачѣмъ здѣсь Солодовскій? — опять спросила Ленка.

Шубниковъ досадно поморщился.

— Ну, я почемъ знаю! Мало-ли у нихъ какія могутъ быть дѣла! Леночка, голубчикъ, не развлекайтесь посторонними соображеніями, думайте о своемъ. Да и я-то дуракъ, болтаю съ вами, о чемъ не надо. У меня голова болитъ, Леночка, сегодня весь день дѣла, хлопоты, непріятности. Усталъ, какъ собака. Пойду домой. А вы, Леночка, будьте паинькой, сидите здѣсь тихонько, и ждите. Пожелаю вамъ всяческихъ успѣховъ, и улетучусь.

И быстро пошелъ въ коридоръ. Ленка улыбалась, представляя себѣ, какъ Шубниковъ станетъ сейчасъ карабкаться на чердакъ.

* * *

Разговаривать съ Горѣловымъ въ домѣ, гдѣ таится подслушивающій, неудобно. Ленка помедлила немного, и тихонько, стараясь не стукнуть дверью, вышла на переднее крыльцо. Сошла по боковой лѣсенкѣ, пробѣжала подъ переднимъ окномъ спальни и по боковой дорожкѣ пошла къ калиткѣ. Слуховыя окна чердака продѣланы на переднемъ и на заднемъ скатахъ желѣзнаго шатра кровли; боковыя стороны чердака забраны тесомъ и безъ оконъ. Значитъ, если Шубниковъ и станетъ смотрѣть въ слуховое окно, такъ ее не увидитъ, — а на крышу вылѣзать ему не резонъ. Тамъ въ кустахъ у калитки Ленка подождетъ Горѣлова, и тамъ же или въ одной изъ бесѣдокъ все ему разскажетъ.

Въ саду была свѣтлая ночь, — немного ущербленная справа, только-что начавшая убывать луна за Волгою близилась къ югу, бросая недлинныя тѣни. Казалось, что она блѣдна отъ печали, и, любопытная, заглядываетъ поверхъ высокихъ деревьевъ въ этотъ красиво и старательно воздѣланный и бѣлыми ночными цвѣтами благоухающій садъ, чтобы тоску свою утѣшить созерцаніемъ сладостныхъ поцѣлуевъ, — ей, чистой, и грѣшная земная ласка является непорочною эдемскою забавою.

Подходя къ калиткѣ, Ленка замѣтила, что за кустами у забора справа отъ нея движется что-то бѣлое. Ленка остановилась, вглядѣлась, — освѣщенная прямо въ лицо луною шла Вѣра. На ней было бѣлое платье, то, въ которомъ надняхъ она танцовала и веселилась до слезъ на товарищескомъ балу, бѣлые чулки и бѣлые башмаки. На головѣ бѣлый платочекъ, и лицо блѣдное отъ лунной высокой печали.

Ленка пошла къ ней навстрѣчу, и сердце ея забилось отъ печали и жалости.

— Вѣрочка, милая, ты сама пришла? или онъ тебя позвалъ? Вотъ-то сошлись!

— Подалъ знакъ, — отрывисто и тихо говорила Вѣра. — Былъ у насъ утромъ. Видно, готова бумага. Спроворилъ. А я пришла, думаю, ты съ Иванъ Андреевичемъ. Ну, думаю, что мѣшать. Потомъ думаю, войти все-таки надобно. Думаю, пришелъ-ли? Подкралась тихо, — сквозь занавѣски въ угловой будто свѣтъ. Тихонько съ бокового крылечка поднялась, вошла въ коридоръ, слышу твой голосъ, и еще Шубниковъ козломъ дребезжитъ. Ну,

думаю, холопъ распространяется, значитъ хозяина еще нѣтъ. Выбралась, въ кустахъ схоронилась, какъ воровка, жду, когда приспѣшникъ комолый выкатится.

Вѣра засмѣялась. Сказала вдругъ весело:

— Мама твоя о немъ вѣрно говоритъ.

— Да ужъ у меня мама умѣетъ словечки подбирать.

— Ну вотъ, — говорила Вѣра, — стою, вдругъ вижу, ты идешь. Пошла и я. А что же тотъ-то?

— Инженеръ Шубниковъ на чердакъ полѣзъ, — сказала Ленка.

И передала Вѣрѣ все, что узнала днемъ въ домикѣ.

— О, — сказала Вѣра, — недаромъ его наши такъ не любятъ. Вотъ-то негодяй! Видно, всѣ прихвостни таковы, — мастера на всѣ руки.

— Ну, а у васъ что? — спросила Ленка.

— У насъ тревожно, — сказала Вѣра. — Забастовка. Хозяинъ говорилъ съ рабочими. Почти на все согласенъ. Только въ одномъ разошлись. Товарищи требуютъ увольненія Шубникова, хозяинъ и слышать не хочетъ. Ну, да сошлись бы, — хозяинъ уступилъ, въ этомъ наши бы ему уступили. Да вдругъ солдаты нагрянули. Говорятъ, самъ-то даже и не зналъ, безъ его вѣдома Николай да инженеръ вызвали. Теперь плохо. Кто у насъ за мировую говорили, теперь воды въ ротъ набрали, молчатъ. Наши о Шубниковѣ больше не хотятъ и слушать. Шубниковъ на дворѣ у потребилки отъ хозяина какъ-то отсталъ, такъ наша молодежь его помяла немного. Ну, постарше вступились, хозяинъ его въ коляскѣ увезъ.

— А что жъ солдаты? — спросила Ленка.

— Да что солдаты! Солодовскій заоралъ, офицеръ началъ пѣтушиться, чего-то командовать, горнистъ заигралъ, воины ружьишками брякнули, — ну, наши поразбѣжались, обошлось пока безъ крови. Хорошо, что моего Глѣба тамъ не случилось. Потомъ говоритъ мнѣ: будь я тамъ, я бы его двинулъ. Не любитъ онъ Шубникова. Да и за дѣло, видно. У Малицына, видно, глазъ вѣрный, сразу его понялъ.

* * *

— Вѣра, у тебя пятно на платьѣ, — сказала Ленка.

Вѣра оглянула себя, — спереди внизу бѣлой юбки сѣрое пятно. Припоминая сказала:

— Тамъ у калитки камень большой, не видѣла, споткнулась, упала.

— Въ домѣ вода есть горячая, пойдемъ, замоемъ, пока не влипло, заботливо говорила Ленка.

Вѣра усмѣхнулась, пожала Ленкину руку, сказала:

— Подожди, дай отдохнуть.

— Ну, посиди, я сюда принесу одеколонъ и полотенце.

И быстро побѣжала въ домъ. Это пятно на бѣломъ платьѣ, — нельзя его стерпѣть Ленкѣ, плакать отъ него хочется. Вѣра улыбаясь смотрѣла вслѣдъ за нею, потомъ сѣла на скамейку, — такъ устала!

Скоро Ленка вернулась съ флакономъ и съ полотенцемъ. Стала на колѣни, лила одеколонъ

и снимала осторожно полотенцемъ грязь. Ну вотъ, опять чисто, а мокрое пятно живо высохнетъ.

Вдругъ Ленка уронила флаконъ и полотенце на песокъ, охватила Вѣрины колѣни, и заплакала.

— Вѣрочка, милая, сестрица дорогая!

— Ну, ну, не плачь, — лаская, унимала ее Вѣра, — потомъ еще успѣемъ поплакать, времени будетъ много и для слезъ, и для смѣха. А теперь къ нему съ красными глазами не итти.

Ленка вытерла слезы, сѣла рядомъ съ Вѣрою. Помолчали.

«Да, не надо распускаться,» — думала Ленка. Спросила, опять собирая всю свою силу и все вниманіе:

— Что-же мы будемъ дѣлать? Поздно, Горѣлову сегодня не до того, пожалуй, и не придетъ.

Вѣра усмѣхнулась и сказала увѣренно:

— Придетъ! Ты одна его встрѣть, Леночка, разскажи ему все, что надо. А я пока тутъ въ саду подожду. Хорошо тутъ, спокойно. Потомъ, когда кончишь, дай мнѣ знакъ, — ну, запой что-нибудь, хоть про Стеньку, что-ли. А пока объясни мнѣ хорошенечко, какъ тамъ чердачекъ-то устроенъ.

Сидѣли на скамейкѣ, и разговаривали тихо. Луна поднималась выше, все пристальнѣе оглядывая садъ. Уже она была на югѣ, когда заскрипѣлъ въ замкѣ ключъ. Вѣра быстро отошла за кусты. Ленка подняла флаконъ, хотѣла положить его на скамейку, да заторопилась,

забыла о немъ, и, машинально вертя его въ рукахъ, стала около калитки.

Горѣловъ вошелъ. Оглядѣлся. Спросилъ съ удивленіемъ:

— Это кто? А, да это — Ленка! Какъ ты сюда попала?

— Господинъ Шубниковъ привелъ, — отвѣчала Ленка.

Брови Горѣлова сурово сдвинулись. Гнѣвнымъ окрикомъ хозяина онъ спросилъ:

— Зачѣмъ?

— Иванъ Андреевичъ, пойдемте подальше, въ бесѣдку, я вамъ все объясню, — говорила Ленка.

Горѣловъ подозрительно глянулъ на нее. Флаконъ въ ея рукахъ навелъ его на тревожныя мысли. Онъ спросилъ:

— Съ Вѣрою что случилось?

— Съ Вѣрою ничего, не безпокойтесь, Иванъ Андреевичъ, только говорите тише, онъ подслушиваетъ.

— Кто? женихъ? Какъ онъ сюда попалъ?

— Господинъ Шубниковъ подслушиваетъ.

— Часъ отъ часу не легче! Что за ерунда!

Вѣра услышала, какъ Ленка и Горѣловъ ушли по дорожкѣ вдоль забора къ Волгѣ. Тогда она вышла къ калиткѣ, сѣла на скамейку, прислушивалась, ждала.

Прошло болѣе получаса. Было тихо и въ оградѣ, и за оградою. Только раза два-три откуда-то издалека донеслись веселые вскрики, пѣсня, стукъ телѣги, — и опять тихо. Тѣни замѣтно передвинулись. Боковая стѣна домика отчетливо бѣлѣла. Изъ ея трехъ окошекъ два

были видны Вѣрѣ, въ спальнѣ и въ уборной, занавѣшенныя, и домикъ казался ослѣпшимъ и чутко слушающимъ, а красный желѣзный ободокъ передняго слухового окна торчалъ настороженнымъ ухомъ, продѣтымъ сквозь зеленую желѣзную шапку.

Вотъ скрипъ песчинокъ, негромкіе голоса. Въ узкомъ просвѣтѣ между деревьями дорожки и ребромъ дома на короткій мигъ показались, подходя къ переднему крыльцу, Горѣловъ и Ленка. И тотчасъ же Ленка негромко запѣла:

Изъ-за острова на стрежень...

Но Горѣловъ тревожно остановилъ ее:

— Тише, замолчи! Неровенъ часъ, услышатъ. Я здѣсь въ домикѣ и инструмента никакого не держу, кромѣ гитары, — она тихая.

Ленка перестала пѣть, и тихо смѣялась. Вотъ шаги на ступенькахъ, легкій шумъ открытой и опять закрытой двери.

«Унимаетъ, какъ меня тогда, — подумала Вѣра, — остороженъ, а отъ Шубникова не остерегся.»

Она сбѣжала вдоль забора, и по той же дорожкѣ, какъ въ первый разъ, вышла къ домику.

* * *

Когда Вѣра вошла въ домикъ, Горѣловъ сидѣлъ на диванѣ въ гостиной и хохоталъ, Ленка стояла передъ нимъ. Лицо Горѣлова очень покраснѣло, глаза налились кровью, и онъ казался непомѣрно взволнованнымъ и воз-

бужденнымъ. Распахнутый сюртукъ и полузастегнутый жилетъ давали просторъ широкой груди быстро и тяжело дышать подъ слабо накрахмаленною сорочкою.

— А, заклинательница! — громко закричалъ онъ. — Вотъ такъ разъ! Ждалъ одну, двѣ пожаловали.

Онъ захохоталъ еще громче. Ленка повернулась къ Вѣрѣ. Ея глаза были тревожны.

— Ну, дѣвицы, пойдемте ужинать, — сказалъ Горѣловъ, — пока еще горячее не простыло.

И пошелъ въ столовую, тяжело прихрамывая. Ленка шепнула Вѣрѣ:

— Ему очень худо. Въ бесѣдкѣ обморокъ былъ.

Горѣловъ шелъ по столовой, опустивъ голову, все медленнѣе и тяжелѣе. Наткнулся тучнымъ животомъ на столъ, такъ что дрогнули бѣлыя розы и уронили два-три лепестка, — и Горѣловъ точно очнулся. Поднялъ голову, прошелъ къ дивану, сѣлъ. Смотрѣлъ хмуро, дышалъ тяжело, точно прошелъ дальнюю дорогу.

— Два прибора только, — сказалъ онъ.

Ленка подошла къ нему.

— До свиданья, Иванъ Андреевичъ, я пойду. Вѣра меня выпуститъ.

Горѣловъ посмотрѣлъ на нее, съ усиліемъ что-то соображая. Потомъ вдругъ захохоталъ. Сказалъ ей:

— Подожди, уйти успѣешь, пока поужинай съ нами. Вонъ тамъ въ буфетѣ найдешь, возьми себѣ приборъ, распоряжайся, какъ дома. А ты, Вѣра, садись рядомъ со мною здѣсь на ди-

ванѣ, ѣшь, пей и веселись. Сегодня твой день, твой праздникъ, все по-твоему сдѣлано.

Ленка пошла къ буфету. Горѣловъ говорилъ:

— А инженеръ-то у меня каковъ! Видитъ, хозяинъ заскучалъ, такъ онъ ему для развлеченія сейчасъ же милую дѣвицу предоставилъ. Значитъ, пока еще Вѣра надумаетъ, придетъ, а вотъ тебѣ для забавы другая. Ай да инженеръ! Ну, Вѣра, что жъ не спрашиваешь, принесъ ли я обѣщанное?

— Что мнѣ спрашивать! — отвѣчала Вѣра, — Сами скажете. Обѣщали, значитъ сдѣлаете, а мнѣ безпокоиться нечего.

— Правильно говоришь, Вѣра! — закричалъ Горѣловъ, хлопая ее по плечу. — Леночка, подставляй свой бокалъ. Эхъ, жаль, услужливаго инженера нѣтъ, былъ бы тебѣ кавалеромъ. Онъ вѣдь у меня ласковый.

Вѣра сказала со злою усмѣшкою:

— Что-жъ, Иванъ Андреевичъ, можетъ быть, у васъ тутъ телефонъ есть, такъ господина Шубникова вызвать можно.

Горѣловъ подумалъ, усмѣхнулся, сказалъ:

— А ну, Леночка, сходи къ телефону. По коридору налѣво, третья дверь направо. Выключатель у двери слѣва. Телефонъ тутъ же, какъ войдешь, на стѣнѣ подъ лампочкой. Одиннадцатый номеръ позови.

Усмѣхался хитро и лукаво, но почему-то Ленкѣ было жутко видѣть шутливую улыбку на лицѣ, которое она недавно видѣла покрытое холоднымъ потомъ.

* * *

Когда Ленка вышла, Горѣловъ пересталъ улыбаться. Лицо его поблѣднѣло, онъ весь осунулся, тяжело привалился въ уголъ дивана, и говорилъ медленно, тяжело, точно каждое слово давалось ему съ трудомъ:

— Слушай, Вѣра. Бумагу я принесъ. Вотъ она. Крѣпко сдѣлано. По формѣ. У нотаріуса въ книгу вписана отъ слова до слова. И свидѣтели, и печати, и все, какъ слѣдуетъ.

Онъ долго шарилъ правою рукою въ боковомъ карманѣ сюртука. Вытащилъ плотный конвертъ. Вынулъ оттуда документъ, — сложенные четверо, сначала вдоль, потомъ поперекъ, два большіе листа плотной синеватой бумаги, семь страницъ исписаны, восьмая чистая. Оба листа сшиты внутреннимъ швомъ, и концы нитокъ припечатаны внизу седьмой страницы двумя печатями, нотаріуса Чернoклеина и Горѣлова. Горѣловъ осмотрѣлъ документъ, и развернутымъ отдалъ его Вѣрѣ вмѣстѣ съ конвертомъ.

— Крѣпко, — повторилъ онъ. — Только ты прочти.

— Я вѣрю, — тихо сказала Вѣра.

— Прочти, — настойчиво повторялъ Горѣловъ. — Не въ дурачки играемъ. Должна знать. Не совсѣмъ такъ написано, какъ сказала. На одну тебя. Иначе неудобно. Мнѣ объяснили, — такъ крѣпче. Ну, когда въ правахъ утвердишься, можешь имъ передать, тогда съ тебя воли не снимутъ. Ну, читай, читай.

Вѣрины руки дрожали, когда она положила передъ собою документъ.

— Читай вслухъ, — сказалъ Горѣловъ, — сумятица такая была сегодня, не вчитался толкомъ. Не забылъ-ли кого.

Вѣра читала, Горѣловъ слушалъ, кивая головою:

— Такъ, такъ! — говорилъ онъ послѣ каждаго пункта.

Обычное введеніе, — назначеніе душеприказчикомъ профессора Абакумова, — отказъ Вѣрѣ фабрикъ, капиталовъ, домовъ и земель въ полную собственность за изъятіями, означенными ниже, — домъ въ Москвѣ, домъ въ Сонохтѣ, домъ въ усадьбѣ при фабрикѣ съ садами, огородами и службами при нихъ въ пожизненное владѣніе Любови Николаевнѣ, — ей же и Милочкѣ пожизненное отчисленіе по десяти процентовъ съ доходовъ отъ фабрикъ и во всякомъ случаѣ не менѣе тридцати тысячъ въ годъ каждой, — отчисленія на содержаніе домовъ и служащихъ при нихъ во время пожизненнаго владѣнія, — длинный рядъ выдачъ родственникамъ, слугамъ, друзьямъ и учрежденіямъ.

Во время чтенія вернулась Ленка. Вѣра пріостановилась. Горѣловъ спросилъ:

— Ну, что инженеръ?

— Никто не отвѣчаетъ, — сказала Ленка.

— Крѣпко спитъ, — сказалъ Горѣловъ, смѣясь. — Ну, Вѣра, читай дальше. А ты, Ленка, садись.

* * *

Наконецъ чтеніе окончено. Вѣра молча сложила бумагу, и сунула ее за воротъ платья.

— Слушай, Вѣра, — опять началъ Горѣловъ. — И ты, Ленка, слушай. Потомъ скажешь людямъ, что Горѣловъ говорилъ своей наслѣдницѣ. Сегодня мой сынъ...

Онъ тяжело перевелъ дыханіе. Ленка тревожно встала.

— Ничего. Пройдетъ. Налей вина.

Отпилъ немного холоднаго шампанскаго, грузно привалился къ столу, облокотился, положилъ голову на ладонь правой руки, сжатою въ кулакъ лѣвою рукою ударялъ по столу, и говорилъ, тяжело останавливаясь на каждомъ словѣ:

— Мой сынъ, — мнѣ въ глаза, — и при чужихъ, — при жандармѣ, — въ моемъ домѣ, — при моей женѣ, — при моей дочери, — посмѣлъ мнѣ сказать: — Твоя любовница велѣла тебѣ меня ограбить, и отдать все рабочимъ. Онъ лжетъ!

Горѣловъ поднялся, весь багровый и дрожащій. Хриплымъ голосомъ онъ выкрикивалъ:

— Я ему сказалъ: — Проклятый, лжешь, и будь ты проклятъ отнынѣ и до вѣка. Не за блудъ, нѣтъ, ты лжешь!

Вѣра бросилась къ нему.

— Иванъ Андреевичъ, милый, не волнуйтесь.

Горѣловъ отстранилъ ее дрожащею рукою. Тяжело колеблясь, ухватясь за локотникъ дивана, онъ говорилъ рыдающимъ голосомъ:

— Стой, Вѣра, слушай. Никогда никого такъ не любилъ, какъ тебя, но что тебѣ далъ, не за блудъ даю, не за ласку краденую. Даю за то,

что я люблю, я, Горѣловъ. А ты, какая ко мнѣ пришла, такая и уйдешь, къ жениху уйдешь, безъ стыда въ глаза ему глянешь.

Ленка отошла къ окну, и тихонько плакала. Горѣловъ замолчалъ, тяжело опустился на диванъ, и опять привалился въ уголъ. Дрожащими руками онъ обшарилъ себя, и не видѣлъ, что портсигаръ лежитъ передъ нимъ на краю стола. Вѣра обѣими руками схватилась за грудь, — никогда такъ больно не билось сердце. И не знала, что сказать, что сдѣлать. Сказала:

— Иванъ Андреевичъ, вотъ портсигаръ.

Горѣловъ поднялъ голову.

— Да? А я ищу въ карманѣ. Спасибо, Вѣра.

Вѣра обошла вокругъ стола, не спѣша опустилась на колѣни, и медленно поклонилась въ ноги Горѣлову.

— Что ты, что ты, Вѣра! — испуганно бормоталъ Горѣловъ, — тебѣ-ли кланяться? Ты — царица и очаровательница. Встань.

Пытался встать, но ослабѣвшія вдругъ ноги не держали. Вѣра поднялась, — лицо въ слезахъ, щеки стыдливо и радостно раскраснѣлись. Не вставая съ колѣнъ, она говорила:

— Иванъ Андреевичъ, милый, какъ вамъ благодарна, сказать не могу. Чѣмъ заслужить, не знаю. Все сдѣлаю, что скажете.

— Ну, что, встань, — тихо говорилъ Горѣловъ, — я себя переломилъ, мнѣ ничего не надо. Развѣ одно, — на прощанье поцѣлуй меня, какъ сестра милая.

Вѣра встала, нагнулась къ Горѣлову, и онъ потянулся къ ней, но вдругъ испуганно, протягивая руки, закричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Поцѣлуешь, — звѣремъ стану.

Вѣра опустила голову, и отошла. Горѣловъ, весь поникнувшій, тихо говорилъ:

— Такъ и уйду, ни разу тебя не поцѣловавши.

Потомъ, дѣлая надъ собою усиліе, сказалъ притворно весело:

— Ну, дѣвушки, что пріуныли? Вино еще есть, выпьемъ. Ключъ у тебя, Вѣра? Когда уйдешь отсюда, брось въ Волгу. И мой ключъ, какъ уходить буду, тебѣ отдамъ, — туда же его. Я себя переломилъ, больше мнѣ сюда не ходить.

* * *

Послышался далекій шумъ.

— Что тамъ? — тревожно спросилъ Горѣловъ. — Леночка, открой окно.

Черезъ открытое окно шумъ сталъ слышенъ яснѣе. Какъ будто у самого забора надъ оврагомъ кричали нѣсколько голосовъ. Словъ было не разобрать. Только разъ особенно звонкій выкрикъ донесся:

— Эй, хозяинъ!

Конецъ фразы потонулъ въ гамѣ и смѣхѣ. Потомъ нѣсколько сильныхъ ударовъ по забору, не то дубиною, не то камнями, — брань, хохотъ, — топотъ убѣгающихъ шаговъ, — трескъ ломаемыхъ сучьевъ, удаляющійся шумъ голосовъ.

Вѣра стояла у окна рядомъ съ Ленкою. Поблѣднѣвшая луна склонялась къ западу. Ея тѣни умирали въ неясныхъ свѣтахъ едва занимавшейся еще блѣдной зари.

Когда голоса стали смолкать, Ленка закрыла окно, и онѣ обѣ вернулись къ столу. Вѣра увидѣла, что на столѣ рядомъ съ бокаломъ Горѣлова лежитъ револьверъ. Она сказала:

— Иванъ Андреевичъ, зачѣмъ это? Сюда никто не попадетъ.

— А слышала шумъ? — хмуро спросилъ Горѣловъ.

— Озорники мимо шли, — отвѣчала Вѣра. — Товарищи васъ не тронутъ.

— Тамъ не товарищи были, — бормоталъ Горѣловъ, опуская голову на грудь.

И похоже было на то, что онъ бредитъ.

— А кто-же? — спросила Вѣра.

— Черти. Или хулиганы. Николай да Шубниковъ ихъ наняли на меня напасть, пока, думаютъ, я еще не успѣлъ завѣщаніе сдѣлать. Отъ нихъ всего можно ждать.

— Да они ушли, Иванъ Андреевичъ, — увѣряла Вѣра. — Если бы такъ было, какъ вы думаете, такъ они шумѣть бы не стали, тихо бы это сдѣлали. А это просто озорники. Завтра на работу не итти, вотъ они и колобродятъ всю ночь напролетъ.

— Ну, ну, правильно, — говорилъ Горѣловъ, — ты умная.

Вѣра взяла револьверъ, осмотрѣла его. Весь стальной, простой съ виду, а человѣка убить можно. Злыя мысли визгливымъ роемъ накинулись на нее.

— Осторожнѣе, онъ заряженъ, — сказалъ Горѣловъ.

Вѣра усмѣхнулась.

— Умѣю обращаться. Я пули выну.

Быстро вскинула револьверъ кверху, и одну за другою всадила всѣ шесть пуль въ потолокъ прямо надъ серединою стола. Зазвенѣли падая раскрошенные отражатели, сыпалась штукатурка.

— Ахъ! ахъ! — вскрикивала при каждомъ выстрѣлѣ поблѣднѣвшая Ленка.

Горѣловъ съ дикимъ восторгомъ смотрѣлъ на Вѣру.

— Вотъ такъ вынула пули! — сказалъ онъ.

Вѣра бросила револьверъ на кресло, и громко точно заглушая всѣ другіе звуки, сказала:

— Простите, Иванъ Андреевичъ, нашумѣла, потолокъ испортила. Да что! Сами сказали, что здѣсь больше не будете веселиться. Простите. А мнѣ домой пора. Леночка, иди къ намъ, поспишь у меня. Мамѣ что ни есть скажемъ, придумаемъ дорогой.

— Пора и мнѣ, — сказалъ Горѣловъ.

Сдѣлалъ надъ собою усиліе, точно весь собрался, всталъ и быстро пошелъ къ выходу.

* * *

Въ саду было прохладно. Млечный свѣтъ развѣялся по небу. Тѣни смѣшались, поднялись въ посвѣтлѣвшій воздухъ, и всѣ кусты и деревья казались блаженно успокоенными.

Горѣловъ сошелъ на дорожку, остановился, глянулъ на домикъ, повернулся къ востоку,

гдѣ за деревьями уже розовѣло небо, перекрестился. Вѣра и Ленка стояли на крыльцѣ.

— Вѣра, — негромко, слегка дрогнувшимъ голосомъ, сказалъ Горѣловъ, — проводи меня до калитки. Ключъ тамъ отъ меня возьмешь, замкнешь за мною.

Молча дошли вдвоемъ до калитки.

— Такъ-то красавица, — сказалъ Горѣловъ, — переломилъ я себя, а чего это мнѣ стоитъ, одинъ Богъ...

Пропустилъ слово знаетъ, и не замѣтилъ этого. Продолжалъ:

— Стань къ свѣту, къ зарѣ лицомъ, дай на тебя — въ послѣднее наглядѣться.

Вѣра прижалась спиною къ калиткѣ. По ея лицу текли слезы. Горѣловъ сказалъ съ тихою радостью.

— Плачешь? пожалѣла? Дороже бриллiантовъ мнѣ твои слезы.

Долго смотрѣлъ. Потомъ отошелъ, сѣлъ на скамейку, опустилъ голову. Вздохнулъ, всталъ, сказалъ рѣшительно:

— Ну, будетъ. Ты не размазня, да и я не кисель. Вытри слезы, улыбайся.

Вѣра достала платокъ, прижала его обѣими руками къ лицу, точно всю печаль имъ съ себя сняла, и стала передъ Горѣловымъ. Она свѣтло улыбалась, и лицо ея слегка порозовѣло отъ радости, побѣждающей всѣ печали и страхи, да отъ легкой зари, въ небѣ свѣтломъ весело разливающейся, да отъ свѣжести ранней утренней, милѣе которой на свѣтѣ только ласка милой, только радость милаго.

— Вотъ такой тебя навсегда запомню, заклинательница змѣй, — медлительно и печально говорилъ Горѣловъ. — Радость твою вижу ясную. Спросятъ: — что хорошаго сдѣлалъ? — Скажу: — Вѣру обрадовалъ. — Прощай.

Всталъ, крѣпко сжалъ Вѣрину руку. Отомкнулъ калитку, ключъ отдалъ Вѣрѣ. Помедлилъ, сдвинулъ брови. Потомъ быстро и тихо сказалъ:

— Въ домикъ лучше бы и не заглядывала. Ну, да какъ знаешь. Будешь уходить, замкни. Если твои пули невзначай попали, куда не надо, — Ленка скажетъ, въ чемъ дѣло, — такъ ты не безпокойся. На себя возьму. Вотъ и при Ленкѣ скажу. Пусть она сюда придетъ.

Вѣра пошла къ домику. Ленки не было видно.

— Леночка! — тихо окликнула Вѣра.

Постояла, поднялась на крыльцо. Въ это время дверь быстро открылась, и Ленка вышла поспѣшно, точно испуганная.

— Иванъ Андреевичъ тебя зоветъ, — сказала Вѣра.

Горѣловъ ждалъ, прислонясь плечемъ къ притворенной калиткѣ. Спросилъ:

— Леночка, была послѣ насъ въ столовой?

— Была, — отвѣчала Ленка.

— Ничего не слышно?

— Тихо.

— Ну, слушай, вотъ при тебѣ Вѣрѣ скажу. Если что неблагополучно, Вѣра ни при чемъ. Она револьверъ и въ руки не брала. Понимаешь?

— Понимаю, — отвѣчала Ленка.

— Мой револьверъ, я стрѣлялъ, чтобы хулиганы слышали да боялись, я за все и въ отвѣтѣ. Ну, прощай, Вѣра. Не поминай меня лихомъ. Прощай, Леночка. Спасибо, что пришла и побыла здѣсь. Если жениху злые люди наговорятъ небылицъ, ты скажешь, что я къ Вѣрѣ не прикоснулся, что она мнѣ даже поцѣлуя не дала.

Повернулся и пошелъ тяжелыми и неровными шагами къ своему дому. Вѣра стояла у калитки, и смотрѣла за нимъ, пока его грузная фигура не скрылась за кустами и деревьями. Жалость, странно похожая на любовь, больно горѣла въ ней.

Когда она повернулась лицомъ къ разгоравшейся зарѣ, все передъ нею показалось ей странно перемѣнившимся. И она вспомнила:

«Что жъ я! Зачѣмъ здѣсь? Змѣиное гнѣздо растоптано, — радуйся, Вѣра, радуйся, невѣста!»

* * *

Горѣловъ медленно и долго шелъ по аллеямъ своего сада. Становилось все свѣтлѣе вокругъ, и все сумеречнѣе въ сознаніи Горѣлова. Короткія мысли, одна печальнѣе другой, вспыхивали и гасли, точно остуженныя дикимъ холодомъ, ложащимся на сердце. И все чаще повторялась одна:

«Я умираю.»

И все труднѣе было итти, и все тяжелѣе дышать. Присаживался на скамейки, отдыхалъ, шелъ дальше. Было тихо, птицы не пѣли, вѣ-

теръ не вѣялъ. Гдѣ-то, ему незримое, за насажденіями его сада отъ его помутнѣвшихъ глазъ скрытое, медленно, медленно, какъ запаздывающая радость, всходило солнце. Но въ золотую радость восхода кто-то злой раскидывалъ передъ его глазами черныя нити, сплеталъ ихъ въ сѣти, и паучьими сѣрыми лапами быстро и безшумно сновалъ гдѣ-то сбоку, таясь и дразня беззвучно.

Кое-какъ поднявшись на террасу, Горѣловъ посидѣлъ тамъ въ плетеномъ креслѣ, отдышался немного, потомъ отворилъ французскимъ ключикомъ боковую дверь, и вошелъ прямо въ холъ. И точно кто-то шепнулъ ему злорадно:

«Пришелъ домой.»

И сумеречный холъ похожъ былъ на склепъ.

На столикѣ въ дальнемъ углу свѣтилась электрическая лампа, прикрытая шелковымъ голубымъ колпакомъ. Любовь Николаевна сидѣла передъ столикомъ на стулѣ. Ея голова лежала на развернутой на столикѣ книгѣ, прическа немного развилась, рука свѣшивалась внизъ, и платокъ бѣлѣлъ на темно-синемъ коврѣ. На ней было то же цвѣта сливокъ платье, въ которомъ Горѣловъ видѣлъ ее вечеромъ. Но теперь казалось ему, что оно покрыто слоемъ сѣрой пыли.

Мимо широкой дубовой лѣстницы, откуда падалъ сверху невѣрный и неясный, слегка розовымъ окрашенный свѣтъ, онъ прошелъ черезъ весь холъ, и тяжело опустился въ грузное дубовое кресло съ высокою спинкою, обшитое темною кожею и стоявшее около того же столика.

Отъ медленнаго шума его тяжелыхъ шаговъ Любовь Николаевна проснулась, открыла глаза, оглядѣлась. Сказала дивясь:

— Уже утро!

«Надо сказать, — подумалъ Горѣловъ, — проститься, освободить, утѣшить».

Но мысли не складывались въ рѣчь, и тяжело было думать, и всякое чувство отходило, смѣняясь усталымъ равнодушiемъ. Онъ тихо спросилъ:

— Люба, ты такъ и не ложилась?

Любовь Николаевна смущенно, точно оправдываясь, говорила:

— Я сидѣла у себя, читала. Потомъ стало какъ-то тревожно. Съ Волги крики какiе-то доносились. Посмотрѣла въ окно, — въ саду такой ясный лунный свѣтъ, что у меня голова закружилась. Я спустилась сюда съ книгою, здѣсь мнѣ показалось такъ уютно, сѣла читать, да и заснула невзначай.

— Устала ты вчера, Люба, — тихо молвилъ Горѣловъ.

— Что я! — отвѣчала Любовь Николаевна. — Тебѣ тяжелѣе было. Ты не спалъ?

Горѣловъ промолчалъ. Дышалъ трудно. Опустилъ голову на грудь. Любовь Николаевна подошла къ нему. Съ тревогою глядѣла на его осунувшееся лицо, потемнѣвшее, точно чужое въ этомъ невѣрномъ освѣщенiи полутемнаго хола раннимъ утромъ. Спросила:

— Тебѣ плохо?

Отъ того, что она стала близко, Горѣловъ почувствовалъ, что ему какъ будто легче. Ея всегда милое ему лицо было, какъ лицо про-

щающаго ангела, и ея платье просвѣтлѣло свѣтомъ неувядающей райской бѣлой розы, и онъ зналъ, что она все пойметъ и проститъ. Только сумѣетъ-ли, успѣетъ-ли онъ сказать?

Онъ отвѣчалъ на ея вопросы:

— Нездоровится, знобитъ. Помоги мнѣ подняться по лѣстницѣ. Или нѣтъ, постой, сперва приму лекарство. Капли, что вчера изъ города. У меня кабинетѣ, — на столикѣ въ простѣнкѣ, — темный съ сигнатуркой.

— Знаю, — сказала Любовь Николаевна.

Быстро пошла вверхъ по лѣстницѣ. Горѣловъ съ усиліемъ поднялъ голову, и смотрѣлъ вслѣдъ за нею. Было тоскливо и страшно, — убывалъ свѣтъ, уходило послѣднее утѣшеніе. Хотѣлъ позвать, вернуть, но вмѣсто громкаго зова только хриплый шопотъ:

— Люба.

И она не услышала, — въ шелестѣ легкаго платья потонулъ тихій шопотъ.

Когда ея свѣтлое платье послѣдній разъ мелькнуло за темною дубовою рѣшеткою лѣстницы, Горѣлову показалось, что кто-то, тяжело ступая въ подкованныхъ желѣзомъ сапогахъ, подошелъ къ нему сзади, и у самыхъ его глазъ поставилъ, не прижимая, двѣ громадныя ладони цвѣта первозданной земли, и онѣ стояли, слегка колеблясь, какъ два изрытые временемъ ржавые заступа. Холодное и скользкое поползло по спинѣ, точно лили за воротъ густо замѣшанную землею воду. Стало вдругъ тошно, словно грубый локоть въ тяжеломъ желѣзѣ надавилъ подъ сердцемъ. Ломило голову, какъ будто сильными пальцами кто-то сжималъ ви-

ски. Ощущеніе дурноты возростало невыносимо, и вдругъ словно обрушилъ кто-то на его темя непомѣрную тяжесть, и погасилъ весь свѣтъ, и задулъ дыханіе жизни.

Когда Любовь Николаевна вернулась, ее встрѣтило безмолвіе смерти.

* * *

Ленка сказала:

— Вѣра, я сейчасъ была въ столовой. На чердакѣ ничего не слышно. Если Шубниковъ подвернулся...

Она не кончила. Вѣра сказала просто и спокойно:

— Поднимемся, посмотримъ.

— Ты не боишься? — спросила Ленка.

Вѣра невесело улыбнулась, и отвѣчала:

— Что мнѣ теперь о страхѣ думать! Надо кончить, нести домой бумагу, потомъ съ вѣрными людьми посовѣтоваться. А насчетъ чердака надо знать навѣрное, не случилось-ли тамъ несчастія. Я, какъ увидѣла эту игрушку, у меня въ глазахъ позеленѣло. Вспомнила Шубникова, Малицына, такое меня зло взяло, себя не вспомнила. Пойдемъ, Леночка.

Ленка первая взобралась на чердакъ, и помогла Вѣрѣ подняться туда. На чердакѣ имъ показалось сначала очень темно. Но понемногу глаза привыкли къ слабому свѣту, мутно льющемуся изъ двухъ слуховыхъ оконъ. Прошли черезъ эту свѣтлую полосу, и опять словно потонули въ сѣрой тьмѣ.

Вдругъ Ленка слабо вскрикнула.

— Что ты, Леночка?

Вѣра взяла ее за руку. Ленка шептала:

— Запнулась. Сапогъ. Здѣсь онъ лежитъ.

Обѣ нагнулись и всматривались въ тяжелое длинное тѣло, лежавшее передъ ними. Вѣра подвинулась впередъ, нашла руку, — холодная, — увидѣла мертвое лицо: лежитъ, какъ лежалъ, на правомъ ухѣ. Вѣра стала на колѣни, перекрестилась нѣсколько разъ. Потомъ сказала ему отчетливо и громко, точно онъ могъ ее услышать:

— Прости меня, Андрей Ѳедоровичъ. Не зналъ куда идешь, и не то сдѣлалъ, что хотѣлъ сдѣлать. Богъ разсудитъ. Прощай.

Наклонила голову, постояла, точно ожидая отвѣта, поднялась.

— Пойдемъ, Леночка.

Молча выбрались изъ домика. На крыльцѣ, когда Вѣра замыкала дверь, Ленка спросила:

— Вѣра, что же намъ дѣлать? молчать? или заявить?

Вѣра посмотрѣла на ясную зарю. Сказала:

— Тяжело, Леночка, да вѣдь что жъ дѣлать? Помолчимъ лучше. Ключи въ Волгу, хозяинъ сюда не придетъ, — пусть лежитъ.

— Будутъ искать? — спросила Ленка.

— Ну, поищутъ, подумаютъ, сбѣжалъ съ перепуга. Если будетъ подозрѣніе на товарищей, скажемъ. Выстрѣлы на себя хозяинъ возьметъ. Несчастный случай, никто не виноватъ, никто не обязанъ былъ знать, что онъ тамъ прячется, подслушиваетъ. За чѣмъ пошелъ, то и нашелъ.

— Прислуга скажетъ, — говорила Ленка, — обѣдъ сюда носили.

— Чего имъ говорить! — возразила Вѣра. — Да, поди, и не знаютъ. Отъ хозяина прятался, и отъ другихъ надо было прятаться. Да, впрочемъ, объ этомъ потомъ подумаемъ. Можетъ быть, и заявимъ. Тамъ будетъ видно. Теперь домой. Бумагу надо донести да спрятать, пока что. Матери скажемъ, что увидѣла тебя съ пароходной пристани и съ тобой въ лодкѣ каталась. Ужъ больно хороша была ночь!

* * *

Когда подошли къ подъемному мостику, было уже совсѣмъ свѣтло.

— Сейчасъ солнце взойдетъ, — тихо сказала Вѣра.

Очень свѣтло, — говорила Ленка, — какъ мы пойдемъ? Встрѣтится кто, догадаются, откуда.

— Только бы изъ калитки выбраться, не увидѣли бы, — отвѣчала Вѣра, — а тамъ пусть. Послушаемъ, не слышно-ли чего.

Постояли молча. Все было тихо. Ленка сказала.:

— Я впередъ выду, а ты калитку за мною притвори. Если никого близко нѣтъ, я тебѣ стукну.

Вѣра подумала, и молча наклонила голову. Спустила подъемный мостъ, отдала Ленкѣ ключъ, сама прислонилась плечомъ къ столбу, задумалась. Ленка перешла мостикъ, отомкнула калитку, пріоткрыла ее, просунула голову, —

никого не видно. Повернулась къ Вѣрѣ, шепнула:

— Замкни пока.

Вѣра подошла къ калиткѣ. Вдругъ послышался трескъ вѣтокъ, кто-то сильно рванулъ и распахнулъ калитку, — Соснягинъ. Онъ оттолкнулъ Ленку, и бросился къ Вѣрѣ. Закричалъ:

— Ты, ночью, въ Горѣловскомъ саду? Зачѣмъ?

— Глѣбъ, успокойся, Вѣра не виновата, — говорила Ленка.

Соснягинъ кричалъ:

— Я думалъ, такой, какъ ты, и на свѣтѣ нѣтъ, а ты такая же.

— Глѣбъ, послушай, я тебѣ все разскажу, — спокойно сказала Вѣра. — Я передъ тобою чиста.

— Чиста! — мрачно сказалъ Соснягинъ. — Ты мнѣ одно скажи, — ты была ночью у Горѣлова?

— Была, — отвѣчала Вѣра, — но ты дай мнѣ разсказать все.

— Молчи! — крикнулъ Соснягинъ, нагибаясь и глядя на нее налитыми кровью глазами.

— Глѣбъ, я не боюсь твоего ножа, — сурово сказала Вѣра.

Ленка цѣпко ухватилась за правую руку Соснягина. Онъ рванулся. Почувствовалъ, что Ленка ловка и сильна. Выпрямился.

— Глѣбъ, мы вмѣстѣ съ нею были, — говорила Ленка.

— Съ подружкою веселою, — язвительно усмѣхаясь, прошепталъ Соснягинъ.

Вѣра говорила:

— Глѣбъ, успокойся, пойдемъ домой, по дорогѣ я тебѣ все разскажу.

— Змѣиными сказками позабавишь? — все съ тою же усмѣшкою говорилъ Соснягинъ.

Вдругъ онъ весь изогнулся, лѣвою рукою выхватилъ изъ-за голенища ножъ, неистово крикнулъ:

— Змѣя!

И ударилъ Вѣру ножомъ въ грудь. Вѣра стремительно опрокинулась на деревянную настилку мостика.

— Вѣра, Вѣра! — пронзительно закричала Ленка.

Оттолкнула Соснягина, бросилась къ Вѣрѣ, — заклинательница змѣй умирала.

Конецъ

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ